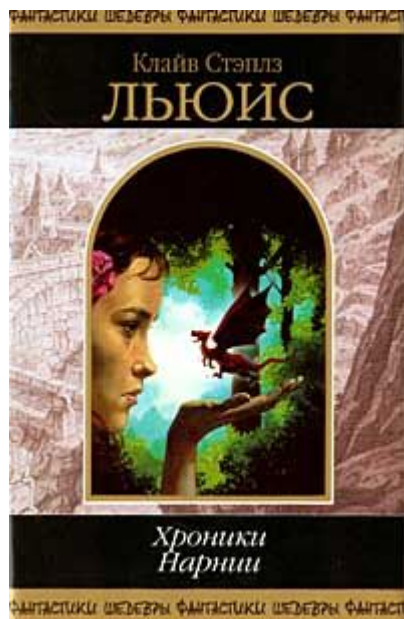

Клайв Стейплз Льюис
Плавание «Утреннего Путника»

Серия: *Хроники Нарнии – 3*

Аннотация

«Хроники Нарнии» – это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров. Эдмонд, Люси, их кузен Юстейс и король Каспиан отплывают на корабле «Утренний Путник» на поиски дяди Каспиана, изгнанного после его недолгого правления. Странствия заносят их в страну Эслана на Краю Света.

Клайв Стейплз Льюис Плавание «Утреннего Путника»

1. КАРТИНА В СПАЛЬНЕ

Жил-был мальчик, которого звали Юстас Кларенс Скрабб, и, по-моему, он того заслуживал. Родители его звали Юстасом Кларенсом, а учителя называли Скраббом. Я не могу вам сказать, как обращались к нему друзья, потому что друзей у него не было. Своих папу и маму он не звал папой и мамой, а Гарольдом и Альбертой. Они были весьма современными и прогрессивными людьми. Они были вегетарианцами, трезвенниками, не курили и носили особое белье. В их доме было очень мало мебели и очень мало простынь на кроватях, а окна были вечно открыты.

Юстас Кларенс любил животных, особенно жуков, если они были мертвые, наколотые на картон. Ему нравились книги, если они были познавательными и поучительными, а на картинках были изображены элеваторы для зерна или толстые иностранные дети, занимающиеся зарядкой в образцовых школах.

Юстас Кларенс не любил своих кузенов, четверых Пэвенси: Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси. Однако он даже в некотором роде обрадовался, когда узнал, что Эдмунд и Люси приезжают в гости. В глубине души Юстас любил командовать и задирать, хотя он и был маленьким тщедушным человечком, который в драке не смог справиться даже с Люси, не говоря уже об Эдмунде, он знал, что существует множество способов испортить людям жизнь, если ты находишься у себя дома, а они всего лишь гости.

Эдмунд и Люси вовсе не хотели гостить у дяди Гарольда и тети Альберты, но тут уж пришлось, ничего не поделаешь. Их отца в то лето пригласили на шестнадцать недель в Америку читать лекции, и мама должна была поехать с ним, потому что она уже десять лет по-настоящему не отдыхала. Питер усердно готовился к экзамену и должен был провести каникулы в занятиях с репетитором, старым профессором Кирком, в доме которого давным-давно, в годы войны, эти четверо детей пережили чудесные приключения. Если бы он по-прежнему жил в этом доме, то забрал бы к себе всех четверых. Однако, с годами он как-то обеднел и жил теперь в маленьком коттедже, где была только одна спальня для гостей. Взять в Америку всех остальных детей было бы слишком дорого, и поэтому поехала Сьюзен. Взрослые решили, что она самая хорошенькая из всего семейства, и, к тому же, она отнюдь не блистала успехами в учебе, хотя во всех других отношениях ее считали слишком взрослой для ее возраста, так что мама сказала, что Сьюзен «вынесет из путешествия в Америку гораздо больше, чем младшие». Эдмунд и Люси старались не завидовать удаче Сьюзен, но перспектива проводить летние каникулы в доме тети была поистине ужасна. «Но мне гораздо хуже», – сказал Эдмунд, – «потому что у тебя будет хотя бы отдельная комната, а мне придется спать в одной спальне с этим потрясающим вонючкой Юстасом.»

Наш рассказ начинается в послеобеденный час, когда Эдмунд и Люси украдкой проводили наедине несколько драгоценных минут. Конечно же, они говорили о Нарнии (так называлась их тайная страна). Я думаю, что у большинства из нас есть свои тайные страны, но для многих они существуют только в воображении. В этом отношении Эдмунду и Люси повезло больше, чем другим. Их тайная страна действительно существовала. Они уже дважды побывали там, не во сне или играя, а на самом деле. Конечно, они попадали туда с помощью Волшебства – это единственный путь в Нарнию. И в самой Нарнии им было обещано, или почти обещано, что в один прекрасный день они вернутся туда. Можете себе представить, как много они говорили об этом, когда представлялся случай.

Они сидели на краешке кровати в комнате Люси и рассматривали картину на противоположной стене. Это была единственная картина во всем доме, которая им нравилась. Тете Альберте она совершенно не нравилась, именно поэтому ее и повесили в маленькой задней комнатке наверху, но избавиться от нее она не могла, потому что это был свадебный подарок от кого-то, кого она не хотела обидеть.

На картине был изображен корабль – корабль, плывущий чуть ли не прямо на вас. Нос его был сделан в форме головы дракона с широко открытой пастью и позолочен. У него была только одна мачта и один большой квадратный парус яркого пурпурного цвета. Бока корабля, точнее, та их часть, которая была видна там, где кончались позолоченные крылья дракона, были зелеными.

Корабль только что взбежал на гребень великолепной синей волны, край которой, пенясь и пузырясь, спускался к вам. Было ясно, что веселый ветерок быстро гонит корабль, слегка наклоняя его на левый борт. (Кстати говоря, если вы вообще собираетесь читать этот рассказ, то вам лучше прямо сейчас запомнить, что левая сторона корабля, когда вы смотрите вперед, это левый борт, а правая – правый борт.) Солнце падало на корабль слева, и вода с этой стороны была полна зеленых и пурпурных отблесков. У другого борта, в тени корабля, вода была темно-синей.

– Вопрос в том, – сказал Эдмунд, – не становится ли тебе еще паршивее, если ты смотришь на Нарнианский корабль, но не можешь попасть туда.

– Даже просто смотреть и то лучше, чем вообще ничего, – ответила Люси. – А это настоящий Нарнианский корабль.

– Все еще играете в свою старую игру? – сказал Юстас Кларенс, который подслушивал под дверью, а теперь, ухмыляясь, вошел в комнату. В прошлом году, когда он гостил у Пэвенси, ему удалось услышать их разговоры о Нарнии, и он обожал их этим дразнить. Он, конечно, думал что они все выдумали, а так как сам был слишком глуп для того, чтобы выдумать, то такие вещи не ободрял.

– Ты здесь не требуешься, – кратко ответил Эдмунд.

– Я пытаюсь сочинить шуточное стихотворение, – сказал Юстас. – Что-нибудь вроде:

Дети, игравшие в Нарнию, Свихивались все более и более -

– Ну, для начала, Нарния и «более» не рифмуются, – сказала Люси.

– Это ассонанс, – объяснил Юстас.

– Не спрашивай его, что такое асси – как его там, – предупредил Эдмунд. – Он же жаждет, чтобы его спросили. Ничего не говори, может, тогда он уберется отсюда.

Большинство мальчиков, столкнувшись с таким приемом, либо тут же удалились бы, либо пришли бы в ярость. Юстас не сделал ни того, ни другого. Он просто продолжал болтаться в комнате, ухмыляясь, и через минуту снова начал разговор.

– Нравится тебе эта картина? – спросил он.

– Ради Бога, не давай ему повода заводитьсь об искусстве и всем прочем, – поспешно сказал Эдмунд, но Люси, которая была очень правдивой девочкой, уже ответила:

– Да, она мне очень нравится.

– Это дрянная картина, – заявил Юстас.

– Если ты выйдешь отсюда, то не будешь ее видеть, – сказал Эдмунд.

– Почему она тебе нравится? – спросил Юстас у Люси.

– Ну, прежде всего, – сказала Люси, – она мне нравится потому, что корабль выглядит так, будто он по-настоящему плывет. А вода – словно она по-настоящему мокрая. А волны – словно они действительно поднимаются и опускаются.

Конечно, на это Юстас знал множество ответов, но он ничего не сказал. Причина заключалась в том, что в этот самый момент он взглянул на картину и увидел, что волны, похоже, действительно поднимаются и опускаются. Он плавал на корабле только раз, и то только до острова Уайт, и у него была жуткая морская болезнь. От вида волн на картине ему снова стало плохо. Он позеленел, но все же попытался поднять глаза. И тут дети, все трое, застыли с открытыми ртами.

Возможно вам трудно поверить в то, что они увидели, когда вы просто читаете об этом, но и самим детям, видевшим все происходящее своими глазами, было также трудно в это поверить. Изображение на картине двигалось. Причем все это было совсем не похоже на кино: краски были слишком естественными и чистыми, как на открытом воздухе. Нос корабля опустился в волну, и вверх взметнулся большой фонтан брызг. Затем волна поднялась позади корабля, стали видны его корма и палуба, а затем, когда подкатилась новая волна, они снова исчезли из виду, и нос корабля опять взлетел вверх. В тот же момент учебник, валявшийся на кровати рядом с Эдмундом, зашелестел, поднялся в воздух и поплыл к стене у него за спиной. Люси почувствовала, что волосы хлещут ее по лицу, как в ветреный день. А это и был ветреный день, только ветер дул из картины по направлению к ним. Внезапно вместе с ветром стал слышен шум: свист волн, шум воды, бьющей по бокам корабля, скрип и над всем этим постоянный рев воздуха и воды. Но именно запах, свежий соленый запах моря убедил Люси в том, что она не грезит.

– Прекратите это, – послышался голос Юстаса, дрожащий от страха и злости. – Это вы двое устраиваете какие-то глупые фокусы. Прекратите это. Я пожалуюсь Альберте, ой!

Двое Пэвенси были гораздо более привычны к приключениям, но, как раз в ту минуту, когда

Юстас Кларенс воскликнул: «Ой», они тоже сказали: «Ой». Дело в том, что огромный холодный, соленый фонтан воды вырвался прямо из рамы и обрушился на них; от удара они просто задохнулись да, кроме того еще, и промокли насквозь.

– Я разобью эту дрянь, – закричал Юстас, а затем произошло следующее. Юстас бросился к картине. Эдмунд, знавший кое-что о волшебстве, прыгнул за ним, предупреждая, чтобы он смотрел в оба и не валял дурака. Люси схватила его с другой стороны, и ее потащило вперед. К этому моменту то ли дети сильно уменьшились, то ли картина увеличилась в размерах. Юстас подпрыгнул, пытаясь сорвать ее со стены, и очутился на раме; перед ним было не стекло, а настоящее море, он стоял, как на скале, а волны и ветер стремительно рвались к нему. Юстас потерял голову и вцепился в своих кузенов, которые вспрыгнули на раму рядом с ним. Секунду-другую они боролись и кричали, и как только им показалось, что они наконец обрели равновесие, огромный синий вал нахлынул на них, сбил с ног и потащил вниз, в море. Отчаянный крик Юстаса внезапно смолк: вода попала ему в рот.

Люси благодарила свою счастливую звезду за то, что в последнюю летнюю четверть усердно занималась плаванием. Правда, она гораздо больше преуспела бы, если бы реже взмахивала руками; и кроме того, вода была значительно холоднее, чем казалось прежде, в комнате. Тем не менее, Люси не теряла голову и сбросила туфли, как должен сделать каждый, кто в одежде падает в воду в глубоком месте. Она даже держала рот закрытым, а глаза – открытыми. Они были все еще недалеко от корабля: Люси видела возвышающийся над ними его зеленый бок и людей, глядящих на нее с палубы. Затем, как и следовало ожидать, в нее в панике вцепился Юстас, и оба пошли ко дну.

Когда они снова оказались на поверхности, Люси увидела, как с борта корабля нырнула в море какая-то белая фигура. Теперь рядом с ней был Эдмунд, он схватил за руки воющего Юстаса. Затем кто-то еще, чье лицо было смутно ей знакомо, подхватил ее рукой с другой стороны. С корабля доносились крики, над фальшбортом появились головы, вниз спускались канаты. Эдмунд и незнакомец обвязывали Люси веревками. После этого последовала заминка, показавшаяся ей очень долгой: за это время ее лицо посинело от холода, а зубы начали стучать. На самом деле прошло не так уж много времени; они выжидали момент, когда ее можно было бы поднять на борт, не ударив о борт корабля. Но когда промокшая до нитки, дрожащая Люси наконец оказалась на палубе, у нее, несмотря на все их старания, была разбита коленка. Следом за ней вытащили Эдмунда, а затем несчастного Юстаса, последним из всех появился незнакомец – золотоволосый мальчик, всего несколькими годами старше, чем она сама.

– Кэ... Кэ... Каспиан! – выдохнула Люси, как только смогла отдышаться. Ибо это был Каспиан, мальчик-король Нарнии, которому они помогли взойти на трон, когда последний раз были здесь. В ту же секунду Эдмунд тоже узнал его. Все трое с большой радостью схватились за руки и заключили друг друга в объятия.

– Да, но кто ваш друг? – спросил Каспиан почти сразу же, обернувшись к Юстасу с веселой улыбкой. Но Юстас верещал гораздо сильнее, чем имеет право верещать мальчик его возраста, вымокший до нитки, но с которым не случилось ничего худшего, и только вопил:

– Отпустите меня. Отпустите меня назад. Мне это не нравится.

– Отпустить тебя? – сказал Каспиан. – Но куда?

Юстас кинулся к борту корабля, как будто ожидал увидеть раму картины, висящую над морем, и, возможно, кусочек спальни Люси. Но увидел он лишь синие волны, покрытые пятнами пены, и голубое небо; и то, и другое простиралось до самого горизонта. Едва ли мы можем упрекнуть его за то, что он пал духом. Ему тут же стало плохо.

– Эй! Райнелф! – позвал Каспиан одного из своих матросов. – Принеси имбирного вина для Их Величеств. Это вам потребуется, чтобы согреться после такого купания.

Он называл Эдмунда и Люси Их Величествами, потому что и они, и Питер, и Сьюзен – все – были королями Нарнии задолго до него самого. В Нарнии время течет не так, как у нас. Если вы проведете в Нарнии сто лет, вы все равно вернетесь в наш мир в тот же самый час того же самого дня, когда вы оставили его. Но если бы вы возвращались в Нарнию, проведя здесь неделю, вы могли бы обнаружить, что прошло тысяча нарнианских лет, или только один день, или ни мгновения вообще. Однако вы никогда не узнаете, сколько времени прошло, пока не попадете туда. В результате, когда братья и сестры Пэвенси во второй раз попали в Нарнию, для ее обитателей это было такой же неожиданностью, какой для нас оказалось бы возвращение короля Артура в Британию. (Некоторые говорят, что это произойдет, и лично я считаю, чем скорее, тем лучше.) Рай-

нелф вернулся с четырьмя серебряными кружками и фляжкой имбирного вина, от которого шел пар. Это было именно то, что надо, и, потягивая вино, Эдмунд с Люси чувствовали, как тепло доходит до кончиков пальцев у них на ногах. Однако Юстас стал гримасничать, захлебнулся, выплюнул вино, ему снова стало плохо, он снова зарыдал и спросил, нет ли у них Витаминизированной Пищи Пламптри, Придающей Силы, и нельзя ли ее сделать из дистиллированной воды, и заявил, что в любом случае он настаивает, чтобы его высадили на берег на ближайшей остановке.

– Веселенького товарища ты привел нам, Брат, – прошептал Каспиан Эдмунду, фыркая от смеха, однако, прежде, чем он успел что-либо добавить, Юстас снова разразился воплями.

– Ой! Ай! Господи, это еще что такое! Уберите, уберите это чудовище!

На сей раз он действительно имел некоторое основание почувствовать себя удивленным. Нечто, и вправду весьма любопытное, вышло из каюты на корме и медленно приближалось к ним. Это существо можно было назвать, и оно действительно являлось, Мышью. Однако то была Мышь на задних лапах, ростом примерно с два фута. Голову ее окружала тонкая золотая повязка, пропущенная под одним ухом и проходящая поверх другого, за повязку было заткнуто длинное перо малинового цвета. Мех Мыши был темным, почти черным, в целом это смотрелось эффектно и ярко. Левая лапка покоилась на рукояти шпаги, длиной почти с мышиный хвост. Важно ступая по качающейся палубе, Мышь великолепно сохраняла равновесие, манеры ее выдавали придворного. Люси с Эдмундом сразу же ее узнали – это был Рипичип, самый доблестный из всех Говорящих Зверей Нарнии, Предводитель Мышей. Он покрыл себя немеркнущей славой во второй битве при Беруне. Люси, как всегда, страшно захотелось взять Рипичипа на руки и потискать его. Однако, как ей было хорошо известно, это удовольствие она никогда не могла бы себе позволить: это глубоко оскорбило бы его. Вместо этого она опустилась на одно колено, чтобы поговорить с ним.

Рипичип выдвинул вперед левую лапу, отставил назад правую, поклонился, поцеловал ее руку, выпрямился, подкрутил усы и произнес тонким писклявым голоском:

– Мое нижайшее почтение Вашему Величеству. И Королю Эдмунду тоже. – Тут он снова поклонился. – Этому славному приключению не хватало лишь присутствия Ваших Величеств.

– Ай, уберите его, – взвыл Юстас. – Ненавижу мышей. И я никогда терпеть не мог дрессированных животных. Они глупы, вульгарны и – и сентиментальны.

– Должен ли я понимать так, – обратился Рипичип к Люси, наградив Юстаса пристальным взглядом, – что эта исключительно невежливая личность находится под защитой Вашего Величества? Ибо, если это не так...

В этот момент Люси с Эдмундом дружно чихнули.

– Какой же я дурак, что заставляю вас всех стоять здесь в мокрой одежде! – воскликнул Каспиан. – Пойдите вниз и переоденьтесь. Люси, я, конечно же, уступлю тебе свою каюту, но боюсь, что у нас на борту нет женской одежды. Придется тебе обойтись какими-нибудь моими вещами. Рипичип, будь любезен, покажи дорогу.

– Ради удобства дамы, – сказал Рипичип, – я готов уступить даже в вопросе чести, по крайней мере, на некоторое время... – и тут он очень сурово посмотрел на Юстаса. Но Каспиан подогнал их, и через несколько минут Люси очутилась в каюте на корме. Там ей сразу же очень понравилось все: и три квадратных окошка с видом на синюю воду, пенящуюся за кормой, и низенькие мягкие скамейки по трем сторонам вокруг стола, и раскачивающаяся над головой серебряная лампа, работы Гномов, как она сразу же поняла по ее изящной утонченности, и плоское золотое изображение Льва Аслана на стене над дверью. Она мгновенно охватила все это взглядом, тут же Каспиан открыл дверь, ведущую на правый борт, и сказал: «Это будет твоя комната, Люси. Я сейчас только возьму для себя какую-нибудь сухую одежду, – разговаривая, он рылся в одном из шкафчиков, – и уйду, чтобы ты могла переодеться. Мокрую одежду просто выкинь за дверь: я скажу чтобы ее отнесли сушиться на камбуз.»

Люси почувствовала себя дома, словно она неделями жила в каюте Каспиана; движение корабля не беспокоило ее, ибо в давние времена, будучи королевой Нарнии, она много путешествовала. Каюта была крохотной, но светлой и веселой, с разноцветными панно на стенах, разрисованными птицами, зверями, малиновыми драконами и виноградом и безукоризненно чистотой. Одежда Каспиана была слишком велика для Люси, однако она вполне могла пока обойтись ею. Его туфли, сандалии и высокие сапоги были безнадежно велики, но она ничего не имела против того, чтобы походить по кораблю босиком. Закончив одеваться, она выглянула из окна полюбоваться на стремительно бегущие мимо волны и глубоко вдохнула свежий воздух. Люси была со-

вершенно уверена, что их ожидают прекрасные дни.

2. НА БОРТУ «РАССВЕТНОГО ПУТНИКА»

– А, вот и ты, Люси, – сказал Каспиан. – Тебя-то мы и ждали. Вот мой капитан, Лорд Дриниэн.

Темноволосый человек опустился на одно колено и поцеловал ей руку. Кроме него с ними были только Рипичип и Эдмунд.

– Где Юстас? – спросила Люси.

– В постели, – ответил Эдмунд, – и не думаю, что мы можем ему чем-нибудь помочь. Если пытаешься быть внимательным к нему, он только хуже делается.

– Между тем, – сказал Каспиан, – мы хотим поговорить.

– Клянусь Юпитером, это так, – воскликнул Эдмунд. – Прежде всего насчет времени. Прошел год нашего времени с тех пор, как мы оставили тебя как раз перед твоей коронацией. Сколько времени прошло в Нарнии?

– Ровно три года, – ответил Каспиан.

– Все ли в порядке? – спросил Эдмунд.

– Не думаешь ли ты, что я оставил бы свое королевство и отправился в море, если бы что-нибудь было не в порядке, – ответил Король. – Все идет как нельзя лучше. Теперь беспорядков среди Тельмаринов, Гномов, Говорящих Зверей, Фавнов и всех прочих нет вообще. И прошлым летом мы задали несносным великанам на границе такую хорошую трепку, что теперь они платят нам дань. И регентом на время своего отсутствия я оставил особу, которая как нельзя лучше подходит для этого – Трампкина, Гнома. Помните его?

– Милый Трампкин, – сказала Люси, – конечно же, я его помню. Ты не мог бы сделать лучшего выбора.

– Он предан, как барсук, Мэм, и храбр, как... как Мышь, – заметил Дриниэн. Он собирался сказать «как лев», но поймал на себе пристальный взгляд Рипичипа.

– И куда же мы направляемся? – спросил Эдмунд.

– Ну, – сказал Каспиан, – это довольно долгая история. Возможно, вы помните, что, когда я был ребенком, мой дядюшка-узурпатор Мираз избавился от семи друзей моего отца, которые могли встать на мою сторону, послав их исследовать неизвестные Восточные Моря за Одинокими Островами.

– Да, – сказала Люси, – и ни один из них не вернулся.

– Верно. Ну вот, и в день моей коронации, с благословения Аслана, я принес клятву, что если я когда-нибудь добыю мир в Нарнии, я сам в течение года и одного дня буду плыть на восток, чтобы либо найти друзей моего отца, либо узнать об их гибели и отомстить за них, если смогу. Вот их имена – Лорд Ревилиен, Лорд Берн, Лорд Аргоз, Лорд Мавраморн, Лорд Октазиэн, Лорд Рестимар и – ой, ну тот, которого так трудно запомнить.

– Лорд Руп, Ваше Величество, – напомнил Дриниэн.

– Руп, да, да, конечно же, Руп, – сказал Каспиан. – Таково мое основное намерение. Но вот Рипичип питает еще более благородные надежды.

Глаза всех присутствующих повернулись к Мыши.

– Такие же благородные, как мой дух, – сказал Рипичип. – Хотя, возможно, столь же малые, как мой рост. Почему нам не доплыть до самого восточного края света? Что мы можем там обнаружить? Я надеюсь обнаружить страну Аслана. Ведь великий Лев всегда приходит к нам с востока, через море.

– Вот это мысль, – сказал Эдмунд с благоговением в голосе.

– Но ты уверен, – спросила Люси, – что страна Аслана окажется такой же страной – я имею в виду, такой страной, до которой вообще когда-либо можно доплыть?

– Я не знаю, Мадам, – ответил Рипичип. – но вот что я знаю, когда я лежал в колыбели, дочь лесов Дриада произнесла надо мной:

Где встретятся воздух и вода, Где станет пресной волна, Не сомневайся, Рипичип, Все, что ищешь, ты найдешь, Там Востока край.

– Я не знаю, что это значит. Но эти чары всю жизнь лежали на мне.

После короткого молчания Люси спросила:

– А где мы сейчас находимся, Каспиан?

– Капитан может объяснить это лучше, чем я, – ответил Каспиан, и Дриниэн вытащил свою карту и разостлал ее на столе.

– Мы вот здесь, – сказал он, положив на нее палец. – Или, по крайней мере, были здесь сегодня в полдень. Со стороны Кер Перавел нам дул попутный ветер, мы прошли немного к северу от Галмы, но зашли туда на следующий день. Мы стояли в порту неделю, так как Герцог Галмы организовал большой турнир для Его Величества, который выбил там из седла многих рыцарей...

– И несколько раз сильно стукнулся сам при падении, Дриниэн.

Некоторые из ушибов еще не до конца прошли, – вставил Каспиан.

– И выбил из седла многих рыцарей, – повторил Дриниэн с ухмылкой. – Мы думали, что Герцогу понравилось бы, если бы Его Королевское Величество захотел жениться на его дочери, но из этого ничего не вышло...

– Косоглазая, и у нее веснушки, – пояснил Каспиан.

– О, бедняжка, – сказала Люси.

– И мы ушли из Галмы, – продолжал Дриниэн, – и попали в штиль почти на два дня, пришлось грести, а затем снова был попутный ветер. В результате мы приплыли в Тарабинтию только на четвертый день после выхода из Галмы. Там их король послал через гонца предупреждение не высаживаться, так как в Тарабинтии была эпидемия, но мы обогнули мыс, вошли в устье небольшой речки, далеко от города, и набрали пресной воды. Затем нам пришлось постоять три дня, пока не подул юго-восточный ветер. Тогда мы пошли к Семи Островам. На третий день нас догнало пиратское судно, из Тарабинтии, судя по оснастке, но, увидев, что мы хорошо вооружены, удалилось, после того, как с обеих сторон было выпущено несколько стрел.

– А мы должны были погнаться за ними, взять на abordаж и перевешать всех этих сукиных сыновей, – заявил Рипичип.

– И еще через пять дней мы оказались в виду Муйла, который, как вам известно, является самым западным из Семи Островов. Там мы гребли через пролив, и на заходе солнца вошли в Редхэвен на острове Бренн, где мы очень хорошо попиrowали и получили сколько угодно провианта и воды. Из Редхэвена мы вышли шесть дней тому назад и шли удивительно быстро, так что я надеюсь послезавтра увидеть Одинокие Острова. В общей сложности, мы уже почти тридцать дней в море и отплыли от Нарнии на четыреста лье.

– А после Одиноких Островов? – спросила Люси.

– Никто не знает, Ваше Величество, – ответил Дриниэн. – Разве только жители Одиноких Островов скажут нам.

– В наши времена они и сами не знали, – сказал Эдмунд.

– Значит, – заметил Рипичип, – настоящие приключения начнутся после Одиноких Островов.

Каспиан предложил им до ужина осмотреть корабль, но совесть терзала Люси, и она сказала:

– Я думаю, что я все-таки должна пойти и посмотреть, как там Юстас. Вы знаете, морская болезнь – это ужасно. Если бы у меня был с собой мой целебный бальзам, я могла бы вылечить его.

– Но он здесь, – воскликнул Каспиан. – Я же совершенно об этом забыл. После того, как ты оставила его, я решил, что он может считаться одним из сокровищ короны, поэтому взял его с собой сюда. – Так что, если ты считаешь, что стоит тратить его на такую ерунду как морская болезнь...

– Для этого потребуется лишь капля, – возразила Люси.

Каспиан открыл один из сундучков, стоявших под скамьей, и вытащил прекрасный алмазный флакон, который Люси так хорошо помнила.

– Возьми то, что принадлежит тебе, о Королева, – сказал он.

После этого они вышли из каюты на солнце.

На палубе были два больших длинных люка – спереди и сзади от мачты. Оба, как всегда в хорошую погоду, были открыты, чтобы пропускать свет и воздух в брюхо корабля. Каспиан повел своих друзей вниз по лестнице в задний люк. Спустившись, они оказались в помещении, где от одной стены до другой шли скамьи для гребли. Свет туда попадал через отверстия для весел и плясал на потолке. Корабль Каспиана, естественно, вовсе не был ужасной галерой, на которой гребут рабы. на нем весла использовались редко, когда не было ветра, или же для того, чтобы войти в гавань или выйти из нее; в таких случаях все на корабле, за исключением Рипичипа, лапы

которого были слишком коротки, гребли по очереди. Вдоль каждого борта корабля пространство под скамейками оставалось свободным для ног гребцов, но вдоль центра была сделана яма глубиной до самого киля, и она была заполнена всевозможными предметами: мешками муки, бочонками с водой и пивом, бочками с солониной, кувшинами с медом, бурдюками с вином, яблоками, орехами, сырами, галетами, репой, свиной грудинкой. С потолка, то есть с нижней стороны палубы, свисали окорока, косицы лука, а также гамаки с матросами, свободными от вахты. Каспиан повел всю компанию еще дальше, переступая со скамьи на скамью, он-то просто переступал, но для Люси это было нечто среднее между шагом и прыжком, а Рипичипу приходилось делать настоящие прыжки в длину. Так они дошли до перегородки, в которой была дверь. Каспиан открыл ее и ввел их в каюту, расположенную под палубными каютами на полуюте. Конечно, она была не такой удобной, как каюта Люси. Потолок был очень низок, а стены так сильно скошены, что пола в каюте почти не было; хотя там и были окна, застекленные толстым стеклом, их не открывали, так как они находились ниже уровня воды. В эту самую минуту, по мере того, как корабль швыряло на волнах, они были то золотыми от солнца, то серо-зелеными, когда их заливало водой.

– Нам с тобой придется обитать здесь, Эдмунд, – сказал Каспиан. – Оставим койку твоему родственнику, а для себя повесим гамаки.

– Умоляю, Ваше Величество... – начал Дриниэн.

– Нет, нет, капитан, – ответил Каспиан, – мы ведь уже обсудили все это. Вы и Ринс – Ринс был помощником капитана – ведете корабль, и ночью, когда мы напеваем или рассказываем друг другу разные истории, у вас много забот и трудов, так что вы с ним должны жить наверху, в каюте по левому борту. Нам с королем Эдмундом будет очень уютно здесь внизу. Но как себя чувствует незнакомец?

Юстас, совершенно зеленый, бросил на него злой взгляд и поинтересовался, не прекращается ли шторм. Но Каспиан спросил:

– Какой шторм? – а Дриниэн покотился со смеху.

– Шторм, ну, вы и скажете, молодой человек! – расхохотался он. – Это же прекрасная погода, лучшей трудно желать.

– Это еще кто? – раздраженно спросил Юстас. – Отошлите его. От его голоса у меня голова раскалывается.

– Я принесла тебе кое-что, от чего тебе станет лучше, Юстас, – сказала Люси.

– Ой, уйдите вы все и оставьте меня в покое, – проворчал Юстас.

Однако он выпил каплю из ее флакона, и хотя сказал, что это было отвратительно, в каюте, когда она открыла флакон, распространился восхитительный аромат, через пару минут его лицо приобрело нормальный оттенок, и ему, очевидно, стало лучше, потому что вместо того, чтобы рыдать по поводу шторма и своей больной головы, он стал требовать, чтобы его высадили на берег и заявил, что в ближайшем порту он на них всех предъявит протест британскому консулу. Но когда Рипичип поинтересовался, что такое протест и как его предъявляют, он решил, что это какой-то новый способ устроить поединок, Юстас смог ответить лишь: «Подумайте только, не знать таких вещей!». В конце концов им удалось убедить Юстаса, что они уже со всей скоростью плывут к ближайшей им известной суше, и что вернуть его обратно в Кембридж, где жил дядя Гарольд, настолько же в их власти, как послать его на Луну. После этого он мрачно согласился надеть приготовленную для него новую одежду и выйти на палубу.

Затем Каспиан провел их по всему кораблю, хотя на самом деле они уже видели большую его часть. Они взошли на бак и увидели вахтенного, стоявшего на маленькой приступочке внутри позолоченной шеи дракона и смотревшего вперед через его открытую пасть. Внутри бака был камбуз, корабельная кухня, и помещение для боцмана, плотника, кока и главного лучника. Если вам кажется странным, что камбуз находится на носу, и вы представляете себе, как дым из кухонной трубы расходится по всему кораблю, так это оттого, что вы думаете о парюдах, где ветер всегда дует спереди. На парусных кораблях ветер дует сзади, и все, что распространяет запахи, обычно помещают как можно ближе к носу.

Дети поднялись на верхушку мачты, и вначале им было довольно страшно раскачиваться на ней туда-сюда и видеть далеко внизу под собой крохотную палубу. Невольно возникла мысль, если будешь падать, то совершенно необязательно упадешь на палубу, а не в море. Затем их отвели на полуют, где Ринс с каким-то матросом несли вахту у большого румпеля, за которым начинался покрытый позолотой хвост дракона, а в нем по стенам была сделана маленькая скамеечка.

Корабль назывался «Рассветный Путник». Он был лишь маленькой скорлупкой по сравнению с каким-нибудь из наших кораблей или даже по сравнению с рыбацкими лодками, парусными галерами, торговыми суднами и галеонами, которые были у Нарнии в те времена, когда Люси и Эдмунд правили там под началом Светлейшего Короля Питера, однако за века правления предков Каспиана почти вся навигация прекратилась. Когда его дядя, узурпатор Мираз, послал в море семь лордов, им пришлось купить Галманский корабль и нанять команду из матросов Галмы. Теперь Каспиан снова стал обучать жителей Нарнии искусству мореплавателей, и «Рассветный Путник» был самым лучшим из всех кораблей, которые он пока построил. Он был настолько мал, что перед мачтой на палубе едва оставалось место между центральным люком и шлюпкой на левом борту и домиком для кур, их кормила Люси, на правом. Но этот корабль был своего рода красавцем, он был благороден, как сказали бы моряки, линии его были совершенны, краски чисты, и каждый брус, гвоздь, каждая веревка были сделаны с любовью. Юстас, конечно, всем был недоволен и беспрепятственно похвалялся лайнерами, катерами, аэропланами и подводными лодками. «Как будто он хоть что-нибудь знает об этом всем», – пробормотал Эдмунд, но его кузены были в восхищении от «Рассветного Путника». Когда они решили вернуться назад к каюте и ужину и вдруг увидели, как все небо на западе зажглось необъятным пурпурным закатом, почувствовали дрожание корабля, вкус соли на своих губах и подумали о неизвестных землях на Восточном крае света, Люси даже расхотелось говорить: так счастлива она была.

Что думал Юстас, лучше всего рассказать его собственными словами. Когда они все на следующее утро получили назад свою высушенную одежду, он сразу же вытащил маленькую черную записную книжку и карандаш и стал вести дневник. Он всегда носил эту книжку с собой и записывал в ней свои школьные оценки, потому что, хотя ни один предмет не интересовал его сам по себе, об оценках он очень заботился и иногда даже подходил к ребятам и говорил: «Я получил столько-то. А какую оценку получил ты?» Но так как было непохоже, что он получит много оценок на борту «Рассветного Путника», то он начал вести дневник. Вот первая запись:

«7-ое августа. Мы уже 24 часа на этой ужасной лодке, если только все это мне не снится. Все это время свирепствует ужаснейший шторм, хорошо, что я не страдаю морской болезнью. Огромные волны постоянно перекачиваются через нас, и я много раз видел, как эта лодка чуть не шла ко дну. Все остальные делают вид, что не замечают этого: либо из хвастовства, либо потому, что, как говорит Гарольд, одна из самых трусливых вещей, которые делают обычные люди – это закрывать глаза на Факты. Это сумасшествие – выходить в море на такой прогнившей маленькой скорлупке, которая немногим больше шлюпки. И, конечно, внутри абсолютно примитивна. Ни нормального салона, ни радио, ни ванных комнат, ни шезлонгов. Вчера вечером меня протащили по ней, и кому угодно стало бы тошно, если бы он услышал, как Каспиан расписывает эту смешную игрушечную лодчонку, как будто это „Куин Мэри“. Я пытался объяснить ему, что такое настоящие корабли, но он слишком глуп. Э. и Л., конечно же, не поддерживали меня. Я полагаю, что Л. – такое дитя, что не понимает опасности, а Э. просто умасливает К., впрочем, как и все здесь. Они называют его Королем. Я сказал, что я республиканец, но он спросил меня, что это значит! Похоже, он вообще ничего не знает. Не приходится и говорить, что меня поместили в худшую каюту на этой лодке, это настоящая темница, а Люси, только ей одной, дали целую каюту на палубе, по сравнению со всем этим кораблем почти удобную. К. говорит, что это потому, что она девочка. Я пытался объяснить ему, что, как говорит Альберта, такие вещи девочек только унижают, но он слишком глуп. Тем не менее, может, он все-таки поймет, что я заболел, если еще поддерживать меня в этой дыре. Э. говорит, что мы не должны жаловаться, так как К. сам делит ее с нами, чтобы уступить свое место Л. Как будто от этого не добавляется народу и не становится еще хуже. Да, почти забыл сказать, что еще здесь есть нечто вроде мыши, которая ужасно нагло ведет себя со всеми. Другие, если им это нравится, могут с этим мириться, но я-то ему быстро отверчу хвост, если оно со мной посмеет так обращаться. Кормят тоже ужасно».

Скандал между Юстасом и Рипичипом возник даже быстрее, чем можно было ожидать. На следующий день, когда все в предвкушении обеда сидели вокруг стола (на море развивается великолепный аппетит), к ним ворвался Юстас, обхватив одной рукой другую и крича:

– Эта маленькая скотина чуть не убила меня. Я требую, чтобы его держали под охраной. Я могу возбудить против тебя дело, Каспиан. Я могу добиться приказа об его уничтожении.

В эту же минуту появился Рипичип. Шпага его была вынута из ножен, и усы свирепо топорщились, но он, как всегда, был вежлив.

– Приношу всем свои извинения, – сказал он, – и в особенности Ее Величеству. Если бы я знал, что он укроется здесь, я бы подождал более удобного времени, чтобы наказать его.

– Ради Бога, объясните же, что происходит? – попросил Эдмунд.

А произошло следующее. Рипичип, которому вечно казалось, что корабль плывет слишком медленно, обожал сидеть на фальшборте, под самой головой дракона, глядя на восточный небосклон и тихо напевая своим звенящим голосом песенку, которую сочинила для него Дриада. Он никогда ни за что не держался, как бы ни накренился корабль, прекрасно удерживал равновесие; возможно, в этом ему помогал его длинный хвост, свешивавшийся с фальшборта до самой палубы. Все на борту знали его привычку, и матросам это нравилось, когда они стояли на вахте, им было с кем перемолвиться словом. Зачем именно Юстасу потребовалось, скользя, качаясь и спотыкаясь, он еще не привык к морской качке, проделать путь до бака, я так никогда и не узнал. Возможно, он надеялся увидеть землю, а может собирался поболтаться вокруг камбуза и что-нибудь стащить. В любом случае, как только он увидел этот свешивающийся длинный хвост, наверное, это и в самом деле выглядело очень соблазнительно, он подумал, что приятно было бы его схватить, пару раз крутануть Рипичипа туда-сюда, перевернув его вниз головой, а затем убежать и посмеяться. Вначале казалось, что все идет, как по маслу. Мышь была не тяжелее очень большого кота. Юстас мгновенно стащил его с перил, и выглядел Рипичип очень глупо, подумал Юстас, с растопыренными в разные стороны лапками и открытым ртом. Но, к несчастью, Рипичип, которому приходилось много раз бороться за свою жизнь, ни на секунду не терял головы. Не терял он и своего искусства. Не очень-то просто вытащить шпагу, когда тебя крутят в воздухе за хвост, но он это сделал. В следующее мгновение Юстас почувствовал два очень болезненных укола в руку, заставивших его отпустить хвост. После этого Рипичип сжался в комочек, отскочил от палубы, как мячик, и вот он уже стоял перед Юстасом, и ужасный длинный, ярко сверкающий, острый предмет, похожий на небольшой вертел, очутился на расстоянии дюйма от его желудка. (Мыши в Нарнии не считают этот удар ниже пояса, так как трудно ожидать, что смогут достать выше).

– Прекрати это, – пролепетал Юстас, – убирайся! Убери эту штуку, она опасна. Я сказал тебе, прекрати. Я пожалею Каспиану. Я добьюсь того, чтобы тебя связали и надели намордник.

– Трус, почему ты не вытаскиваешь свою шпагу! – пропищала Мышь. – Вынимай ее и дерись, или я сейчас возьму шпагу плашмя и до синяков тебя исколошмачу.

– У меня нет шпаги, – ответил Юстас. – Я пацифист. Я не верю в драки.

– Должен ли я понимать так, – спросил Рипичип, убирая свою шпагу на секунду и говоря сурово, – что Вы не собираетесь дать мне удовлетворение?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – сказал Юстас, обхватив свою руку. – Если ты не понимаешь шуток, то это твоя проблема.

– Тогда получай, – воскликнул Рипичип, – вот тебе, чтобы ты знал, как себя вести и с каким почтением положено обращаться с рыцарем, и с Мышью, и с мышинным хвостом, – и при каждом слове он ударял Юстаса плоской стороной своей рапиры, тонкой, гибкой и сильной, как березовая розга. Ее выковали гномы из хорошей стали. Юстас, естественно, учился в школе, где не было телесных наказаний, так что ощущение было для него совершенно новым. Именно поэтому, несмотря на то, что он еще не привык к морской качке, ему потребовалось меньше минуты, чтобы слезть с этого бака, пробежать по всей палубе и влететь в дверь каюты – все еще преследуемым, разгоряченным Рипичипом. Юстасу казалось, что рапира так же горяча, как и преследователь. Ее прикосновение обжигало.

Погасить конфликт было не так уж сложно, как только Юстас понял, что все совершенно серьезно восприняли идею дуэли, и услышал, что Каспиан предлагает одолжить ему шпагу, а Дриниэн с Эдмундом обсуждают вопрос, не надо ли устроить какие-то дополнительные препятствия для Юстаса, чтобы хоть как-то уравновесить то обстоятельство, что он во столько раз больше Рипичипа. Юстас извинился с кислым видом и ушел в сопровождении Люси вымыть и перевязать свою руку, а затем отправился на свою койку. Там он осмотрительно улегся на бок.

3. ОДИНОКИЕ ОСТРОВА

– Земля! – закричал вахтенный на носу корабля.

Люси беседовала на корме с Ринсом, но она тут же, громко топая, сбегала вниз по лесенке и помчалась туда. По дороге к ней присоединился Эдмунд, на баке они обнаружили Каспиана, Дри-

ниэна и Рипичипа. Утро было довольно холодным, небо – бледным, а море – очень темным с небольшими белыми шапками пены на волнах; впереди, чуть вбок по правому борту, виднелся ближайший из Одиноких Островов – Фелимат, похожий на низкий зеленый холм посреди моря; за ним, вдалеке, просматривались серые склоны его брата, Доорна.

– Вот тот же старый Фелимат! Вот тот же Доорн! – воскликнула Люси, хлопая в ладоши. – О, Эдмунд, как давно мы с тобой их не видели!

– Я никогда не мог понять, почему они принадлежат Нарнии, – сказал Каспиан. – Их завоевал Светлейший Король Питер?

– О нет, – ответил Эдмунд. – Они принадлежали Нарнии еще до нас – в дни Белой Ведьмы.

(Кстати говоря, я никогда не слышал о том, как эти острова оказались связанными с короной Нарнии. Если я когда-нибудь узнаю, и если это будет интересная история, я, может быть, опишу ее в какой-нибудь другой книге).

– Мы пристанем здесь, Сир? – спросил Дриниэн.

– Я думаю, что не имеет смысла высаживаться на Фелимате, – ответил Эдмунд. – В наши дни он был почти необитаемым и похоже, что это и сейчас так. В основном люди жили на Доорне, а некоторые на Авре – это третий остров, его еще не видно. На Фелимате только пасли овец.

– Тогда, я полагаю, мы должны обогнуть этот мыс, – сказал Дриниэн, – и высадиться на Доорне. придется грести.

– Мне жаль, что мы не пристанем к Фелимату, – сказала Люси. – Я бы снова хотела побродить там. Там было так пустынно – приятное уединение, повсюду трава, клевер, мягкий морской воздух...

– Мне бы тоже хотелось поразмять ноги, – сказал Каспиан, – А знаете что? Почему бы нам не добраться до берега в лодке? Затем мы могли бы отослать ее, пешком пройти через Фелимат, а «Рассветный Путник» подобрал бы нас на другой стороне.

Если бы Каспиан уже испытал все то, что довелось ему в дальнейшем пережить в этом путешествии, он не сделал бы такого предложения, однако в тот момент оно показалось заманчивым.

– Ой, давайте, – воскликнула Люси.

– Ты ведь поедешь с нами? – обратился Каспиан к Юстасу, который вошел на палубу с забинтованной рукой.

– Все что угодно, лишь бы убраться с этой проклятой лодки, – ответил тот.

– Проклятой? – спросил Дриниэн. – Что вы имеете в виду?

– В той цивилизованной стране, откуда я родом, – ответил Юстас, – корабли настолько велики, что, находясь на них, совершенно не ощущаешь качки.

– В таком случае можно с тем же успехом оставаться на берегу, – сказал Каспиан. – Попроси спустить шлюпку, Дриниэн.

Король, Мышь, двое Пэвенси и Юстас сели в лодку и направились к песчаному берегу Фелимата. Высадившись на пляже и глядя вслед шлюпке, они удивились, каким маленьким кажется «Рассветный Путник».

Люси была босиком, потому что, если вы помните, она скинула туфли, упав с рамы картины, но это не мешало идти по мягкому дерну. Даже несмотря на то, что поначалу им казалось, будто земля уходит из-под ног, как всегда бывает, если много времени провести на палубе, было чудесно снова оказаться на берегу, вдохнуть запахи земли и травы. Здесь было гораздо теплее, чем в море. Люси обнаружила, что очень приятно идти по песку босиком.

Пел жаворонок. Они направились вглубь острова и взобрались на невысокий, но довольно крутой холм. На вершине они оглянулись. «Рассветный Путник», ползущий на северо-запад, был похож на большое блестящее насекомое. Затем они спустились с гребня холма и потеряли корабль из виду.

Теперь перед ними раскинулся Доорн, отделенный от Фелимата проливом шириной в милю; слева, позади него, находился остров Авра. На Доорне был хорошо виден небольшой белый городок – Нерроухэвен.

– Здравствуйте! Это еще что? – вдруг воскликнул Эдмунд.

В зеленой долине, открывавшейся перед ними, под деревом сидели шесть-семь человек очень неприятного вида. Все они были вооружены.

– Не говорите им, кто мы, – сказал Каспиан.

– Простите, Ваше Величество, но почему бы и нет? – спросил Рипичип, соизволивший ехать

на плече Люси.

– Мне только сейчас пришло в голову, – ответил Каспиан, – что здесь никто уже давно не получал новостей из Нарнии. Может так случиться, что они еще не признают наше господство. В таком случае представляться Королем не совсем безопасно.

– При нас шпаги, Сир, – напомнил Рипичип.

– Да, Рип, я знаю, – ответил Каспиан. – Но если будет нужно завоевывать снова все три острова, я бы предпочел вернуться сюда с гораздо большей армией.

К этому моменту они уже довольно близко подошли к незнакомцам, один из которых, высокий темноволосый человек, крикнул:

– Доброго утра вам.

– И вам тоже доброго утра, – ответил Каспиан, – Есть ли еще губернатор на Одиноких Островах?

– Конечно есть, – сказал человек. – Губернатор Гумпас. Его Превосходительство в Нерроухэвене. Однако останьтесь, выпейте с нами.

Каспиан поблагодарил его, хотя ни ему, ни другим не понравился вид новых знакомых. Все сели. Но едва они успели поднести кубки к губам, как темноволосый кивнул своим товарищам, и, в мгновение ока, все пятеро путешественников оказались охвачены сильными руками. После минутной борьбы, в которой преимущество было на стороне противника, друзей разоружили и связали им руки за спиной – всем, кроме Рипичипа, который извивался и яростно кусался.

– Осторожнее с этим зверем, Тэкс, – сказал Предводитель. – Не покалечь его. Не удивлюсь, если он принесет большую прибыль, чем все они.

– Трус! Негодяй! – пищал Рипичип. – Верните мне мою шпагу и освободите лапы, если не боитесь.

– Ого! – присвистнул работорговец (ибо им этот тип и являлся). – Он умеет говорить! Вот уж никогда бы не подумал. Провалиться мне на этом месте, если теперь я его отдам меньше, чем за пару сотен крэссентов.

Калормэнский крэссент – основная монета, имеющая хождение в этих местах, стоит примерно треть фута.

– Так вот вы кто такой! – воскликнул Каспиан. – Похититель и работорговец. Вы, я полагаю, этим гордитесь?

– Ну ладно, ладно, – отмахнулся работорговец. – Не читайте мне нотации. Чем спокойнее вы к этому отнесетесь, тем приятнее для всех, ясно вам? Я это не ради удовольствия делаю. Надо же мне, как и другим, зарабатывать на жизнь?

– Куда вы нас отвезете? – с трудом выговорила Люси.

– Туда, в Нерроухэвен, – ответил работорговец. – Там завтра базарный день.

– А там есть британский консул? – спросил Юстас.

– Кто-кто?

Но задолго до того, как Юстасу надоело объяснять ему это, работорговец сказал просто: «Ладно, хватит с меня этого вздора. Мышь – хорошая добыча, но этот, кого угодно до смерти заговорит. Пошли, ребята».

Затем четырех пленников связали вместе, без особой жестокости, но надежно, и заставили спускаться на берег. Рипичипа несли. Он перестал кусаться под угрозой, что ему завяжут пасть, но зато говорил уж все, что думал, и Люси только удивлялась, как можно вынести то, что Мышь говорила работорговцу. Но работорговец совершенно не возражал, а только приговаривал: «Давай, давай», – когда Рипичип останавливался перевести дух, и время от времени добавлял: «Это просто настоящий спектакль», или «Чтоб мне провалиться! Я почти готов поверить, что он понимает, что говорит!» или «Это кто-нибудь из вас так его выдрессировал?»

Рипичипа это привело в такую ярость, что в конце концов он попытался разом высказать все, что думает, но чуть не задохнулся и замолчал.

Спустившись на берег, откуда был виден Доорн, они оказались рядом с маленькой деревушкой. На песке они заметили баркас, а чуть подальше, в море – грязный потрепанный корабль.

– Ну, мелюзга, – сказал работорговец, – теперь давайте без глупостей, и тогда вам не придется плакать. Лезьте все в лодку.

В эту минуту бородатый мужчина благообразной наружности вышел из одного из домов, похоже, что это был трактир, и спросил:

– Ну что, Паг, ты опять со своим товаром?

Работорговец, которого, видимо, звали Паг, поклонился очень низко и льстиво произнес:

– Да, Ваша Светлость, пожалуйста, выбирайте.

– Сколько ты хочешь за этого мальчугана? – указал тот на Каспиана.

– Ах, – воскликнул Паг, – я знал, что Ваша Светлость выберет, что получше. Я ведь не обманываю Вашу Светлость, не предлагаю Вам ничего второсортного. Этот мальчик... ну, я сам к нему привязался. Просто как-то полюбил его. Я настолько мягкосердечен, что не следовало мне вообще браться за это ремесло. Тем не менее, для такого покупателя, как Ваша Светлость...

– Назови мне свою цену, ты, падаль, – грозно оборвал его Лорд. – Не думаешь ли ты, что я хочу слушать весь твой вздор об этой грязной торговле?

– Три сотни крэссентов, Ваша Светлость, из уважения к Вашей Светлости, но никому другому...

– Я даю тебе сто пятьдесят.

– О, пожалуйста, делайте с нами все, что хотите, только не разлучайте нас, – взмолилась Люси. – Вы не знаете... – Но тут она замолчала, увидев, что Каспиан даже сейчас не хочет быть узнанным.

– Итак, сто пятьдесят, – заключил Лорд. – Что до Вас, милая барышня, мне жаль, но я не могу выкупить всех. Отвяжи моего мальчика, Паг. И смотри

– обращайся с остальными хорошо, пока они в твоих руках, иначе это тебе так просто не пройдет.

– Ну, вот! – возопил Паг. – Да вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь лучше меня обращался со своим товаром? Ну? Да я обращаюсь с ними, как с собственными детьми.

– Это весьма похоже на правду, – мрачно ответил бородач.

И вот настала ужасная минута. Каспиана связали, и новый хозяин произнес:

– Иди сюда, мой мальчик.

Люси разрыдалась, а Эдмунд очень побледнел. Однако Каспиан, обернувшись, сказал им:

– Не печальтесь. Я уверен, что в конце концов все будет в порядке. Пока.

– Ну, малышка, – сказал Паг, – не хнычь, а не то завтра тебя на рынке и показать стыдно будет. Будь умницей, и тогда тебе не придется ни о чем плакать, ясно?

Их отвезли в лодке на корабль и отвели вниз, в вытянутое, довольно темное помещение, не очень-то чистое, где они обнаружили множество других несчастных пленников: ибо Паг, конечно, же был пиратом и только что вернулся из плавания между островами, где он ловил всех, кто попадался под руку. Дети не встретили никого из Нарнии: большинство пленников было из Галмы и Тарабинтии. И они уселись на солому, гадая, что происходит сейчас с Каспианом, и пытаясь заставить Юстаса прекратить обвинять всех, кроме себя, во всех их несчастьях.

А Каспиан проводил время более интересно. Человек, купивший его, провел мальчика узеньким переулком между двумя домиками и вывел на открытое пространство за деревней. Там он повернулся и посмотрел на него.

– Не надо меня бояться, мальчик, – сказал он. – Я не причиню тебе зла. Я купил тебя потому, что ты напомнил мне одного человека.

– Могу ли я узнать, кого именно, Милорд? – спросил Каспиан.

– Ты напоминаешь мне моего повелителя, Каспиана, Короля Нарнии.

Тогда Каспиан решил поставить все на карту.

– Милорд, – сказал он, – я и есть Ваш повелитель. Я – Каспиан, Король Нарнии.

– Это очень смелое заявление, – ответил тот. – Откуда мне знать, правда это или нет?

– Во-первых, мое лицо, – сказал Каспиан. – Во-вторых, я с семи попыток могу угадать, кто Вы. Вы один из тех семи лордов, которых мой дядя Мираз послал в море, и на поиски которых я и отправился – Аргоз, Берн, Октазиэн, Растимар, Мавраморн или... – я забыл остальных. Наконец, если Ваша Светлость даст мне книгу, я докажу в честном поединке, с кем угодно, что я Каспиан, сын Каспиана, законный Король Нарнии, Властелин Кер Перавел и император Одиноких Островов.

– Клянусь небом! – воскликнул Лорд, – это голос и слова его отца. Мой сеньор... Ваше Величество... – И тут же, в поле, он опустился на колени и поцеловал руку Короля.

– Деньги, потраченные Вашей Светлостью на выкуп Нашей персоны, будут возмещены из Нашей казны, – сказал Каспиан.

– Ну, положим, они еще не в кошельке у Пага, Сир, – улыбнулся Лорд Берн, ибо это был именно он. – И, надеюсь, никогда там и не будут. Я сотни раз просил Его Превосходительство Губернатора положить конец этой гнусной торговле людьми.

– Лорд Берн, – сказал Каспиан, – мы должны поговорить о положении этих Островов. Но прежде, Ваша Светлость, я хочу знать Вашу историю.

– Коротко говоря, Сир, – сказал Берн, – я приплыл сюда с шестью товарищами, а полюбив девушку с этих островов, понял, что хватит с меня моря. Возвращаться в Нарнию не имело никакого смысла, пока бразды правления были в руках дяди Вашего Величества. Я женился и с тех пор так и живу здесь.

– А что представляет из себя этот губернатор, этот Гумпас? Признает ли он еще Короля Нарнии своим повелителем?

– На словах, да. Все делается именем Короля. Но ему не очень-то понравится, если он обнаружит, что сюда прибыл настоящий, живой Король Нарнии собственной персоной. И если бы Ваше Величество предстали перед ним без оружия, он бы не стал отрицать своей вассальной зависимости, но сделал бы вид, что не верит Вам. Жизнь Вашей милости была бы в опасности. Какое сопровождение у Вашего Величества в этих водах?

– Вон мой корабль как раз огибает мыс, – сказал Каспиан. – Если дойдет до драки, у нас примерно тридцать мечей. Может, подвести сюда корабль, напасть на Пага и освободить моих друзей, которых он держит в плену?

– Я бы не советовал, – ответил Берн. – Как только начнется сражение, из Нерроухэвена выйдут два-три корабля на помощь Пагу. Ваше Величество должно действовать, притворившись, что силы более велики, чем на самом деле. Кроме того, имя Короля должно вызвать трепет. Нельзя дело доводить до открытой битвы. У Гумпаса цыплячье сердце, и его можно просто запугать.

Поговорив еще немного, Каспиан и Берн спустились на берег к западу от деревни, и там Каспиан протрубил в свой рог. Это не был великий волшебный рог Нарнии, Рог Королевы Сьюзен: его он оставил дома своему регенту Трампкину, чтобы тот воспользовался им, если какое-нибудь несчастье постигнет их страну в отсутствие Короля. Дриниэн, ожидавший сигнала, сразу же узнал звук королевского рога, и «Рассветный Путник» начал приближаться берегу. Затем спустили лодку, и через несколько минут Каспиан и Лорд Берн были уже на борту и рассказывали Дриниэну о случившемся. Он, как и Каспиан, тут же захотел подойти вплотную к кораблю торговца и взять его на абордаж, но Берн выдвинул прежнее возражение.

– Направляйтесь прямо по этому проливу, капитан, – сказал Берн, – и затем вокруг Доорна, к Авре, где находятся мои собственные земли. Но прежде поднимите королевское знамя, вывесите все щиты и пошлите на мачту столько человек, сколько сможете. Когда корабль будет на расстоянии пяти полетов стрелы отсюда, и слева по борту вы увидите открытое море, подайте несколько сигналов.

– Сигналов? Но кому? – удивился Дриниэн.

– Ну как же, всем остальным кораблям, которых у вас нет, но пусть Гумпас думает, что они у вас есть.

– Ага, я понял, – сказал Дриниэн, потирая руки. – И они прочтут наши сигналы. Что я должен написать? Всему флоту обогнуть Авру с юга и собраться в?..

– В Бернстед, – ответил Лорд Берн. – Это будет очень правдоподобно. Ведь если бы у нас были еще какие-нибудь корабли, их путь нельзя было бы проследить из Нерроухэвена.

Каспиану было очень жаль друзей, томившихся в плену на корабле Пага, но, тем не менее, остаток дня он провел очень приятно. Ранним вечером, так как им всем пришлось грести, оставив по правому борту северо-восточную оконечность Доорна и обогнув по левому борту мыс Авры, они вошли в удобную гавань на южном берегу Авры, где прекрасные земли Берна доходили до самой воды. Все люди Берна, многие из которых еще работали в поле, были свободными. Это было счастливое и процветающее владение.

Все сошли на берег и пировали по-королевски в доме с низкой крышей, стоявшем над заливом. Берн, его милая жена и веселые дочери устроили путникам роскошное угощение. Но после наступления темноты Берн послал гонца передать приказ о некоторых приготовлениях, каких именно, он не сказал, на следующий день.

4. ЧТО ДЕЛАЛ КЭСПИЭН В НЭРРОУХЭВЕНЕ

На следующее утро Лорд Берн рано поднял своих гостей и после завтрака попросил, чтобы Каспиан отдал приказ своим людям надеть боевые доспехи. «И, самое главное», – добавил он, – «пусть все будет начищено до блеска, как будто это утро первой битвы в великой войне между благородными королями, на которую смотрит весь мир». Так и сделали, а затем на трех лодках Каспиан со своими людьми и Берн с некоторыми из своих двинулись в Нерроухэвен. Флаг короля развевался на носу его лодки, и с ним был его трубач.

Когда они добрались до пристани в Нерроухэвене, Каспиан обнаружил, что встречать их собралось множество людей.

– Об этом-то я и посылал вчера вечером сообщение, – сказал Берн. – Все они – мои друзья, честные люди.

Как только Каспиан ступил на берег, в толпе раздались крики: «Ура! Нарния! Нарния! Да здравствует Король!» В тоже самое мгновение, также благодаря посланцам Берна, во многих частях города начали звонить в колокола. Тогда Каспиан приказал поднять свое знамя и трубить в трубы. Солдаты с суровыми лицами обнажили шпаги и торжественно промаршировали по улице, да так, что улица задрожала. Утро было солнечным, и на их броню невозможно было долго смотреть, так ее блеск слепил глаза.

Вначале их приветствовали только те, кого предупредил посланец Берна, кто знал, что происходит, и хотел, чтобы это произошло. Потом к ним присоединились дети, которым понравилось это зрелище, ведь подобные процессии они видели очень редко. Затем их поддерживали школьники, тоже любившие процессии и надеявшиеся, что среди всеобщей суматохи о занятиях в школе в этот день будет забыто. Затем все старухи повысовывали головы из дверей и окон и начали переговариваться друг с другом и кричать «ура» королю, ибо что значит какой-то губернатор в сравнении с Королем. По этой же причине, а также потому, что Каспиан, Дриниэн и вся свита были так красивы, к ним присоединились и все молодые женщины. А мужчины подошли посмотреть, на что глазают женщины. Итак, к тому моменту, когда Каспиан добрался до ворот замка, почти весь город бурлил и шумел; и Гумпас, сидевший в замке и копавшийся, путаясь, во всевозможных счетах, анкетах, правилах и регламентах, услышал этот шум.

У ворот замка трубач Каспиана затрубил и крикнул: «Отворите королю Нарнии, прибывшему навестить своего верного и любимого слугу, губернатора Одиноких Островов». Надо отметить, что в эти дни на островах все делалось очень небрежно и неряшливо. Открылась только небольшая калитка, и из нее, держа в руках заржавевшую пику, вышел взъерошенный тип в грязной старой шляпе вместо шлема. Он заморгал, увидев перед собой сверкающие на солнце латы.

– Немте-вть-хосттво, – пробормотал он, что должно было означать: «Вы не можете видеть Его Превосходительство». Никаких встреч без предварительной записи кроме, как между девятью и десятью утра вторую субботу каждого месяца.

– Обнажи голову перед Нарнией, ты, собака, – прогремел Лорд Берн и слегка ударил его рукой в латной перчатке. От удара шляпа слетела у стража с головы.

– Эй! Это еще за что? – начал стражник, но никто на него не обратил внимания. Двое из людей Каспиана прошли через калитку и, после некоторой борьбы с засовами и болтами, так как все было ржавым, нараспашку открыли ворота. Король и его свита вступили во двор замка. Там слонялось несколько человек из стражи губернатора, еще несколько, большинство из них вытирали рты, спотыкаясь, поспешно вышли из разных дверей. Хотя их доспехи были в удивительном состоянии, эти люди смогли бы драться, если бы у них был предводитель или если бы они знали, что происходит. Посему это был опасный момент. Каспиан не дал им времени на раздумья.

– Где капитан? – спросил он.

– Я капитан, более или менее, если вы понимаете, что имею в виду, – вяло отозвался молодой человек довольно щегольского вида, вообще без доспехов.

– Мы хотим, сказал Каспиан, – чтобы Наше королевское посещение территории Одиноких Островов явилось, если это возможно, поводом для радости, а не для ужаса для наших верноподданных. Только поэтому я ничего не скажу Вам о состоянии оружия и доспехов Ваших людей. Сейчас я Вас прощаю. Прикажите открыть бочку с вином, чтобы Ваши люди могли выпить за Наше здоровье. Однако завтра в полдень я хочу видеть их здесь, во дворе этого замка, похожими на рыцарей при оружии, а не на бродяг. Проследите за этим, иначе Вы заслужите Наше крайнее неудовольствие.

Капитан разинул рот, но Бери тут же закричал: «Да, здравствует Король!» И солдаты, которые не поняли больше ничего, подхватили. Тогда Каспиан приказал большей части своих людей оставаться во дворе замка. Сам он, вместе с Берном, Дриниэном и еще четырьмя сопровождающими вошли в зал замка.

За столом в противоположном конце зала, окруженный секретарями, сидел Его Превосходительство, губернатор Одиноких Островов. Гумпас выглядел постоянно раздраженным человеком. Волосы его когда-то были рыжими, а теперь по большей части стали седыми.

Гумпас поднял глаза, когда вошли незнакомцы, но тут же снова уставился в свои бумаги, механически повторяя: «Никаких встреч без предварительной записи: только от девяти до десяти утра по вторым субботам».

Каспиан кивнул Берну и отошел в сторону. Берн и Дриниэн сделали шаг вперед и взялись каждый за край стола. Они подняли его и бросили через весь зал. Стол перевернулся. В воздух поднялись тучи писем, досье чернильниц, ручек, воска для печатей и документов. Затем, не грубо, но твердо, как будто руки их были стальными клещами, они вынули Гумпаса из кресла и поставили лицом к нему на расстоянии примерно четырех футов. Каспиан тут же сел в кресло и положил на колени обнаженную шпагу.

– Милорд, – сказал он, глядя на Гумпаса в упор, – Вы приняли Нас не совсем так, как Мы ожидали. Мы – король Нарнии.

– В корреспонденции не было ни слова об этом, – ответил губернатор. – В докладах тоже. Нас не извещали ни о чем подобном. Все не по правилам. Буду рад рассмотреть любые заявления...

– Итак, мы прибыли проверить, как ведутся дела Вашим Превосходительством, – продолжал Каспиан. – По двум пунктам я требую особого объяснения. Во-первых, я не нашел никаких документальных подтверждений тому, что на протяжении вот уже ста пятидесяти лет король Нарнии получал дань, причитающуюся ему с этих Островов.

– Этот вопрос надо будет поднять на Совете в следующем месяце, – сказал Гумпас. – Если сочтут нужным создать комиссию для его расследования, которая подготовила бы доклад об истории финансов этих островов к первому заседанию в будущем году, ну, тогда, конечно....

– Я также обнаружил, что в наших законах черным по белому записано, – продолжал Каспиан, – что, если дань не уплачивалась, то вся задолженность должна быть возмещена губернатором Одиноких Островов из его собственного кошелька.

Тут Гумпас заинтересовался.

– Ну, об этом не может быть и речи, – сказал он. – Это экономически невозможно – э, Ваше Величество, должно быть, шутит.

Про себя он размышлял, нет ли какого-нибудь способа избавиться от этих непрошенных гостей. Если бы он знал, что у Каспиана только один корабль и один отряд, он бы, конечно, постарался усыпить их бдительность ласковыми речами, надеясь ночью окружить и перебить их всех. Но накануне он видел в проливе военный корабль, и прочел сигналы, передаваемые, как он предположил, эскورتу. Он тогда не знал еще, что это королевский корабль, так как знамя не развевалось из-за отсутствия ветра и не был виден золотой лев на нем, поэтому он решил ожидать дальнейшего развития событий. И теперь он подумал, что Каспиан собрал весь свой флот в Бернстеде. Гумпасу никогда бы не пришло в голову, что кто-нибудь может осмелиться покорять острова с отрядом всего лишь из пятидесяти человек, сам он на такое был, конечно же, неспособен.

– Во-вторых, – сказал Каспиан, – я хочу знать, почему с Вашего разрешения здесь процветает эта ужасная и противоестественная работоторговля, наперекор древним законам и обычаям Наших доменов?

– Необходимо, неизбежно, – забормотал Его Превосходительство. – Это существенная часть экономического развития островов, уверяю Вас. Наш теперешний рост благосостояния зависит от этого.

– Зачем Вам нужны рабы?

– На экспорт, Ваше Величество. В основном, мы продаем их калормэнцам; но у нас есть и другие рынки сбыта. Мы сейчас являемся центром работоторговли.

– Иначе говоря, – сказал Каспиан, – вам они не нужны. Скажите мне, для чего используются рабы, кроме накопления денег в кошельках таких, как Паг?

– Нежный возраст Вашего Величества, – сказал Гумпас, искривившись в гримасе, которая

должна была означать отеческую улыбку, – едва ли позволяет Вам понять затрагиваемые экономические проблемы. У меня есть статистические данные, у меня есть графики, у меня...

– Сколь нежным не был бы мой возраст, сказал Каспиан, – я полагаю, что понимаю внутренние механизмы работоторговли не хуже Вашего Превосходительства. И я не вижу, чтобы она приносила островам мясо или хлеб, пиво или вино, дерево или капусту, книги или музыкальные инструменты, лошадей или доспехи, или же что-нибудь еще, что стоит иметь. Но, независимо от того, есть от нее прок или нет, это надо прекратить.

– Но это означает повернуть время вспять, – губернатор открыл рот от изумления. – Разве вы не слышали о прогрессе, развитии?

– Видел я и то и другое в зародыше, – ответил Каспиан. – Мы в Нарнии называем их «Дело плохо». Эта торговля должна прекратиться.

– Я не могу взять на себя ответственность за подобные действия, – заявил Гумпас.

– Прекрасно. В таком случае, – сказал Каспиан, – мы освобождаем Вас от Вашей должности. Лорд Берн, подойдите сюда.

И прежде, чем Гумпас осознал, что происходит, Берн уже стоял на коленях, а Король держал его руки в своих руках, Лорд дал клятву управлять Одинокими Островами в соответствии со старыми обычаями, правами, традициями и законами Нарнии. Затем Каспиан заявил:

– Я думаю, хватит с нас губернаторов, – и назначил Берна Герцогом Одиноких Островов.

– Что касается Вас, Милорд, – обратился он к Гумпасу, – я прощаю Вам Вашу задолженность по неуплате дани. Однако до полудня завтрашнего дня Вы и Ваши слуги должны освободить замок, который отныне будет резиденцией Герцога.

– Послушайте, все это очень интересно, – вдруг вмешался один из секретарей Гумпаса, – но что, если вы все, господа, прекратите ломать комедию, и мы немного займемся делом. Перед нами действительно стоит вопрос...

– Вопрос в том, – сказал Герцог, – уберетесь ли вы и прочий сброд отсюда без порки или же захотите попробовать плетей? Выбирайте, что вам больше нравится.

Когда все проблемы наконец были решены ко всеобщему удовольствию, Каспиан приказал подать лошадей, за которыми, как выяснилось, в замке совершенно не ухаживали, и вместе с Берном, Дринизном и несколькими сопровождающими поскакал на рынок рабов, расположенный рядом с гаванью. Рынок представлял собой длинное низкое здание. Сцена, которую они застали внутри, очень походила на любой другой аукцион, то есть там собралась большая толпа, и Паг, стоя на возвышении, выкрикивал хриплым голосом:

– А сейчас, господа, номер двадцать третий. Прекрасный сельскохозяйственный рабочий из Тарабинтии, подходит для работы в копах или на галере. Ему еще нет двадцати пяти лет. Ни одного плохого зуба во рту. Крепкий, мускулистый парень. Сними с него рубаху, Тэкс, и покажи его джентльменам. Какие мускулы! Вы только поглядите на его грудную клетку! Джентльмен в углу, – десять крэссентов. Да вы должно быть шутите, сэр. Пятнадцать! Восемнадцать! Восемнадцать за номер двадцать три. Кто больше? Двадцать один. Спасибо, сэр. Двадцать один за...

Но тут Паг застыл с разинутым ртом, увидев закованных в броню воинов, которые подошли, лязгая доспехами, к самому краю платформы.

– На колени, все вы, перед Королем Нарнии, – приказал Герцог.

Все слышали звон оружия и стук копыт снаружи, а до многих уже донеслись слухи о высадке королевского отряда и событиях в замке. Большинство подчинилось. Не пожелавших это сделать соседи силой поставили на колени. Некоторые прокричали «ура».

– Ты должен поплатиться жизнью, Паг, за то, что поднял вчера руку на Нашу королевскую персону, – объявил Каспиан. – Но я прощаю тебе твоё неведение. Четверть часа назад работоторговля была запрещена во всех наших доменах. Объявляю всех рабов, находящихся здесь, свободными.

Он жестом прервал радостные крики рабов и продолжал:

– Где мои друзья?

– Эта милая девчушка и приятный молодой человек? – спросил Паг с обворожительной улыбкой. – Ну, их, конечно же, сразу просто вырвали у меня...

– Мы здесь, мы здесь, Каспиан! – хором закричали Люси с Эдмундом.

– К Вашим услугам, Сир, – пропищал Рипичип из другого угла.

Всех их уже продали, но люди, купившие их, остались поторговаться за других рабов, по-

этому их еще не увели. Толпа расступилась, чтобы пропустить всех троих, и друзья долго не могли насмотреться друг на друга. Затем к ним подошли двое купцов из Калормэна. У жителей Калормэна темная кожа и длинные бороды. Они обычно носят свободные одежды и оранжевые турбаны. Народ этот древний, богатый и мудрый, но жестокий. Они исключительно вежливо поклонились Каспиану и долго осыпали его комплиментами, все больше о фонтанах благоденствия, орошающих сады благоразумия и добродетели и тому подобное, но, разумеется, они хотели получить назад уплаченные деньги.

– Это только справедливо, господа, – сказал Каспиан. – Каждый человек, купивший сегодня раба, должен получить назад свои деньги. Паг, вынимай-ка все свои доходы до последнего минимума. (Миним – сороковая часть крэссента).

– Неужели, Ваше доброе Величество, хочет разорить меня? – взвыл Паг.

– Ты всю жизнь наживался на разбитых сердцах, – сказал Каспиан, – и даже, если ты и разоришься, то лучше быть нищим, чем рабом. Но где же еще один мой друг?

– Ах, этот? – обрадовался Паг. – Ох, ради Бога, заберите его! Я счастлив сбыть его с рук. За всю жизнь никогда не встречал на рынке такой неходкий товар. В конце концов я объявил за него цену в пять крэссентов, и даже тогда никто не захотел его купить. Давал его бесплатно в придачу к другим номерам, но все равно никто не хотел его брать. Никто не хотел даже прикоснуться к нему, даже посмотреть не него. Тэкс, приведи Кислятину.

Так был найден Юстас, и, действительно, он выглядел весьма кисло, хотя никто не хотел оказаться проданным в качестве раба, еще более досадно быть второсортным рабом, которого никто не хочет покупать. Он подошел к Каспиану и сказал:

– Ясно. Как всегда. Ты где-то развлекался, пока остальные были в плену. Я полагаю, что ты даже не выяснил насчет британского консула. Ну, конечно же, нет.

В эту ночь друзья пировали в замке Нерроухэвена.

– Завтра начнутся настоящие приключения! – сказал Рипичип, поклонившись всем и отправляясь спать.

На самом деле ничего не могло произойти ни завтра, ни в ближайшие дни. Надо было тщательным образом подготовиться к путешествию в неведомые земли и моря, куда они собирались отправиться.

«Рассветный Путник» освободили от всего содержимого и вытащили на сушу с помощью катков и восьми лошадей. На берегу самые искусные корабельные плотники осмотрели каждый дюйм корабля. Затем его снова спустили на воду и дополнила загрузили запасом провизии и пресной воды – на двадцать восемь дней. Но даже этот срок, с разочарованием заметил Эдмунд, давал им возможность продвигаться на восток только в течение двух недель, после чего придется прекратить поиски.

Пока велись приготовления, Каспиан не упускал случая расспросить старейших капитанов, тех, кого он мог найти в Нерроухэвене, не слыхали ли они о какой-нибудь земле дальше на восток. Много раз наполнял он дворцовым элем кружки обветренных моряков с короткими седыми бородами и ясными глазами, и много длинных историй выслушал он за это. Но даже наименее правдивые из них не упоминали ни о каких землях за Одинокими Островами. Многие считали, что если заплыть слишком далеко на восток, то можно попасть в огромные волны моря без суши, которые вечно перекатываются через край света:

– И я думаю, что именно там пошли ко дну друзья Вашего Величества.

Остальные могли рассказать только невероятные истории об островах, населенных безголовыми людьми, о плавающих островах, о водяных смерчах и об огне, не боящемся воды. Лишь один, к удовольствию Рипичипа, сказал:

– А дальше лежит страна Аслана. Но это за краем света, и вы не можете добраться туда.

Но, когда они стали расспрашивать его, он мог только ответить, что слышал это от своего отца.

Берн мог им рассказать лишь то, что шестеро его товарищей уплыли на восток, и больше о них никто не слыхал. Поведал он это Каспиану, когда они стояли на вершине Авры, глядя вниз на восточный океан. – Я часто приходил сюда по утрам, – промолвил Герцог, – и смотрел, как солнце встает из моря, и иногда казалось, что это за пару миль отсюда. И я думал о своих товарищах и гадал, что же на самом деле находится за горизонтом. Скорее всего, ничего, но все-таки мне всегда как-то стыдно, что я остался здесь. Но я бы хотел, чтобы Ваше Величество не отправлялось туда.

Ваша помощь может понадобиться нам здесь. Это запрещение торговли рабами может перевернуть весь мир; я предвижу войну с Калормэном. Сеньор мой, подумайте еще раз.

– Я принес клятву, Герцог, – ответил Каспиан. – И потом, что я скажу Рипичипу?

5. ШТОРМ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Спустя три недели «Рассветный Путник» вышел из гавани Нерроухэвена. На прощанье были сказаны очень торжественные слова, большая толпа собралась посмотреть на их отплытие. Были и крики «ура», и слезы, когда Каспиан обратился в последний раз с речью к жителям Одиноких Островов и обнял на прощанье Герцога и его семью. Когда корабль со все еще лениво висящим пурпурным парусом отошел от берега, и звук труб Каспиана стал слышен слабее, все замолчали. Затем поднялся ветер. Парус надулся, буксир был отвязан и отправлен назад, первая настоящая волна разбилась о нос «Рассветного Путника», и корабль снова ожил. Матросы, свободные от вахты, спустились вниз, Дриниэн взял на себя первую вахту на корме и повернул корабль на восток, огибая с юга Авру.

Следующие несколько дней были просто чудесны. Каждое утро, просыпаясь, Люси видела, как отблески залитой солнцем воды танцуют на потолке каюты, и ей казалось, что она самая счастливая девочка в мире. Одеваясь, Люси разглядывала симпатичные новые вещи, которые ей подарили на Одиноких Островах: высокие сапоги, ботинки со шнуровкой, плащи, куртки и шарфы. Затем она обычно выходила на палубу и смотрела на море, которое каждое утро становилось все ярче и синее, и вдыхала воздух, теплеющий с каждым днем. А завтрак поглощался с таким аппетитом, какой бывает только на море.

Она проводила довольно много времени, сидя на маленькой скамеечке и играя в шахматы с Рипичипом. Забавно было наблюдать, как он обеими лапками поднимает фигуры, слишком большие для него, и встает на цыпочки, если надо сделать ход ближе к центру доски. Он был хорошим игроком, и когда помнил, что делает, то обычно выигрывал. Но почти все время выигрывала Люси, потому что Мышь делала различные глупости: например, посылала офицера на защиту королевы и туры. Это случалось часто, так как он иногда забывал, что это игра в шахматы, и думал о настоящей битве, заставляя офицера делать то, что он сам, несомненно, сделал бы на его месте. Голова его была полна несбыточных надежд, безнадежных и доблестных атак и сопротивлений до последней капли крови.

Но это приятное времяпровождение продлилось недолго. Настал вечер, когда Люси, лениво наблюдая за длинной бороздой, которую они оставляли в кильватере за кормой, заметила, как на западе с поразительной скоростью возникает громадная стена облаков. Затем в ней образовался разрыв, в который проник желтый закат. Казалось, что все волны позади них принимают необычную форму, море стало похожим на грязное полотно. Похолодало. Корабль, казалось, двигался беспокойно, как будто чувствуя позади опасность. Парус то висел без движения плоским мешком, то резко надувался. Пока Люси смотрела на все это и удивлялась мрачным нотам, появившимся даже в шуме ветра, Дриниэн закричал: «Все на палубу!» И началась всеобщая суматоха. Закрывались люки, погас огонь в камбузе, матросы взбирались на реи, чтобы подтянуть рифы на парусе. Прежде, чем закончились приготовления, шторм налетел на них, Люси показалось, что в море прямо перед носом их корабля разверзлась бездна, и они ринулись в нее. Огромный серый водяной вал, выше мачты, вздыбился навстречу им. Казалось, что это неминуемая гибель, однако они взлетели на гребень волны. Затем корабль как будто повернулся вокруг своей оси. На палубу обрушился настоящий водопад, полуют и бак оказались двумя островами, между которыми свирепствовало море. Наверху матросы ползали вдоль рей, отчаянно пытаясь поймать парус. Порвавшийся канат выпирал на ветру вбок, прямо и неподвижно как кочерга.

– Идите вниз, мэм! – завопил Дриниэн. И Люси, зная, что сухопутные крысы только мешают команде, подчинилась. Это было непросто сделать. «Рассветный Путник» сильно накренился вправо, палуба стала похожа на скат крыши дома, Люси пришлось доползти по кругу до вершины лесенки, держась за перила, переждать, пока наверх взберутся двое матросов, а затем уж кое-как спускаться.

Хорошо еще, что она крепко держалась, так как у последней ступеньки лестницы через палубу с ревом переклестнула еще одна волна, окатив Люси до плеч. Она и так уже почти насквозь промокла от брызг и дождя, но этот душ оказался холоднее. Она кинулась к своей каюте и вбежала

туда, захлопнув за собой дверь. Там Люси могла хотя бы не видеть, как корабль стремглав несется во тьму. Но страшное смешение скрипов, стонов, стуков, лязга, рева и грохота, доносившегося сверху, здесь, внизу, пугало еще больше, чем на полуночи.

Шторм продолжался и на следующий день, и через день. Он длился так долго, что никто уже не мог вспомнить, когда он начался, казалось, он был всегда. У руля постоянно находилось трое, и всем хватало дела, чтобы поддерживать хотя бы некое подобие курса. У насоса тоже постоянно должен был кто-нибудь находиться. Никто не мог отдохнуть, ничего нельзя было ни сварить, ни просушить, один матрос свалился за борт и погиб, и ни разу за все эти дни они не видели солнца.

Когда все кончилось, Юстас сделал следующую запись в дневнике:

«3-е сентября. За целую вечность первый день, когда я в состоянии писать. Ураган гнал нас тридцать дней и ночей. Я это знаю точно, потому что я считал, хотя все остальные говорят, что только двенадцать. Очень приятно очутиться в опасном путешествии вместе с людьми, которые даже правильно считать не умеют! Все это время я чувствовал себя совершенно отвратительно: час за часом нас кидало на огромных волнах, я постоянно был промокшим до нитки, и они даже не пытались нас кормить. Можно и не говорить, что здесь нет ни телеграфа, ни ракет, следовательно никакой возможности подать кому-нибудь сигнал с просьбой о помощи. Все это доказывает справедливость того, что я им твердил: ведь это просто сумасшествие – пускаться в путь на такой гнилой лодчонке. Даже если бы я был здесь в обществе приличных людей, это все равно было бы достаточно неприятно, не говоря об этих сущих дьяволах в человеческом облике. Каспиан и Эдмунд ужасно грубо обращаются со мной. В ту ночь, когда мы потеряли мачту, теперь остался только обрубок, несмотря на то, что я чувствовал себя скверно, они заставили меня вылезти на палубу и вкалывать, как раба. Люси подлила масла в огонь, заявив, что Рипичип очень хотел пойти поработать, только он слишком мал. Удивляюсь, неужели она не видит, что эта маленькая скотина делает все только из хвастовства. Даже в ее возрасте должно хватать здравого смысла, чтобы понять это. Сегодня эта проклятая лодка наконец-то обрела устойчивость, вышло солнце, и мы все долго и нудно обсуждали, что будем делать. Запасов еды, в основном отвратительной, у нас хватит на шестнадцать дней. (Птицу всю смыло за борт. Даже если бы не смыло, все равно она перестала нестись от шторма.) Настоящая беда с водой. В двух бочках в суматохе, похоже, пробили дырки, и они пусты (снова Нарнианская сноровка). С уменьшением порций – каждому по полпинты в день, нам хватит воды на двенадцать дней. Есть еще большие запасы вина и рома, но даже эти кретины понимают, что от этого еще больше пить захочется.

Конечно, будь это возможно, самым разумным было бы тут же повернуть на запад и плыть к Одиноким Островам. Но чтобы добраться сюда, нам потребовалось восемнадцать дней, причем мы неслись, как сумасшедшие, шторм подгонял нас. Даже, если бы дул восточный ветер, нам потребовалось бы больше дней на возвращение. А сейчас нет никаких признаков восточного ветра, нет вообще никакого ветра. Если же грести назад, то это займет слишком много времени, и Каспиан говорит, для того, чтобы грести, матросам нужно больше, чем полпинты воды в день. Я совершенно уверен, что это не так. Я пытался объяснить, что на самом деле пот охлаждает людей, так что, если бы они гребли, им потребовалось бы меньше воды. Он не обратил никакого внимания на мои слова, как всегда делает, когда не знает, что ответить. Все остальные за то, чтобы продолжать плавание в надежде найти землю. Я счел своим долгом указать им, что мы не знаем, есть ли впереди земля, и попытался заставить их понять, как опасно принимать желаемое за действительное. Вместо того, чтобы выработать лучший план, они имели наглость спросить меня, что я им могу предложить. Тогда я холодно и спокойно объяснил им, что меня похитили и увезли в это идиотское путешествие без моего согласия, и вряд ли это мое дело – вытаскивать их из этой неприятности.

4-е сентября. Море спокойно. На обед дали маленькие порции, а мне – меньше всех. Каспиан себе очень ловко подкладывает, и думает, что я не вижу! Люси почему-то предложила отдать мне часть своей порции, но этот вечно во все вмешивающийся тупица Эдмунд ей не позволил. Довольно жарко. Весь вечер ужасно хочется пить.

5-е сентября. Море по-прежнему спокойно. Ужасно жарко. Очень плохо чувствовал себя весь день. Уверен, что у меня температура. Конечно же, взять на борт термометр у них ума не хватило.

6-е сентября. Ужасный день. Проснулся ночью, зная, что меня лихорадит, и что я должен выпить воды. Любой доктор сказал бы это. Видит Бог, что никогда не стараюсь получить пре-

имущества перед другими несправедливым образом, но я и помыслить не мог, что это ограничение выдачи воды будет применяться к больному человеку. Я бы, конечно, разбудил остальных и попросил бы у них воды, да только я подумал, что это слишком эгоистично – будить их. Так что я просто встал, взял свою чашку и на цыпочках вышел из этой Черной Дыры, в которой мы спим, очень стараясь не потревожить Каспиана и Эдмунда: ведь они так плохо спали все ночи с того дня, когда началась жара и стали выдаваться малые порции воды. Я всегда считаю с другими, независимо от того, как они ко мне относятся. Я спокойно вышел в большую комнату, если это можно назвать комнатой, туда, где скамейки для гребли и багаж. Резервуар с водой находится тут же. Все шло прекрасно, но не успел я набрать и чашки воды, как меня поймали, и кто же, вы думаете? Этот маленький шпион, Рип. Я попытался объяснить ему, что хотел выйти на палубу подышать воздухом, история с водой его совершенно не касалась, а он спросил меня, зачем мне чашка. Он поднял такой шум, что проснулся весь корабль. Они просто возмутительно обошлись со мной. Я спросил, как, думаю, должен был бы сделать каждый, что Рипичип посреди ночи делал возле бочки с водой. Он ответил, что, так как он слишком мал, чтобы делать что-нибудь полезное на палубе, то он каждую ночь стоит в карауле, охраняя воду, чтобы кто-то мог поспать в это время. И опять проявилась их проклятая несправедливость: они все поверили ему. Представляете, ну что тут можно поделать?

Мне пришлось извиниться, иначе эта маленькая опасная скотина опять налетела бы на меня со своей шпагой. А затем Каспиан показал нам свою подлинную сущность тирана, громко заявив во всеуслышание, что в дальнейшем всякий, кто будет застигнут за «кражей» воды получит «две дюжины». Я не знал, что это означает, пока Эдмунд не объяснил мне. Это встречается в тех книжках, которые читают Пэвенсы.

После этой трусливой угрозы Каспиан сменил тон и стал более снисходителен. Сказал, что ему очень жаль меня, и что всех тоже лихорадит, но что мы должны мужественно переносить это и т. п. и т. д. Отвратительный заносчивый тупица. Сегодня я весь день оставался в постели.

7-е сентября. Сегодня подул небольшой ветер, но по-прежнему с запада. Продвинулись на несколько миль на восток с помощью паруса, установленного на том, что Дриниэн называет аварийной мачтой – это означает бушприт, поставленный вертикально и привязанный, как они говорят, принайтовленный к обломку настоящей мачты. По-прежнему ужасно хочется пить.

8-е сентября. Все еще плывем на восток. Теперь я целыми днями лежу на своей койке и не вижу никого, кроме Люси, пока эти двое дьяволов не приходят спать. Люси немножко дает мне из своей порции воды. Она говорит, что девочки не так сильно хотят пить, как мальчики. Я часто думал, что это не так, но на море это должно бы быть более широко известно.

9-е сентября. Видна земля: очень высокая гора далеко на юго-востоке.

10-е сентября. Гора стала больше и видна более ясно, но она все еще далеко. Сегодня впервые, с бог знает какого времени, появились чайки.

11-е сентября. Поймали какую-то рыбу и ели ее на обед. Около семи часов вечера бросили якорь на глубине трех саженей в заливе этого горного острова. Этот идиот Каспиан не пустил нас на берег, потому что становилось темно, и он боялся туземцев и диких зверей. Сегодня вечером дали по дополнительной порции воды.»

То, что ожидало их на этом острове, касалось Юстаса более, нежели кого-либо другого, но эти события нельзя пересказать его словами, ибо после 11 сентября он надолго перестал вести свой дневник.

Утром небо было серым и низким, но стояла сильная жара. Путешественники увидели, что находятся в заливе, со всех сторон окруженном утесами и скалами и похожем на норвежский фьорд. Впереди, в глубине бухты, был виден ровный берег, густо поросший деревьями, похожими на кедры, между которыми протекал быстрый поток. За рощей был крутой подъем, заканчивающийся каменным гребнем с острыми выступами, а за ним смутно виднелись темные горы, вершины которых прятались за тусклыми облаками. Утесы по обеим сторонам залива были исполосованы белыми линиями. Все знали, что это водопады, хотя на таком расстоянии не было видно их движения и не было слышно шума. Было тихо, и вода залива казалась гладкой, как зеркало, она отражала каждый камушек на утесах. На картине этот пейзаж, пожалуй, выглядел бы красиво, но в реальной жизни зрелище было удручающим. Эта страна не приветствовала гостей.

Команда корабля отправилась на берег в двух лодках, все пили воду и вдоволь плескались в речке. Затем хорошо поели и отдохнули перед тем, как Каспиан послал четверых обратно охра-

нять корабль. После этого началась обычная работа. Предстояло многое сделать. Надо было свезти на берег бочки, заделать, если возможно, дырявые и снова наполнить их водой, надо было свалить дерево, если удастся, сосну, и сделать из нее новую мачту, необходимо было починить паруса. Требовалось послать на охоту несколько человек набить дичи, какая может водиться в этом краю, надо было постирать и починить одежду и исправить на борту корабля бесчисленные мелкие поломки. Теперь в «Рассветном Путнике» – и тем яснее это стало видно, когда они оказались на некотором расстоянии от него – было трудно признать гордый корабль, покинувший гавань Нерроухэвена. Он выглядел поврежденным, потерявшим цвет старым кораблем, который легко принять за обломок кораблекрушения. Его офицеры и команда были не лучше – худые, бледные, в лохмотьях, с красными от недосыпания глазами.

Юстас лежал под деревом и слушал обсуждение всех этих планов. Сердце его упало. Неужели не удастся отдохнуть? Похоже было на то, что первый их день на долгожданной суше будет полон такой же тяжелой работой, как и в море. Затем ему в голову пришла восхитительная идея. Никто не смотрел на него – все кудахтали по поводу корабля так, словно им действительно нравилась эта ужасная посуда. Почему бы ему просто не ускользнуть прочь? Он прогуляется вглубь острова, найдет наверху в горах прохладное местечко, продуваемое ветерком, хорошенько выспится и присоединится к остальным только после того, как закончится дневная работа. Он чувствовал, что ему это будет полезно. Но он постарается не потерять из виду залив и корабль, чтобы не заблудиться. Ему бы не хотелось остаться в одиночестве в этих краях.

Юстас тут же принялся осуществлять свой план. Он тихо поднялся со своего места и направился под деревья, стараясь идти медленно, с бесцельным видом, так, что если бы кто-нибудь увидел его, то подумал бы, что он всего лишь разминает ноги. Он очень удивился тому, как быстро затих после него шум разговора, и каким тихим и теплым оказался темно-зеленый лес. Вскоре он понял, что может идти более быстро и уверенно.

Так он вскоре вышел из леса и увидел перед собой крутой склон горы. Трава была сухой и скользкой, но по ней вполне можно было передвигаться, хотя бы на четвереньках, и, хотя Юстас пыхтел и поминутно вытирал пот со лба, он все же упорно тащился вперед. Это, кстати, показывало, что перемены в жизни принесли ему некоторую пользу, хотя сам он об этом и не подозревал: прежний Юстас, Юстас Гарольда и Альберты, прекратил бы подъем через десять минут.

Медленно, с несколькими передышками, добрался он до гребня. Он думал, что оттуда сможет заглянуть вглубь острова, но облака спустились ниже и были теперь ближе к нему, а навстречу поднималась густая пелена тумана. Он сел и оглянулся. Он был теперь так высоко, что залив под ним казался совсем крошечным; море было видно на мили вокруг. Затем на него нахлынул горный туман, густой, но не холодный; он прилег и стал вертеться с боку на бок, стараясь найти наиболее удобное положение, чтобы насладиться отдыхом.

Однако наслаждался он недолго. Чуть ли не впервые в жизни он почувствовал себя одиноко. Это чувство росло постепенно. Но затем он начал беспокоиться о том, сколько времени прошло. Ниоткуда не доносилось ни единого звука. Внезапно ему пришло в голову, что он мог пролежать так многие часы. Вдруг остальные уже уплыли! Вдруг они специально дали ему уйти, просто, чтобы бросить его здесь! Он в панике вскочил и начал быстро спускаться.

Вначале Юстас слишком заторопился, поскользнулся на влажной траве и проехал вниз несколько футов. Затем он решил, что это завело его слишком далеко влево. А когда он поднимался, то видел пропасти в той стороне. Тогда он снова полез наверх, насколько он мог судить, приблизительно в то место, где был вначале, и снова начал спуск, держась правой стороны. После этого, казалось дела пошли лучше. Он продвигался очень осторожно, так как видел не дальше ярда впереди себя, а вокруг него по-прежнему стояла полная тишина. Исключительно неприятное ощущение, когда приходится передвигаться с осторожностью, а голос вокруг тебя постоянно твердит: «Поторапливайся, поторапливайся». С каждой минутой ужасная мысль о том, что его бросили, становилась все назойливее. Если бы он хоть немного понимал Каспиана и Пэвенси, он бы конечно догадался, что нет ни малейшей вероятности того, что они способны так поступить. Но он убедил себя, что все они – сущие дьяволы в человеческом облике.

– Наконец-то! – воскликнул Юстас, соскользнув вниз по горке рассыпающихся камней, так называемому оползню, и обнаружив, что стоит на ровной почве. – Ну, и где же теперь эти деревья? Впереди действительно что-то темнеет. Ага, кажется туман рассеивается.

Туман и впрямь рассеивался. Свет с каждой секундой усиливался, и Юстас заморгал. Туман

исчез. Юстас находился в совершенно незнакомой долине, а моря нигде не было видно.

6. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЮСТАСА

В это время остальные уже умывались в речке, собираясь пообедать и отдохнуть. Трое лучших стрелков отправились в горы, к северу от залива, и возвратились вскоре с тушами двух горных козлов, которые теперь поджаривались на огне. Каспиан приказал выгрузить на берег бочку с вином из Аркенлэнда. Одной бочки должно было хватить на всех: это вино было таким крепким, что приходилось его разбавлять водой. Пока что работа продвигалась хорошо, и за обедом было весело. Положив себе вторую порцию козлятины, Эдмунд вдруг воскликнул: «А куда запропастился этот несчастный Юстас?»

Юстас же тем временем озибался в незнакомой долине. Она была такой узкой и глубокой, а окружающие ее склоны – такими отвесными, что она походила на гигантскую трещину. Дно долины поросло травой, из которой выглядывали камни. Кое-где Юстас заметил черные выгоревшие пятна, похожие на те, что в жаркое лето можно видеть по краям железнодорожной насыпи. Примерно в пятнадцати ярдах от него виднелась чистая гладь озера. Больше в долине не было видно ничего: ни животного, ни птицы, ни насекомого. Солнце палило нещадно, и угрюмые горные пики заглядывали через край долины.

Юстас, конечно же, понял, что в тумане спустился с гребня горы не по тому склону. Он сразу же повернулся посмотреть, как ему взобраться назад, но, взглянув наверх, задрожал. Очевидно, лишь удивительное везение помогло ему найти единственно возможный путь вниз – длинную зеленую полосу земли, ужасно крутую и узкую, по обеим сторонам которой зияли пропасти. Другой дорогой подняться наверх было невозможно. Но сможет ли он вернуться ею теперь, когда увидел, что это за путь? От одной мысли об этом у него начала кружиться голова.

Он снова повернулся, подумав, что в любом случае ему лучше сперва хорошенько напиться из пруда. Но прежде, чем он успел сделать шаг в долину, позади него послышался какой-то шум. Это было всего лишь шуршание, но оно казалось очень громким во всепоглощающей тишине долины. На мгновение Юстас застыл на месте. Затем он осторожно повернул голову и посмотрел.

У подножия утеса, слева от Юстаса, была небольшая темная дыра – возможно вход в пещеру. И из нее поднимались две тонкие струйки дыма. Камни, лежавшие перед этой дырой дрожали так, как будто в темноте за ними ползло что-то большое и тяжелое. Именно этот шум и услышал Юстас.

А что-то и впрямь ползло. Даже хуже: что-то выползало оттуда. Эдмунд или Люси, или вы сразу же бы узнали это существо, но Юстас не читал книжек, в которых было бы написано о подобных вещах. Более того, раньше он даже представить себе не мог то, что показалось из пещеры – длинная морда свинцового цвета с тусклыми красными глазами; ни перьев, ни шерсти на длинном волочащемся по земле гибком теле; лапы, суставы которых возвышались, как у паука, над спиной; ужасные когти, крылья, как у летучей мыши, скрежещущие по камням; хвост длиной с милю. А из двух ноздрей поднимались струйки дыма. Юстасу и в голову не пришло, что это дракон. Да если бы даже и пришло, лучше бы ему от этого не стало.

Однако, если бы он хоть что-нибудь слышал о драконах, возможно, он слегка бы удивился поведению этого. Дракон не стал хлопать крыльями, отряхиваясь, не извергал реку пламени из пасти. Дым от его ноздрей походил на дым от костра, который скоро угаснет. Дракон, похоже, и не заметил Юстаса. Выбравшись наконец из пещеры, он очень медленно пополз к пруду – медленно, с частыми остановками. Даже Юстас, несмотря на свой страх, почувствовал, что это очень старое, полное печали создание. Он раздумывал, не стоит ли ему стремительно рвануться наверх. Однако дракон мог бы обернуться на шум и ожить. Может, он только прикидывался. В любом случае, какой смысл пытаться лезть наверх, чтобы убежать от существа, которое умеет летать?

Дракон добрался до озера, опустил на гальку свой ужасный чешуйчатый подбородок и потянулся к воде, однако, не успев напиться, он издал хриплый пронзительный крик и, забившись в судорогах, перевернулся на бок, и застыл, подняв в воздух когтистую лапу. Из его широко открытой пасти вылилась небольшая лужица темной крови. Дым, шедший из ноздрей, на мгновение почернел, а затем его унесло прочь налетевшим ветерком. Больше дыма не было.

Юстас еще долго не смел двинуться с места. Может, эта скотина притворилась, заманивая таким образом путешественников на верную гибель. Однако, ждать вечно было невозможно. Он

сделал шаг к дракону, затем два шага и снова остановился. Дракон оставался недвижим; Юстас заметил также, что красный огонь в его глазах угас. Наконец, он подошел к нему – только теперь он был совершенно уверен, что дракон мертв. Он с дрожью дотронулся до него: ничего не произошло.

Облегчение было так велико, что Юстас чуть не рассмеялся вслух. Он почувствовал себя так, как будто сразился с драконом и убил его, а не просто наблюдал его смерть. Он перешагнул через дракона и подошел к озеру, чтобы наконец напиться, так как жара становилась нестерпимой. Юстас не удивился, когда услышал раскаты грома. Почти сразу же солнце исчезло, и, когда он заканчивал пить, начали падать большие капли дождя.

Климат этого острова был очень неприятен. Меньше, чем за минуту Юстас вымок до нитки и был почти ослеплен дождем, таким сильным, какого никогда не бывает в Европе. Бесплезно было пытаться выбраться из долины, пока шел этот дождь. И Юстас стремглав бросился к единственному убежищу, находившемуся в пределах видимости – к пещере дракона. Там он прилег и постарался отдышаться.

Большинство из нас, конечно, знает, что можно обнаружить в логове дракона, но, как я уже говорил раньше, Юстас читал только неправильные книжки. В них много говорилось об экспорте и импорте, правительствах и мелиорации, но с драконами там было тужо. Вот почему он так удивился, когда прилег. Неровности пола в пещере были слишком колючими для камней и слишком твердыми для шипов, а вокруг было как будто много больших круглых или плоских предметов, так что, когда он ворочался, все это звенело. У входа в пещеру было достаточно светло, чтобы все это рассмотреть. И, конечно же, Юстас посмотрел и обнаружил то, о чем любой из нас мог бы предупредить его заранее – сокровища. Там были короны, они-то и являлись колючими предметами, монеты, кольца, браслеты, слитки, кубки, блюда и драгоценные камни.

Юстас, в отличие от других мальчиков, никогда не интересовался сокровищами, но тут же понял, какую из них можно извлечь выгоду в этом новом для него мире, куда он так по-дурацки провалился через картину в спальне Люси.

– Здесь нет налогов, – подумал он, – и не надо сдавать клад государству. Взяв что-нибудь из этих предметов, я смогу очень прилично провести время, возможно, в Калормэне. Это здесь, похоже, самая приличная страна. Интересно, сколько же я смогу унести? Вот этот браслет, возможно, камни в нем настоящие бриллианты, я надену себе на запястье. Нет, так он слишком велик, а вот так, если надеть его выше локтя, то в самый раз. Теперь я наполню карманы бриллиантами: их проще унести, чем золото. Интересно, когда же прекратится этот чертов дождь?

Потом залез в наименее колючую часть кучи, где в основном были монеты, и уселся ждать. Однако после сильного испуга, в особенности следующего за прогулкой по горам, чувствуешь себя очень усталым. И Юстас заснул.

В то время, когда он спал крепким сном и храпел, остальные закончили обедать и стали уже всерьез беспокоиться о нем. Они кричали:

– Юстас! Юстас! Ау! – до тех пор, пока не охрипли, а Каспиан трубил в рог.

– Его нет поблизости, иначе он услышал бы нас, – сказала Люси, сильно побледнев.

– Черт бы побрал этого типа! – воскликнул Эдмунд. – Зачем это понадобилось ему ускользнуть украдкой?

– Но мы же должны что-нибудь сделать, – говорила Люси. – Он мог потеряться, свалиться в яму или попасть в плен к дикарям.

– Или его могли разорвать дикие звери, – добавил Дриниэн.

– А, по-моему, если так, то мы легко отделались, – пробормотал Ринс.

– Мастер Ринс, – заявил Рипичип, – никогда Вы еще не вымолвили слова, которое не шло бы Вам так. Это существо не является моим другом, однако в нем течет та же кровь, что и в Королеве, и, пока он находится среди нас, дело нашей чести – найти его и отомстить за него, если он мертв.

– Конечно, мы должны найти его, если сможем, – устало промолвил Каспиан. – Это-то и есть самое неприятное. Это означает поиски и бесконечные проблемы. Проклятый Юстас.

Юстас же тем временем спал и спал. Разбудила его боль в руке. В пещеру падал лунный свет и ложе из сокровищ, казалось, стало более удобным и впрямь, он его почти не чувствовал. Вначале боль в руке озадачила его, но затем ему пришло в голову, что браслет, который он надел на руку выше локтя, стал как-то страшно туговат. Наверное, рука распухла, пока он спал, это была его левая рука.

Он шевельнул правой рукой, намереваясь потрогать ею левую, но, не приподняв ее даже и на дюйм, в ужасе застыл, закусив губу. Прямо перед собой, чуть-чуть правее, там, где лунный свет лежал на полу пещеры, он заметил движение отвратительной тени. Он знал эту тень, то была лапа дракона. Она шевельнулась, когда он пошевелил рукой, и остановилась, как только застыл и он.

— О, каким же я оказался идиотом, — подумал Юстас. — Конечно же, у этой скотины была па-ра, и сейчас этот второй дракон лежит рядом со мной.

В течение нескольких минут он не смел пошевелить ни единой мышцей. Прямо перед его глазами поднимались два тоненьких столбика дыма, черные на фоне лунного света, точно такие же, как дым, выходящий из носа первого дракона перед тем, как тот умер. Это настолько испугало Юстаса, что он затаил дыхание. Дым прекратился. Когда он уже больше не мог не дышать, он осторожно выпустил воздух, тут же снова появились струйки дыма. Однако, даже и теперь он не подозревал о том, что произошло на самом деле.

Тогда он решил, что, очень осторожно продвигаясь влево, постарается выползти из пещеры. Возможно, дракон спал — в любом случае это был его единственный шанс. Естественно, прежде, чем двинуться влево, он посмотрел в ту сторону. О ужас! и там тоже была драконья лапа.

Никто не сможет упрекнуть Юстаса в том, что в эту минуту он расплакался. Но когда он увидел свои слезы, падающие на сокровища, то страшно удивился их размеру. Кроме того, они казались странно горячими: от них поднимался пар.

Однако, плакать было бесполезно. Он должен попытаться выползти, лежа между двумя драконами. Он осторожно вытянул правую руку. Лапа правого дракона в точности повторила это движение. Затем он решил, что проверит, что происходит с левой стороны. Лапа левого дракона тоже задвигалась.

Двое драконов, по одному с каждой стороны, подражающих любому его движению! Нервы Юстаса не выдержали, и он попросту рванулся к выходу.

Когда он пулей вылетел из пещеры, был слышен такой грохот и скрежетание, звон золота и скрип камней, что он решил: оба дракона гонятся за ним. Однако оглянуться он не осмелился и нагнулся к озеру. Искривленной тени мертвого дракона, лежащего под луной, было бы достаточно, чтобы напугать кого угодно, но сейчас Юстас даже не заметил ее. Мысль его заключалась в том, чтобы залезть в воду...

Однако, как раз в этот момент, когда он добрался до края озера случилось вот что. Прежде всего, как ударом грома, его поразило то обстоятельство, что бежал он на четвереньках, а зачем, ради всего святого, ему было это делать? И, во-вторых, когда он нагнулся к воде, то на секунду ему показалось, что из озера на него смотрит еще один дракон. Однако, он тут же все понял. Драконья морда в озере была его собственным отражением. В этом не было ни малейшего сомнения. Когда он шевелился, шевелился и дракон, когда он открывал и закрывал рот, тоже самое делал и дракон.

Он превратился в дракона, пока спал.

Заснув на драконьих сокровищах с жадными, драконьими мыслями в душе, он и сам стал драконом.

Это объясняло все. Не было никаких двух драконов рядом с ним в пещере. Лапы справа и слева от него были его собственными правой и левой лапами. Два столбика дыма выходили из его собственных ноздрей. Что же касается боли в левой руке, вернее, в том, что когда-то было его левой рукой, то теперь, скосив левый глаз, он смог увидеть, что с ней случилось. Браслет, очень хорошо сидевший на руке мальчика, был слишком мал для толстой, короткой передней лапы дракона. Он глубоко погрузился в его чешуйчатую плоть, и с каждой его стороны образовалось по пульсирующему бугру. Юстас попытался сорвать браслет своими драконьими зубами, но не смог этого сделать.

Несмотря на боль, первым его чувством было облегчение. Больше нечего было бояться. Теперь он сам мог вселять ужас, и никто в мире, кроме рыцаря, и то, далеко не всякого, не посмел бы напасть на него. Теперь он сможет посчитаться с Каспианом и Эдмундом.

Однако, как только эта мысль пришла ему в голову, он понял, что вовсе не хочет этого. Он хотел иметь друзей. Он хотел возвратиться к людям, говорить, смеяться, разделять их приключения. Он осознал, что превратился в чудовище, отделенное от всей человеческой породы. Ужасающее одиночество нахлынуло на него. Он начал понимать, что другие в действительности вовсе не были ему врагами. Он задумался над тем, был ли он сам всегда таким приятным попутчиком, как

раньше полагал. Ему не хватало голосов друзей. Теперь он был бы счастлив услышать доброе слово даже от Рипичипа.

Подумав об этом, несчастный дракон, который когда-то был Юстасом, возвысил свой голос и зарыдал. Могучий дракон, плачущий навзрыд под луной в пустынной долине – такое зрелище и звуки трудно вообразить даже нам с вами.

Наконец, он решил, что попробует найти обратную дорогу на берег. Теперь он понимал, что Каспиан никогда бы не уплыл прочь, бросив его на произвол судьбы. И он был уверен, что тем или иным способом сможет объяснить людям, кто он такой.

Он хорошенько напился, а затем (я понимаю, что это звучит отвратительно, но на самом деле, если как следует подумать, то ничего ужасного здесь нет) съел почти целиком мертвого дракона. Прежде, чем он осознал, что делает, он успел съесть уже половину, потому что, понимаете ли, хотя разум его и оставался разумом Юстаса, вкусы и пищеварение у него стали драконьими. А драконы больше всего на свете любят свежую драконятину. Именно поэтому вы так редко можете встретить двух драконов в одной и той стране.

Насытившись, Юстас развернулся, чтобы попытаться вылезти наверх из долины. Подъем он начал с прыжка и уже подпрыгнув, обнаружил, что летит. Он совершенно забыл о своих крыльях, и это было большой неожиданностью для него – первой приятной неожиданностью за долгое время. Он поднялся высоко в воздух и увидел под собой спящие в лунном свете горные вершины. Теперь он мог видеть и залив, похожий на серебряную плиту, и стоящего на якоре «Рассветного Путника», и костры, мерцающие в лесах неподалеку от песчаного берега. Скользя по воздуху, он устремился к ним вниз с большой высоты на едином дыхании.

Тем временем Люси спала очень крепко: ведь она в надежде услышать хорошие вести, не ложилась до возвращения ушедших на поиски Юстаса. Поиски возглавлял Каспиан; все вернулись очень поздно, усталые. Новости были неутешительными. Они не нашли никаких следов Юстаса, но зато видели мертвого дракона в долине. Они старались не падать духом, и каждый уверял всех остальных, что вряд ли здесь еще водятся драконы, и что тот, который был мертв в три часа пополудни, именно тогда они его видели, едва ли стал бы убивать людей всего лишь за несколько часов до смерти.

– Если только он не съел это маленькое отродье и не помер от этого: им кто угодно отравится, – сказал Ринс. Но он пробормотал это себе под нос, и никто его не услышал.

Однако, позже ночью, Люси очень тихо разбудили. Она обнаружила, что вся компания собралась вместе и переговаривается шепотом.

– Что случилось? – спросила Люси.

– Мы все должны сохранять спокойствие, – говорил Каспиан. – Только что над верхушками деревьев пролетел дракон и приземлился на берегу. Да, боюсь, что он между нами и кораблем. А стрелы бесполезны против драконов, и они вовсе не боятся огня.

– С позволения Вашего Величества... – начал Рипичип.

– Нет, Рипичип, – очень твердо сказал Король, – ты не будешь рваться на поединок с ним. И если ты не пообещаешь мне повиноваться в этом, то я прикажу тебя связать. Мы должны просто выставить часовых и, как только рассветет, спуститься на берег и биться с ним. Я поведу вас. Справа от меня будет Король Эдмунд, слева – Лорд Дриниэн. Никаких других приготовлений не надо. Через пару часов будет светло. Пусть через час нам подадут еду и то, что осталось от вина. И пусть все делается бесшумно.

– Может, он улетит, – с надеждой сказала Люси.

– Если он улетит, будет только хуже, – ответил Эдмунд, – потому что тогда мы не будем знать, где он. Если в комнате есть оса, я предпочитаю видеть ее.

Остаток ночи прошел ужасно, и, когда подали еду, многие, хотя и знали, что поесть надо, обнаружили полное отсутствие аппетита. Казалось, время тянулось бесконечно, пока сумрак не начал рассеиваться, и не зачирикали птицы тут и там. Стало более холодно и влажно, чем ночью, и тогда Каспиан сказал: «Теперь пора, друзья».

Они поднялись, все с обнаженными мечами, и образовали тесную группу, в середине которой была Люси с Рипичипом на плече. Это было лучше, чем просто ожидание, и в эту минуту каждый с большим, чем обычно, вниманием относился к остальным. Через пару секунд они двинулись. Когда они подошли к опушке леса, стало светлее. И там, на песке, как гигантская ящерица или крокодил, или змея с лапами, лежал дракон, огромный, ужасный, горбатый.

Однако, увидев их, он, вместо того, чтобы подняться и извергать пламя и дым, стал отступать, можно даже сказать, заковылял назад, на мелководье залива.

– Чего он так качает головой? – спросил Эдмунд.

– А теперь он кивает нам, – сказал Каспиан.

– И что-то выходит из его глаз, – добавил Дриниэн.

– Ой, ну неужели вы не видите, – воскликнула Люси. – Он плачет. Это слезы.

– Я бы не стал доверять этому, мэм, – сказал Дриниэн. – Именно так и поступают крокодилы, если хотят застигнуть кого-нибудь врасплох.

– Он покачал головой, когда Вы сказали это, – заметил Эдмунд. – Как будто хочет сказать «нет». Смотрите, вон он опять отходит.

– Ты думаешь, он понимает, о чем мы говорим? – спросила Люси.

Дракон отчаянно закивал головой.

Рипичип соскользнул с плеча Люси и выступил вперед.

– Дракон кивнул.

– Вы можете говорить?

Дракон покачал головой.

– Тогда, – сказал Рипичип, – бесполезно спрашивать Вас, что Вам здесь надо. Но если Вы готовы поклясться в дружбе с нами, поднимите над головой левую переднюю лапу. Дракон сделал это, но неуклюже, так как лапа болела и распухла из-за золотого браслета.

– Ой, смотрите, – воскликнула Люси. – У него что-то не в порядке с лапой. Бедняжка, – видимо, поэтому он и плачет. Может, он пришел к нам, чтобы мы его вылечили, как в истории про Андроклов и льва.

– Будь осторожна, Люси, – сказал Каспиан. – Это очень умный дракон, но он может лгать.

Однако Люси уже выбежала вперед, за ней Рипичип, так быстро, как только несли его короткие лапки, и тогда, конечно, пришлось подойти к дракону и мальчикам с Дриниэном.

– Покажи мне свою лапу, – сказала Люси. – Может быть, я смогу вылечить ее.

Дракон, который когда-то был Юстасом, с радостью протянул свою больную лапу, памятуя, как бальзам Люси излечил его от морской болезни еще до того, как он превратился в дракона. Однако, он был разочарован. Волшебная жидкость уменьшила припухлость и немного смягчила боль, но она не могла растворить золото.

Теперь все столпились вокруг посмотреть на лечение. Вдруг Каспиан воскликнул:

– Глядите!

Он пристально посмотрел на браслет.

7. КАК ЗАКОНЧИЛОСЬ ЭТО ПРИКЛЮЧЕНИЕ

– На что глядеть? – спросил Эдмунд.

– Посмотрите на рисунок на золоте, – сказал Каспиан.

– Маленький молоточек с алмазной звездой над ним, – произнес Дриниэн.

– Но я же видел это где-то раньше.

– Видел! – воскликнул Каспиан. – Ну, конечно же, видел. Это герб одного из великих родов Нарнии. Это браслет Лорда Октазиэна.

– Негодяй, – обратился Рипичип к дракону, – не сожрал ли ты Нарнианского лорда?

Но дракон отчаянно замотал головой.

– Или, может быть, – предположила Люси, – это и есть сам Лорд Октазиэн, превратившийся в дракона – понимаете, заколдованный.

– Ни то, ни другое совершенно необязательно, – заявил Эдмунд. – Все драконы собирают золото. Но, я думаю, мы можем быть уверены в том, что дальше этого острова Октазиэн не добрался.

– Ты не Лорд Октазиэн? – спросила Люси дракона и затем, когда он печально помотал головой, добавила:

– Ты случайно не кто-нибудь заколдованный – я имею ввиду, какой-нибудь человек?

Дракон яростно закивал.

И тогда кто-то спросил – потом люди спорили, кто это сказал первым – Люси или Эдмунд:

– Ты – ты случайно не Юстас?

И Юстас закивал своей ужасной драконьей головой и стал бить хвостом по воде. Все отскочили назад (некоторые из матросов с восклицаниями, которые я не стану повторять здесь), чтобы уберечься от огромных кипящих слез, которые полились из его глаз.

Люси очень старалась утешить его и даже набралась смелости поцеловать чешуйчатую морду, и все вокруг говорили: «Вот не повезло бедняге», а некоторые уверяли Юстаса, что будут поддерживать его, и многие сказали, что наверняка должен быть какой-то способ расколдовать его, и что через пару дней они приведут его в полный порядок. И, конечно же, все очень хотели услышать его рассказ, но он не мог говорить. Несколько раз в последующие дни он пытался написать свой рассказ на песке, но ему никак не удавалось это сделать. Во-первых, Юстас, никогда не читавший правильных книжек, понятия не имел, как правильно описать свои приключения, и, кроме того, мышцы и нервные окончания лап дракона, которые ему приходилось использовать, никогда не учились писать, и уж конечно, в любом случае не были приспособлены для этого. В результате он не мог и близко-то подобраться к концу своего рассказа прежде, чем накатывал прилив и смывал все ранее написанное, за исключением тех мест, на которые он уже сам наступил лапами или которые случайно смахнул хвостом. И все, что можно было увидеть, выглядело примерно так: (многооточие обозначает места, которые он растоптал)

Я ОПШЕЛ СПА... КАНА ОРКОНА Я ИМЕЮ В ВИДУ ПЕЩЕРУ ДРАНКОНА ТАК КАК ОНБЫЛ МЕРТВ И ОЖД ТАКОЙ СИЛЬ... ПРОСНУЛСЯ И ЗАК... НЕ... СНЯТЬ ССС МОЙ РУКИ О ПРОКЛЯТЬЕ...

Всем, однако, было ясно, что характер Юстаса, после того, как он стал драконом, значительно улучшился. Он стремился помочь. Он облетел остров и выяснил, что он весь в горах и живут там только горные козлы и стада диких свиней. Юстас притащил много свиных туш в качестве провизии для корабля. Он оказался гуманным охотником, потому что мог мгновенно прикончить зверя одним ударом своего хвоста так, что тот и не знал, да, думаю, и до сих пор не знает, что его убили. Несколько туш он, естественно, съедал сам, но всегда в одиночестве, так как теперь, когда он стал драконом, он предпочитал сырую пищу и не мог вынести, чтобы все остальные видели его за грязной трапезой. Однажды, летя медленно и устало, но с большой гордостью, он приволок в лагерь высокую сосну, которую вырвал вместе с корнями в отдаленной долине, чтобы можно было сделать главную мачту для корабля. А по вечерам, если становилось прохладно, как иногда бывает после сильных дождей, он был чрезвычайно удобен: вся компания шла к нему, рассаживалась вокруг, прижавшись спиной к горячим бокам, таким образом, быстро согревалась и высыхала. Кроме того, одно дуновение его пламенного дыхания разжигало самый упрямый костер. Иногда он поднимался в воздух с несколькими избранными на спине, и они могли увидеть проносящиеся под ними зеленые склоны, каменистые вершины, узкие долины, похожие на трещины, и далеко за морем, на востоке, темно-синее пятно на голубом горизонте, которое могло быть сушей.

Удовольствие, совершенно новое для него. Быть любимым и, больше того, любить других было тем единственным, что не давало Юстасу погрузиться в отчаяние. Быть драконом было очень печально для него. Он вздрагивал всякий раз, когда, пролетая над горным озером, замечал собственное отражение. Он ненавидел огромные, как у летучей мыши, крылья, острый, как зубья пилы, гребень на спине и ужасные загнутые когти. Он почти боялся оставаться наедине с самим собой, но в тоже время ему было стыдно находиться вместе с остальными. По вечерам, когда его не использовали как грелку, он обычно ускользал из лагеря и лежал на берегу, свернувшись, как змея, между лесом и водой.

В таких случаях, к большому его удивлению, самым постоянным его утешителем был Рипичип. Благородная Мышь украдкой выползала из веселого кружка у костра и усаживалась у драконьей головы, с подветренной стороны, чтобы на нее не попадало его дымное дыхание. Рипичип разъяснял Юстасу, что все то, что с ним произошло – яркий пример поворота колеса Фортуны, и что если бы они с Юстасом находились в его доме в Нарнии (на самом деле у него была норка, а не дом, и даже драконья голова, не говоря уже об остальном, не поместилась бы в ней) он мог бы привести ему более сотни примеров из жизни императоров, королей, герцогов, рыцарей, поэтов, влюбленных, звездочетов, философов и волшебников, которые вначале благоденствовали, а потом по воле судьбы попали в бедственное положение, и многие из которых вновь обрели все потерянное и жили после этого долго и счастливо. И хотя, быть может, в тот момент это не казалось таким уж утешительным, но Рипичип имел добрые намерения, и Юстас никогда не забывал этого.

Однако, мысли всех омрачал вопрос о том, что им делать с драконом, когда они будут готовы к отплытию. Они старались не говорить об этом, когда Юстас находился поблизости, но несколько раз он невольно слышал обрывки их разговоров: «Влезет ли он в длину вдоль одной стороны палубы? Нам придется все запасы переложить на другую сторону вниз, чтобы сохранить равновесие», – или – «Сможет ли он догонять нас по воздуху?» – или (чаще всего). – «А чем же мы его будем кормить?».

И бедный Юстас все больше и больше ощущал, что с первого же дня, когда он попал на борт, с ним было одно лишь сплошное мучение и что теперь он создавал еще больше проблем. Эта мысль въедалась ему в голову точно так же, как браслет – в переднюю лапу. Он знал, что если драть его зубами, делается только хуже, но иногда не мог удержаться от этого, особенно в жаркие ночи.

Однажды утром, через шесть дней после того, как они высадились на Острове Дракона, Эдмунд проснулся очень рано. Только-только начало светать. Глядя на восток, едва можно было различить стволы деревьев. Когда он проснулся, ему послышался какой-то шум. Он приподнялся на одном локте и посмотрел вокруг: тут же ему показалось, что он видит темную фигуру, движущуюся по опушке леса со стороны моря. Первое, что ему пришло в голову, было: «А почему мы все уверены, что на этом острове нет туземцев?» Затем он решил, что это Каспиан: фигура была примерно такого же роста, но он знал, что Каспиан спал рядом с ним и мог видеть, что тот даже не пошевелился во сне. Эдмунд проверил, на месте ли его шпага, затем поднялся и отправился выяснять, что это такое.

Он тихо подошел к опушке леса. Темная фигура все еще находилась там. Теперь он увидел, что она слишком мала ростом для Каспиана, но слишком велика для Люси. Незнакомец не убежал. Эдмунд вытащил шпагу и уже собрался бросить ему вызов, когда тот тихо спросил:

– Это ты, Эдмунд?

– Да. А ты кто? – ответил он.

– Ты что, не узнаешь меня? – сказал незнакомец. – Это же я – Юстас.

– Клянусь Юпитером, – воскликнул Эдмунд, – точно. Дорогой мой...

– Тсс, – сказал Юстас и покачнулся, как будто он вот-вот упадет.

– Привет! – воскликнул Эдмунд, подхватывая его. – Что с тобой происходит? Ты болен?

Юстас молчал так долго, что Эдмунд стал думать, не потерял ли тот сознание, но, наконец, он произнес:

– Это было ужасно. Ты не представляешь... но теперь все в порядке. Не могли бы мы пойти куда-нибудь и поговорить? Я не хочу пока встречаться с остальными.

– Да, с удовольствием, куда хочешь, – сказал Эдмунд. – Мы можем пойти и посидеть на скалах вон там. Слушай, я очень рад видеть, что ты – э – снова выглядишь самым собой. Ты, должно быть, провел весьма неприятные дни.

Они пошли к скалам и уселись там, глядя на залив. Небо тем временем становилось все светлее и светлее, звезды исчезли, за исключением одной, ярко светившейся низко над горизонтом.

– Я не буду тебе рассказывать, как я превратился в дракона, до тех пор, пока не смогу рассказать об этом всем остальным и покончить с этим, – начал Юстас. – Кстати, я даже не знал, что это называется драконом, пока не услышал, когда объявился здесь тем утром, что вы все пользуетесь этим словом. Я хочу рассказать тебе, как я перестал им быть.

– Давай, говори, – сказал Эдмунд.

– Ну, прошлой ночью я чувствовал себя еще более несчастным, чем обычно. И этот проклятый браслет резал руку, как не знаю что...

– Теперь все в порядке?

Юстас рассмеялся, но совсем другим смехом, чем когда-либо раньше, и легко снял браслет с руки.

– Вот, – сказал он, – и, что касается меня, пусть забирает его кто хочет. Ну так, как я уже говорил, я бодрствовал и гадал, что же все-таки со мной станет. И тогда – но, замечь, все это могло быть лишь сном. Я ни в чем не уверен.

– Продолжай, – сказал Эдмунд, проявляя исключительное терпение.

– Ну, так вот, я поднял голову и увидел то, чего уж вовсе не ожидал: ко мне приближался огромный лев. Самым странным было то, что прошлой ночью не было луны, но там, где ступал

лев, было лунное сияние. И так он подходил все ближе и ближе. Я ужасно испугался его. Ты, конечно, можешь подумать, что будучи драконом, я бы мог без труда пришибить любого льва. Однако это был не такой страх. Я боялся не того, что он меня съест, я просто боялся его самого – если ты можешь это понять. Он подошел близко ко мне и посмотрел мне прямо в глаза. И я крепко закрыл глаза. Но от этого не было никакого толку, потому что он приказал мне следовать за ним.

– Ты хочешь сказать, что он заговорил?

– Я не знаю. Теперь, когда ты упомянул об этом, я не думаю, что он говорил. Но он все равно приказывал мне. И я знал, что должен делать то, что он приказывает, поэтому я встал и последовал за ним. И он повел меня далеко в горы. И все время вокруг льва, куда бы он не шел, было это лунное сияние. Так, наконец, мы вззошли на вершину горы, которую я никогда раньше не видел, и там был сад – с деревьями, фруктами и всем прочим. В центре его бил источник.

Я знал, что это источник, потому что было видно, как вода бьет ключом и пузыри поднимаются со дна, но он был гораздо больше, чем обычный источник, он был похож на очень большую круглую купальню со спускающимися в нее мраморными ступенями. Вода была совершенно чистая, чище всего на свете, и мне подумалось, что если бы я мог войти туда и окунуться, то это уменьшило бы боль в моей лапе. Но лев сказал мне, что прежде я должен раздеться. Заметь, я не знаю, говорил ли он что-нибудь вслух или нет.

Я только собирался ответить, что не могу раздеться, потому что на мне нет никакой одежды, как подумал, что драконы ведь похожи на змей, а змеи могут сбрасывать кожу. Конечно же, подумал я, именно это и имел ввиду лев. Тогда я начал чесаться, и повсюду стала отходить чешуя. Тогда я запустил когти глубже и, вместо чешуек, отлетавших тут и там, начала прекрасно сходить вся моя кожа, как будто кожура банана, как это обычно бывает после болезни. И уже через пару минут я смог выйти из нее целиком. Я видел, как она лежит рядом. Выглядела она довольно противно, но мое ощущение было очень приятным. Тогда я начал спускаться в купальню, чтобы окунуться.

Но как только я собрался коснуться ногой воды, я посмотрел вниз и заметил, что мои ноги опять покрылись чешуей и стали жесткими, грубыми, морщинистыми, совсем, как прежде. Ну, ладно, подумал я, это означает лишь то, что под первым костюмом у меня надет другой, меньший, и что его мне тоже надо снять. Тогда я снова царапал и драл себя когтями, и эта кожа тоже прекрасно сошла, и я вышел из нее, оставив ее лежать рядом с первой, и снова направился к источнику купаться.

Ну, и снова произошло тоже самое. И я подумал, о, Господи, сколько же еще кож я должен с себя снять? Мне очень хотелось омыть свою больную лапу. Тогда я в третий раз стал царапать себя и снял третью кожу, также, как и две предыдущие, и вышел из нее. Но как только я взглянул на свое отражение в воде, так понял, что опять все было бесполезно.

Тогда лев сказал, но я не знаю, говорил ли он:

– Тебе придется позволить мне раздеть тебя.

Знаешь, я боялся его когтей, да еще как, но к этому моменту я был почти в отчаянии. Так что я просто лег на спину, чтобы он мог это сделать.

В первый же раз он рванул так сильно, что мне показалось, что он вонзил когти прямо мне в сердце. А затем, когда он начал стаскивать с меня кожу, это было еще больнее, чем все, что я когда-либо пережил. Единственное, что помогало мне переносить все это, было лишь удовольствие ощущать, как она сходит. Ты, наверное, знаешь, если ты хоть когда-нибудь сдираешь корочку с ранки. Это больно – еще как, но так приятно видеть, что она отдирается.

– Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Эдмунд.

– Ну так вот, он запросто содрал всю эту ужасную кожу, точно так же, как и я, когда делал это три раза, только тогда не было больно. И она осталась лежать на траве. Только была она гораздо толще, темнее и выглядела более бугристой, чем все предыдущие. И вот я стал гладким и мягким, как прут без коры, и даже уменьшился в размерах. Затем лев схватил меня – это мне не очень понравилось, потому что теперь, без кожи, мое тело стало очень нежным, и кинул меня в воду. Она ужасающе саднила, но только в первый момент. Потом все стало совершенно превосходно, и как только я начал плавать и плескаться, я обнаружил, что боль в руке исчезла. И тут я понял, почему. Я снова превратился в мальчика. Ты бы решил, что я совсем сошел с ума, если бы я рассказал тебе, как я стал любоваться своими собственными руками. Я знаю, что у меня нет мускулов, и что по сравнению с руками Каспиана мои руки выглядят довольно паршиво, но я был так

счастлив увидеть их снова.

Через некоторое время лев вынул меня из источника и одел...

– Одел тебя? Лапами?

– Ну, тут вот я не совсем точно помню. Но каким-то образом он одел меня в новую одежду, которая, кстати, и сейчас на мне. А затем я вдруг снова оказался здесь. Это-то и заставляет меня думать, что все было скорее всего лишь сном.

– Нет. Это был не сон, – сказал Эдмунд.

– Почему нет?

– Ну, во-первых, появилась одежда. А, во-вторых, тебя, ну, так сказать, раздраконили.

– Но что же, по-твоему, это тогда было? – спросил Юстас.

– Я думаю, что ты видел Аслана, – ответил Эдмунд.

– Аслана! – воскликнул Юстас. – С тех пор, как мы оказались на «Рассветном Путнике», я несколько раз слышал это имя. И я чувствовал... не знаю даже, что... я ненавидел его. Но тогда я всех ненавидел. Кстати говоря, я хотел бы извиниться. Боюсь, что я был порядочной скотиной.

– Ладно, все в порядке, – сказал Эдмунд. – Между нами, ты был еще не таким плохим, как я во время моего первого посещения Нарнии. Ты был просто ослом, я же оказался предателем.

– Ну, тогда и не рассказывай мне про это, – сказал Юстас. – Но кто этот Аслан? Ты его знаешь?

– Ну, он меня знает, – ответил Эдмунд. – Он – великий Лев, сын Императора-Над-Морем, спасший меня и спасший Нарнию. Мы все его видели. Люси видит его чаще других. И, может быть, мы плывем как раз в страну Аслана.

Некоторое время оба молчали. Последняя, яркая звезда исчезла с небосвода. Горы закрывали от мальчиков восход солнца, но те знали, что оно встает, потому что небо и залив перед ними окрасились в цвет роз. Затем какая-то птица вроде попугая закричала в лесу позади них, из-за деревьев послышался шум, а затем и звуки рога Каспиана. Лагерь проснулся.

Велико было ликование, когда Эдмунд и возвращенный в прежний вид Юстас присоединились к завтракавшей вокруг костра компании. И теперь, естественно, все выслушали первую часть рассказа Юстаса. Люди гадали, не убил ли первый дракон Лорда Октазиэна несколько лет тому назад, или не превратился ли сам Октазиэн в старого дракона. Драгоценные камни, которыми Юстас набил карманы в пещере, исчезли вместе со старой одеждой, но никто из присутствующих не испытывал желания вернуться в эту долину за оставшимися сокровищами, и меньше всех – сам Юстас.

Спустя несколько дней «Рассветный Путник» с новой мачтой, заново покрашенный и нагруженный припасами, был готов к отплытию. Прежде, чем погрузиться на корабль, Каспиан приказал вырезать на гладком утесе, глядящем на залив, следующие слова:

ОСТРОВ ДРАКОНА ОТКРЫТ КЭСПИЭНОМ 10, КОРОЛЕМ НАРНИИ, И Т. Д.

В ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ЕГО ПРАВЛЕНИЯ.

ЗДЕСЬ, КАК МЫ ПРЕДПОЛАГАЕМ, ЛОРД ОКТЭЗИЭН ОБРЕЛ СВОЮ СМЕРТЬ.

Было бы очень приятно сказать, что «с этого времени Юстас стал совсем другим мальчиком». В каких-то отношениях это было действительно так. Если быть совершенно точным, он начал становиться другим мальчиком. У него случались рецидивы. Было еще много дней, когда он бывал весьма надоедлив. Однако я не буду отмечать большинство этих случаев. Излечение уже началось.

Любопытной оказалась судьба браслета Лорда Октазиэна. Юстас не хотел владеть им и предложил его Каспиану, а Каспиан предложил его Люси. Но и она не захотела его иметь.

– Очень хорошо, тогда лови, кто хочет! – крикнул Каспиан и подбросил его в воздух.

Он сделал это, когда все стояли и глядели на надпись на скале. Браслет взлетел вверх, сверкая в лунном свете, зацепился и повис, как хорошо брошенное серсо на небольшом каменном выступе. Оттуда его невозможно было снять ни сверху, ни снизу. И там, насколько мне известно, он и останется висеть до тех пор, пока не наступит конец света.

8. ДВА ЧУДЕСНЫХ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ ГИБЕЛИ

Наконец «Рассветный Путник» отчалил от Острова Дракона. Все были в прекрасном расположении духа. Как только корабль вышел из залива, подул попутный ветер, и на следующее утро

они довольно рано подошли к неизвестной земле. Некоторые уже видели ее смутные очертания, когда пролетали над горами на Юстасе-драконе. Это был низкий зеленый остров, населенный лишь кроликами да немногочисленными козами. Однако, наткнувшись на каменные остоны хижин и кострища рядом с ними, путешественники пришли к выводу, что еще недавно остров был обитаем. Они нашли какие-то кости и сломанное оружие.

– Работа пиратов, – сказал Каспиан.

– Или дракона, – предположил Эдмунд.

Кроме этого, они обнаружили лишь маленькую лодочку, стоявшую на песке. Она была сделана из шкур, натянутых на плетеную основу из ивовых прутьев. Это была крохотная лодочка, длиной не более четырех футов и лежавшее в ней весло было соответствующим. Все решили, что либо она была сделана для ребенка, либо эту страну раньше населяли гномы. Рипичип решил сохранить для себя эту лодочку, так как она была подходящего размера, и ее взяли на борт «Рассветного Путника». Они назвали эту землю Сожженным Островом и уплыли прочь еще до полудня.

В течение примерно пяти дней они плыли довольно быстро, подгоняемые свежим южным ветром, не встретив по дороге ни земли, ни рыбы, ни чайки. А затем настал день, когда с утра и до обеда лил проливной дождь. Юстас проиграл Рипичипу две партии в шахматы и снова начал превращаться в прежнего неприятного попутчика, а Эдмунд заявил, что жалеет, что они не отправились в Америку вместе со Сьюзен. Тут Люси выглянула из окна на корме и сказала:

– Смотрите-ка! Мне кажется, дождь слабеет. А это что еще такое?

Услышав это, они гурьбой высыпали на палубу и обнаружили, что дождь прекратился, и что Дриниэн, стоящий на вахте, пристально смотрит на что-то за кормой. Точнее, на несколько непонятных предметов. Они немного смахивали на гладкие круглые валуны – целая гряда валунов, промежутки между которыми составляли примерно сорок футов.

– Однако, это не могут быть скалы, – заметил Дриниэн, – потому что еще пять минут тому назад их здесь не было.

– А вот один из них только что исчез, – сказала Люси.

– Да, а вот появляется другой, – подхватил Эдмунд.

– И причем ближе к нам, – заметил Юстас. – Черт подери! – воскликнул Каспиан. – Вся эта штука движется в нашу сторону.

– И движется гораздо быстрее, чем мы плывем, Сир, – сказал Дриниэн. – Через минуту она нас нагонит.

Все затаили дыхание. Ведь всегда неприятно оказаться преследуемым чем-то неизвестным, будь то на суше или на море. Но выяснилось, что все гораздо хуже, чем они подозревали. Внезапно, по левому борту, всего лишь на расстоянии крикетного броска от них, из моря вынырнула ужасная голова. Она вся была пурпурно-зеленой в фиолетовых пятнах, и кое-где виднелись прицепившиеся к ней моллюски. У нее были огромные глаза, глаза, предназначенные для того, чтобы глядеть сквозь темные глубины океана, и широко открытая пасть, заполненная двумя рядами острых акульих зубов. То, на чем сидела голова, они сперва приняли за огромную шею, но, по мере того, как она поднималась выше и выше, все начали понимать, что это не шея, а тело, и что им довелось увидеть то, что по своей глупости желали бы лицезреть многие люди – гигантского Морского Змея. Вдалеке были видны складки его огромного хвоста, время от времени поднимающиеся над водой. А голова его уже возвышалась над верхушкой мачты.

Все кинулись к оружию, но ничего нельзя было сделать, ибо чудовище находилось вне пределов досягаемости.

– Стреляйте! Стреляйте! – закричал Старший Лучник, и некоторые послушались его, но стрелы отскакивали от шкуры Морского Змея, словно она была покрыта стальным панцирем. В эту ужасную минуту все замерли, глядя на его глаза и пасть и размышляя, куда кинется чудовище.

Однако оно не стало набрасываться на них. Остановившись над кораблем на уровне рей, оно вытянуло голову вперед, и теперь она находилась как раз рядом с мачтовым гнездом. Чудовище продолжало все вытягиваться и вытягиваться, пока голова, наконец, не коснулась правого фальш-борта. Тогда она начала опускаться, но не на заполненную народом палубу, а в воду, так, что весь корабль оказался под аркой змеиного тела. И почти сразу же эта арка стала сужаться, теперь с правой стороны Морской Змей почти касался борта «Рассветного Путника».

Юстас (действительно очень старавшийся вести себя прилично, пока дожди и шахматы не

вызвали рецидив) теперь совершил первый храбрый поступок в своей жизни. У него была шпага, которую ему одолжил Каспиан. Как только тело змея оказалось достаточно близко от него, он вскочил на фальшборт и со всей силой начал рубить его шпагой. Естественно, Юстас не добился ничего, кроме того, что разломал на кусочки вторую любимую шпагу Каспиана, но для начинающего это было не так уж и плохо.

Остальные уже собирались было присоединиться к нему, но тут Рипичип закричал: «Не сражайтесь! Толкайте!»

Было настолько необычно, чтобы Мышь советовала кому-нибудь не сражаться, что даже в этот ужасный момент все взоры обратились к нему. И когда Рипичип вскочил на фальшборт впереди змея, прижался своей маленькой пушистой спинкой к его огромной, чешуйчатой, скользкой спине и начал толкать изо всех сил, то многие поняли, что именно он имеет в виду, и кинулись к бортам корабля, чтобы делать то же самое. А когда через минуту голова Морского Змея вынырнула снова, на сей раз затылком к ним, со стороны левого борта, тогда поняли все.

Чудовище обвилось вокруг «Рассветного Путника» и теперь начинало стягивать петлю. Если она затянется, тогда – крах! И на месте корабля останутся плавать лишь обломки дерева, и змей сможет преспокойно выловить их из воды одного за другим. Единственный их шанс заключался в том, чтобы отталкивать петлю назад до тех пор, пока она не соскользнет с кормы, или же, если посмотреть на это с другой стороны, протолкнуть корабль вперед сквозь петлю.

В одиночку Рипичип, конечно же, имел не больше возможности преуспеть в этом, чем, скажем, поднять собор, и он чуть не убится при попытке, пока его не отодвинули в сторону другие. Вскоре вся команда корабля, за исключением Люси и Мыши, которая лежала без сознания, выстроилась в две длинные линии вдоль фальшбортов. Каждый навалился на спину впереди стоящего, так, что вес всей шеренги был сосредоточен в первых, и толкали они изо всех сил. В течение нескольких кошмарных мгновений, которые казались часами, как будто ничего не происходило. Трещали суставы, капал пот, воздух с хрипом вырывался из задыхающихся легких. Затем все почувствовали, что корабль движется. Они увидели, что тело змея уже дальше от мачты. Однако, они также заметили, что петля сузилась. И теперь настоящая опасность была совсем рядом. Смогут ли они столкнуть петлю с корабля, или она уже слишком затянулась? Да, пожалуй, она пройдет. Она уже лежала на поручнях кормы. Тело Морского Змея было уже так низко, что они смогли выстроиться бок о бок в ряд на полуюте и толкать. На мгновение это обнадежило всех, но тут они вспомнили о высокой резной фигуре на корме, драконьем хвосте «Рассветного Путника». Протолкнуть его сквозь чудовищную петлю казалось почти невозможным.

– Топор! – хрипло крикнул Каспиан, – И продолжайте толкать. Люси прекрасно знала, что где лежит. Она услышала его крик, когда стояла на главной палубе и смотрела вверх на полуюту. Через несколько секунд она была уже в трюме, схватила топор и понеслась обратно вверх по лестнице. Но как только она взобралась на корму, раздался такой сильный треск, будто падает дерево, корабль покачнулся и рванулся вперед. В эту самую минуту, то ли оттого, что Морского Змея так сильно толкали, то ли потому, что он по глупости решил затянуть петлю потуже, вся резная часть кормы обломилась, и это освободило корабль.

Все были слишком измучены, чтобы заметить то, что увидела Люси. В нескольких ярдах за ними петля из тела Морского Змея быстро уменьшалась в размерах и, наконец, со всплеском исчезла. Люси потом долго рассказывала, хотя, конечно, в этот момент она была очень возбуждена, и все это могло быть игрой ее воображения, что на морде чудовища она видела выражение идиотского удовлетворения. Очевидно лишь то, что это, конечно, было очень глупое животное, потому что вместо того, чтобы преследовать корабль, оно повернуло голову и стало обнюхивать свое собственное тело, будто ожидая найти там обломки «Рассветного Путника». Но подгоняемый свежим ветром «Рассветный Путник» был уже далеко, и по всей его палубе лежали, сидели, стояли и пытались отдышаться находившиеся на нем люди. Вскоре они уже смогли разговаривать, а затем и смеяться над происшедшим. А когда принесли немного рома, они даже нашли в себе силы прокричать «ура», и все стали восхвалять храбрость Юстаса, хотя от него и не было никакого толку, и Рипичипа.

После этого события они плыли еще три дня и не видели ничего, кроме моря и неба. На четвертый день утром ветер сменился на северный, и море заволновалось; после полудня начал подниматься шторм. Но в это время слева по борту они увидели землю.

– С Вашего позволения, Сир, – сказал Дриниэн, – мы попробуем на веслах добраться до этой

суши и переждать, в какой-нибудь гавани, пока все это не кончится.

Каспиан согласился, но из-за сильного встречного ветра они смогли добраться до острова только к вечеру. При последних лучах заходящего солнца они вошли в естественную гавань и встали на якорь, но в этот вечер уже никто не стал сходить на берег. Утром путешественники обнаружили, что находятся у одинокого, покрытого зеленью острова, изрезанные берега которого сходились к каменистой вершине. Над нею проносились облака, подгоняемые северным ветром. Путешественники спустили на воду лодку и нагрузили бочками для воды.

– В какой речке мы будем набирать воду, Дриниэн? – спросил Каспиан, усаживаясь на корме шлюпки. – Похоже, что в залив впадают две.

– Все равно, Сир, – ответил Дриниэн. – Но я думаю, что ближе до той, что по правому борту – до восточной.

– Кажется, дождь начинается, – заметила Люси.

– Да еще как начинается! – воскликнул Эдмунд: к тому времени уже шел проливной дождь. – Слушайте, давайте поедem к другой речке. Там растут деревья, и мы сможем хоть как-то укрыться под ними.

– Да, давайте, – сказал Юстас. – Нет никакого смысла мокнуть.

Однако, все это время Дриниэн упорно вел лодку направо, как делают упрямые водители, которые продолжают ехать со скоростью сорок миль в час, пока ты им объясняешь, что они едут не по той дороге.

– Они правы, Дриниэн, – сказал Каспиан. – Почему бы Вам не развернуть лодку на сто семьдесят градусов и не направиться к западной речке?

– Как будет угодно Вашему Величеству, – ответил Дриниэн несколько сухо. Накануне у него выдался из-за плохой погоды беспокойный день, и кроме того, он не любил выслушивать советы всяких сухопутных крыс. Однако он изменил курс, и впоследствии оказалось, что правильно сделал.

К тому моменту, когда они закончили набирать воду, дождь прекратился, и Каспиан с Юстасом, Пэвенси и Рипичипом решили прогуляться на вершину холма и посмотреть, что оттуда видно. Подъем был довольно крутым, через грубую траву и вересковую пустошь. Там они не встретили ни человека, ни зверя – никого, кроме чаек. Добравшись до вершины, они увидели, что этот остров очень мал, не больше, чем палуба или даже с мачта «Рассветного Путника».

– Знаешь, это безумие, – тихо сказал Юстас Люси, глядя на восток. – Мы плывем все дальше и дальше, не имея ни малейшего представления о том, куда в конце концов можем приплыть. Но он проворчал это только по привычке, а не язвительно, как в начале путешествия.

Долго оставаться на вершине было слишком холодно. Северный ветер дул со все возрастающей силой.

– Давайте не будем спускаться тем же путем, что поднимались, – предложила Люси, когда все собрались уходить, – давайте хоть немного пройдемся и спустимся к другой речке, к той, куда хотел плыть за водой Дриниэн.

Все согласились, и через четверть часа они были уже у истоков второй речки. Это место оказалось более интересным, чем они думали. Там было небольшое, но глубокое горное озеро, с трех сторон окруженное скалами. Речка вытекала из узкой протоки. Тут они наконец смогли укрыться от ветра и решили отдохнуть на вересковой пустоши между утесами.

Все уселись, но один, это был Эдмунд, тут же снова вскочил.

– Ну, и острые же камни на этом острове! – воскликнул он, роясь в кусках вереска. – Где эта проклятая штука?.. Ага, вот я ее нашел... Здравствуйте! Это вовсе не камень, это рукоять меча. Да нет, клянусь Юпитером, тут целый меч – точнее то, что осталось от него, весь в ржавчине. Должно быть, он пролежал тут века.

– К тому же, судя по его виду, это меч из Нарнии, – заметил Каспиан, когда все столпились вокруг поглядеть на находку.

– Я тоже на чем-то сижу, – сказала Люси. – На чем-то твердом.

Оказалось, что это были остатки кольчуги. К этому моменту все уже ползали на четвереньках, прочесывая густые заросли вереска во всех направлениях. В результате поисков, один за другим, были найдены шлем, кинжал и несколько монет: не Калормэнские крэссенты, подлинные Нарнианские «лвы» и «деревья», которые вы каждый день можете видеть на рынке в Бобровой Плотине или Беруне.

– Похоже, это все, что осталось от одного из наших семи лордов, – сказал Эдмунд.

– Я тоже об этом подумал, – ответил Каспиан. – Интересно, кто это был. На кинжале нет никаких знаков. А еще мне интересно, как он погиб.

– И как мы можем отомстить за него, – добавил Рипичип.

Эдмунд, единственный из всей компании, читавший раньше детективные рассказы, тем временем напряженно думал.

– Глядите-ка, – сказал наконец он, – тут что-то нечисто. Его не могли убить в битве.

– Почему? – спросил Каспиан.

– Костей нет, – ответил Эдмунд. – И потом, враг мог забрать доспехи и бросить тело. Но кто из вас когда-либо слышал, чтобы победитель уносил тело, бросив доспехи?

– Может быть, его растерзал дикий зверь, – неуверенно предложила Люси.

– Тогда, должно быть, это был очень умный зверь, – ответил Эдмунд, – раз он снял с него кольчугу.

– А может, дракон? – Спросил Каспиан.

– Ничего подобного, – авторитетно заявил Юстас. – Дракон не смог бы это сделать. Уж я-то знаю.

– В любом случае, давайте-ка уйдем отсюда, – предложила Люси. С того момента, как Эдмунд поднял вопрос о костях, ей как-то расхотелось снова там присаживаться.

– Как хочешь, – сказал Каспиан, вставая. – Я не думаю, чтобы что-нибудь из этого стоило брать с собой.

Они спустились к небольшому проходу между скалами, где речка начинала свой путь к морю, и остановились, любуясь глубоким озером в кольце утесов. Если бы стояла жара, несомненно, кто-нибудь соблазнился бы купанием и, конечно же, все напились бы оттуда. Ведь даже в такую погоду Юстас уж совсем было собрался нагнуться и зачерпнуть ладонями воду, как Рипичип с Люси одновременно вскричали: «Смотрите!»

Юстас забыл о своем намерении и посмотрел, куда они указывали.

Дно озера было покрыто большими серо-голубыми камнями, вода была совершенно прозрачной, и на дне лежала человеческая фигура, очевидно, сделанная из золота, в натуральную величину. Она лежала лицом вниз с вытянутыми над головой руками. Случилось так, что когда они смотрели на нее, облака вдруг разошлись, и выглянуло солнце. Золотая фигура засияла. Люси подумала, что это, наверное, самая красивая статуя, какую ей доводилось видеть.

– Вот это да! – присвистнул Каспиан. – А ведь стоило придти сюда, чтобы посмотреть на это! Интересно, сможем ли мы ее вытащить?

– Мы можем нырнуть за ней, Сир, – предложил Рипичип.

– Бесполезно, – сказал Эдмунд. – По крайней мере, если она действительно из золота, она будет слишком тяжелой, чтобы мы смогли ее вытащить. Кроме того, я буду не я, если глубина этого озера окажется меньше двенадцати-пятнадцати футов. Хотя, погодите секунду. Хорошо, что я захватил с собой охотничье копье. Давайте проверим, какая здесь глубина на самом деле. Держи меня за руку, Каспиан, а я немного наклонюсь над водой.

Каспиан взял его за руку и Эдмунд, наклонившись вперед, стал опускать свое копье в воду.

Прежде, чем оно наполовину вошло в воду, Люси заметила:

– Я вообще не думаю, что эта статуя из золота. Это лишь игра света. Твое копье окрасилось точно так же.

– Что случилось? – воскликнули вдруг несколько голосов. Эдмунд внезапно отпустил копье.

– Я не смог удержать, – открыл он рот от изумления, – оно показалось мне таким тяжелым.

И вот оно теперь на дне, – сказал Каспиан, – а Люси права. Оно точно такого же цвета, как и статуя.

Однако Эдмунд, у которого, похоже, что-то произошло с ботинками – по крайней мере, он наклонился и разглядывал их, и вдруг выпрямился и резким голосом крикнул:

– Отойдите назад! Прочь от воды. Все. Сейчас же!

Они отошли и с удивлением уставились на него.

– Посмотрите, – сказал Эдмунд, – посмотрите на носы моих ботинок.

– Ну, они выглядят слегка пожелтевшими... – начал Юстас.

– Это золото, чистое золото, – перебил его Эдмунд. – Посмотрите на них, потрогайте. Кожа уже оторвалась от них. И они стали тяжелые, как свинец.

– Клянусь Асланом! – воскликнул Каспиан. – Неужели ты хочешь сказать...

– Да, хочу, – ответил Эдмунд. – Это вода все превращает в золото. Она превратила в золото копье, поэтому оно и стало таким тяжелым. И она как раз плескалась у моих ног, хорошо еще, что я был не босиком, и превратила в золото носы ботинок. А этот бедняга на дне... ну, в общем, вы поняли.

– Так этот вовсе не статуя, – тихо сказала Люси.

– Нет. Теперь все ясно. Он оказался здесь в жаркий день. Он разделся на вершине утеса – там, где мы сидели. Одежда сгнила, или ее растащили птицы на свои гнезда, а доспехи все еще там. Затем он нырнул и...

– Не продолжай, – попросила Люси. – Как это ужасно.

– И мы сами были на волоске, – заметил Эдмунд.

– И впрямь, – сказал Рипичип. – У каждого из нас палец или нога, или ус, или хвост мог в любую минуту попасть в воду.

– И все же, – недоверчиво произнес Каспиан, – надо бы все-таки проверить. – Он наклонился и выдрал кустик вереска. Затем, очень осторожно, он опустил на колени возле озера и обмакнул кустик. Обмакнул-то он кустик, но то, что он вытащил, было совершенным подобием вереска, только сделанным из чистейшего золота, тяжелого и мягкого, как свинец.

– Король, которому принадлежит этот остров, – медленно проговорил Каспиан, и, пока он говорил, кровь прилиwała к его лицу, – будет вскоре богаче всех королей в мире. Я на все века объявляю эту землю собственностью Нарнии. Она будет называться Островом Золотой Воды. И я обязываю вас всех молчать. Никто не должен знать об этом. Никто, даже Дриниэн – под страхом смертной казни, слышите?

– Что ты несешь? – спросил Эдмунд. – Я не являюсь твоим подданным. Если уж на то пошло, так все наоборот. Я один из четырех древних сюзеренов Нарнии, а ты лишь вассал Светлейшего Короля, моего брата.

– Так, значит, уже дошло до этого, Король Эдмунд, не так ли? – спросил Каспиан, кладя ладонь на рукоять своей шпаги.

– Ой, да прекратите же вы оба, – вмешалась Люси. – Вот это хуже всего

– иметь дело с мальчишками. Вы все такие самодовольные, грубые, грубые идиоты – о-о!..

Голос ее прервался и затих. И тогда все увидели то же, что и она.

На сером склоне холма – сером, так как вереск еще не расцвел, бесшумно, не глядя на них, и сияя так, словно его освещало яркое солнце, хотя на самом деле оно спряталось за тучи, медленным шагом прошел самый огромный на свете лев.

Описывая впоследствии эту сцену, Люси говорила: «Он был размером со слона», – правда, в другой раз она сказала: «Размером с лошадь». Однако, не это было главным.

Никто не осмелился спросить, что это было такое. Они знали, что это Аслан.

И никто не видел, откуда и куда он направлялся. Они посмотрели друг на друга, как люди, пробуждающиеся ото сна.

– О чем у нас шла речь? – спросил Каспиан. – Похоже, я строил из себя полного идиота?

– Сир, – сказал Рипичип, – на этом месте лежит какое-то проклятие. Давайте немедленно вернемся на борт корабля. И если бы Вы оказали мне честь, разрешив дать название этому острову, я назвал бы его Островом Мертвой Воды.

– Мне кажется, это очень подходящее название, Рип, – ответил ему Каспиан, – хотя, думая об этом, я даже не могу понять, почему. Однако, похоже, погода устанавливается, и, по-моему, Дриниэн хотел бы отчалить. Как много мы сможем ему порассказать.

Однако, на самом деле, не так уж и много смогли они ему порассказать, потому что воспоминания последнего часа как-то все перепутались у них в голове.

– Когда Их Величества вернулись на борт, все они казались слегка околдованными, – говорил Дриниэн Ринсу несколькими часами позже, когда снова был поднят парус «Рассветного Путника», а Остров Мертвой Воды уже скрылся за горизонтом. Что-то с ними там произошло. Единственное, чего я смог от них добиться, так это то, что они думают, будто нашли тело одного из тех семи лордов, которых мы ищем.

– Неужели, капитан? – ответил Ринс. – Ну, тогда это уже трое. Осталось еще четверо. Таими темпами мы можем оказаться дома уже вскоре после Нового года. И это было бы очень кстати: ведь мои запасы табачка, похоже, скоро могут кончиться. Доброй ночи, сэр.

9. ОСТРОВ ГОЛОСОВ

Ветер, так долго дувший с северо-запада, наконец, сменил направление. Теперь каждое утро на восходе солнца изогнутый нос «Рассветного Путника», плывущего на восток, вздымался точно посередине солнечного диска. Некоторым казалось, что солнце стало больше, чем в Нарнии, но другие не соглашались с ними. И так они плыли и плыли, подгоняемые легким, но постоянным ветерком. И вокруг не было видно ни рыбы, ни чайки, ни корабля, ни берега. Запасы провизии снова стали уменьшаться, и в сердца путешественников закралась мысль о том, что, возможно, они заплыли в море, которое простирается до бесконечности. Неотвратно приближался последний день их путешествия на восток, и если бы им не встретила суша, им пришлось бы повернуть назад. Однако на рассвете, прямо по курсу, между ними и восходящим солнцем, наконец показался похожий на облако низкий остров.

Около полудня они бросили якорь в широком заливе и высадились на сушу. Это место сильно отличалось от всех, виденных ранее. Когда они шли через песчаный берег, кругом было тихо и пусто, как на необитаемом острове, однако впереди расстилались ровные лужайки. Трава была подстрижена так аккуратно, как в окрестностях большого английского особняка, где держат десяток садовников. Деревья, которых было довольно много, росли сравнительно далеко друг от друга, и на земле под ними не было видно ни сломанных веток, ни опавшей листвы. Иногда ворковали голуби, но никаких других звуков не было слышно.

Вскоре они вышли на длинную, прямую песчаную дорожку, где не было ни одного сорняка. По обеим ее сторонам росли деревья.

На другом конце этой аллеи, вдали, очень длинный дом дремал в лучах послеполуденного солнца.

Почти сразу же, как они вошли в эту аллею, Люси обнаружила маленький камешек у себя в туфле. Вероятно, в незнакомом месте было бы разумнее попросить остальных подождать, пока она его вынимает. Однако, она этого не сделала, она просто отстала и уселась на дорожку, чтобы снять туфли. Шнурок затянулся в узел.

Прежде, чем она смогла его развязать, остальные были уже довольно далеко. К тому времени, когда она вытряхнула камешек и снова надела туфлю, их голосов уже почти не было слышно. Но тут же она услышала что-то другое. Какой-то шум доносился со стороны противоположной дому.

Люси услышала чей-то топот. Звучало это так, как будто дюжина сильных рабочих бьет со всей силой по земле огромными деревянными молотами. И этот топот приближался очень быстро. Люси и так уже сидела, прислонившись спиной к дереву, а так как залезть на это дерево она не могла, ей оставалось лишь сидеть совершенно неподвижно, вжавшись в ствол, и надеяться, что ее не увидят.

Топ, топ, топ... Чтобы это ни было, оно должно быть, было уже совсем рядом. Люси чувствовала, как дрожит земля. Однако, она ничего не видела и решила, что это – или эти – нечто, должно быть, находятся прямо позади нее. Но тут топот раздался на дорожке прямо перед ней. Она смогла определить это не только по звуку, но по тому, что увидела, как разлетается песок, словно от тяжелых ударов. Однако она не видела ничего, что наносило бы эти удары. Затем все топочущие звуки сконцентрировались примерно в двадцати футах от нее и внезапно прекратились. И тогда раздался Голос.

Это и впрямь было очень страшно, потому что она по-прежнему никого не видела. Вся эта местность, так похожая на ухоженный парк, по-прежнему выглядела такой же мирной и пустынной, как в момент их прибытия. Тем не менее всего в нескольких футах от нее звучал Голос. А говорил он следующее:

– Друзья, это наш шанс.

Ему немедленно ответил целый хор других голосов:

– Слушайте его, слушайте его. Это наш шанс, сказал он. Молодец, Главный. Ты никогда еще не сказал более верного слова.

– Я предлагаю вот что, – продолжал первый голос, – давайте спустимся на берег между ними и их лодкой, да присмотрите, все без исключения, за своим оружием. Поймаем их, когда они попробуют выйти в море.

– Э, так и надо! – закричали все остальные голоса. – Никогда еще ты не придумывал лучшего плана, Главный. Так и продолжай, Главный! Ты и не мог бы придумать плана лучше, чем этот!

– Тогда живо, ребята, живо, – сказал первый голос. – Пошли отсюда.

– Ты снова прав, Главный, – откликнулись остальные. – Лучшего приказа и придумать было нельзя. Именно это мы сами только что и собирались предложить. Пошли отсюда.

Тут же снова начался топот – вначале очень громкий, но потом все слабее и слабее. Вскоре он замер совсем, удалившись в сторону моря.

Люси знала, что нет времени сидеть и гадать, кем могут быть эти невидимые существа. Как только топот затих вдали, она встала и со всех ног кинулась вслед за остальными. Во что бы то ни стало надо было всех предупредить.

Пока все это происходило, остальные успели дойти до дома. Это было невысокое двухэтажное здание из прекрасного мягкого камня. Фасад его был покрыт плющом. Вокруг было так тихо, что Юстас сказал:

– Я думаю, что там никого нет, – но Каспиан молча указал ему на столб дыма, поднимающийся из каменной трубы.

Они обнаружили, что большие ворота открыты, и прошли через них в мощеный дворик. И именно там они с особой остротой ощутили, что с этим островом происходит что-то странное. Посередине дворика стояла водокачка, а под ней – ведро. В этом не было еще ничего необычного. Но ручка водокачки двигалась вверх и вниз, хотя, казалось, никто не качал ее. – Здесь какое-то колдовство, – сказал Каспиан.

– Просто механика! – воскликнул Юстас. – Я считаю, что мы наконец добрались до цивилизованной страны.

В этот момент позади них во дворик ворвалась разгоряченная и задыхающаяся от бега Люси. Она попыталась шепотом рассказать им о том, что ей удалось подслушать. И когда они хоть что-то поняли из ее сбивчивого рассказа, даже храбрейшие из них сильно помрачнели.

– Невидимые враги, – пробормотал Каспиан. – И они отрезали нас от лодки. Только этого еще нам не хватало.

– Ты совершенно не представляешь, что это за существа, Лу? – спросил Эдмунд.

– Как я могу их себе представить, Эд, если я их даже не видела?

– Но шаги – то их звучали как человеческие?

– Я не слышала шума шагов – только голоса и этот страшный стук и топот, – как будто удары молота.

– Интересно, – заявил Рипичип, – становятся ли они видимыми, если проткнуть их мечом?

– Похоже, что нам предстоит это выяснить, – сказал Каспиан. – Но давайте-ка выйдем из этих ворот. Там, у водокачки, один из этих молодых слушает все, что мы говорим.

Они вернулись обратно на дорожку, где за деревьями, теоретически, они должны были не так сильно бросаться в глаза.

– Не то чтобы в этом было так уж много толку, – ворчал Юстас, – пытаться спрятаться от людей, которых не видишь, бесполезно. Они могут быть повсюду вокруг нас.

– Ну, Дриниэн, – сказал Каспиан, – как насчет того, чтобы бросить лодку, спуститься на берег в другой части залива и просигналить «Рассветному Путнику», подплыть ближе и взять нас на борт?

– Слишком малая глубина для него, Сир, – ответил Дриниэн.

– Мы могли бы доплыть, – предложила Люси.

– Ваше Величество, – сказал Рипичип, – выслушайте меня. – Это же настоящее безумие – надеяться избежать встречи с невидимым врагом каким бы то ни было ползанием и прятаньем. Если эти существа намереваются вызвать нас на битву, будьте уверены, им удастся это сделать, и, чтобы из этого не вышло, я бы скорее предпочел встретить их лицом к лицу, чем быть пойманным за хвост. – Я думаю, что на этот раз Рип действительно прав, – заметил Эдмунд.

– Конечно, – поддержала его Люси, – если Ринс и все на «Рассветном Путнике» увидят, что мы сражаемся на берегу, они смогут нам помочь.

– Но они ведь не поймут, что мы сражаемся, если не увидят никакого врага, – жалобно сказал Юстас. – Они подумают, что мы просто так размахиваем шпагами, в шутку.

Наступила неприятная пауза.

– Ну, – сказал, наконец, Каспиан, – давайте продолжим. Мы должны пойти и встретиться с

ними лицом к лицу. Пожмем друг другу руки, – Люси, клади стрелу на тетиву, все остальные вынимают мечи и пошли. Может, они предпочтут переговоры.

Когда они возвращались на берег, им странно было видеть ухоженные лужайки и высокие деревья, кажущиеся такими мирными. А когда они пришли туда и обнаружили, что лодка лежит там же, где они ее и оставили, а на гладком песке не видно никаких следов, кое-кто засомневался, не выдумала ли Люси все то, что им рассказала. Однако, прежде, чем они ступили на песок, из пустоты раздался голос.

– Ни шагу дальше, господа, ни шагу дальше сейчас, – говорил он. – Сперва нам нужно с вами переговорить. Нас здесь пятьдесят и даже больше, и все с оружием в руках.

– Слушайте его, слушайте его, – раздался хор голосов. – Это наш Главный. Можете положить на то, что он говорит. Он вам говорит правду, это уж точно.

– Не вижу я этих пятидесяти воинов, – заметил Рипичип.

– Это верно, это верно, – ответил Главный Голос. – Вы нас не видите. А почему? Потому что мы невидимки.

– Так и продолжай, Главный, так и продолжай, – откликнулись другие голоса. – Ты прямо, как по писаному говоришь. Они не могли бы потребовать лучшего ответа, чем этот.

– Спокойно, Рип, – сказал Каспиан, и добавил более громко: – Невидимый народ, что вы хотите от нас? Что мы такое сделали, чем заслужили вашу вражду?

– Мы хотим, чтобы маленькая девочка кое-что сделала для нас, – ответил Главный Голос. Остальные объяснили, что именно это, они и сами сказали бы.

– Маленькая девочка! – с возмущением воскликнул Рипичип. – Эта леди – Королева.

– О королевах мы ничего не знаем. – сказал Главный Голос. – «И мы не больше, и мы не больше», – подхватили остальные. – Но мы хотим, чтобы она сделала кое-что, что в ее силах.

– Что именно? – спросила Люси.

– И если это что-нибудь затрагивает честь или безопасность Ее Величества, – добавил Рипичип, – то вы удивитесь, сколь многих из вас мы можем перебить прежде, чем сами погибнем.

– Ну, – ответил Главный Голос, – это длинная история. Что, если всем нам присесть?

Предложение было горячо одобрено остальными голосами, но Нарнианцы остались стоять.

– Ну, – начал Главный Голос, – дело обстоит следующим образом. Этот остров в незапамятные времена был собственностью одного великого чародея. И все мы являемся или, возможно, вернее сказать, являлись его слугами. Ну вот, короче говоря, этот чародей, о котором я уже вам говорил, приказал нам сделать кое-что, что нам не понравилось. А почему не понравилось? Потому что мы не хотели этого делать. Ну, тогда этот самый чародей ужасно разгневался, потому что, как я вам, должно быть, сказал, он был хозяином острова и не привык, чтобы ему перечили. Он, знаете ли, очень упрямый человек. Но погодите-ка, о чем это я говорил? Да, так вот этот чародей, пошел тогда наверх, ибо, да будет вам известно, все свои чародейские штучки он держал наверху, а мы все жили внизу, так вот, пошел он наверх и нас заколдовал. Это было обезображивающее заклятье. Если бы вы нас сейчас увидели, хотя, по-моему, вы должны благодарить свою счастливую звезду за то, что не можете этого сделать, вы бы не поверили, какими мы были до того, как нас изуродовали. Правда, не поверили бы. Так вот, мы все были до того уродливы, что просто и глядеть не могли друг на друга. И что же мы тогда сделали? Ну, ладно, я скажу вам, что мы сделали. Мы ждали до тех пор, пока не решили, что этот самый чародей уснул после обеда. И вот тогда мы на цыпочках поднимаемся по лестнице и направляемся, самым наглым образом, к его волшебной книге, чтобы посмотреть, не можем ли мы что-нибудь поделаться с этим уродством. Однако, не буду уж вас обманывать, все мы дрожали от страха и обливались холодным потом. Но, хотите верьте, хотите нет, уверяю вас, что мы не могли найти ничего вроде заклятия для избавления от уродства. А время-то все шло и шло, и, опасаясь, что старый джентльмен в любую минуту может проснуться – уж не буду вас обманывать, я был просто весь в испарине – ну, в общем, короче говоря, правильно мы поступили или неправильно, а только в конце концов мы взяли заклятие, делающее людей невидимыми. И мы подумали, что лучше бы нам стать невидимыми, чем продолжать оставаться такими безобразными. А почему? Потому, что так нам больше нравилось бы. И вот моя малышка, примерно такого же возраста, как ваша, и таким прелестным ребенком она была до этого обезображивающего заклятья, хотя теперь... ну, словами-то делу не поможешь, так вот, моя малышка, она произносит заклятье, потому что это должна быть либо маленькая девочка, либо сам чародей, если вы меня поняли, так как иначе оно не сработает. А почему? Потому что ничего не

произойдет. Ну, так вот моя Клипси произносит заклятье, так как я уже, вероятно, говорил вам, она прекрасно читает, и тут мы все становимся настолько невидимыми, насколько только можно пожелать. И, уверяю вас, это было облегчением – не видеть лиц друг друга. По крайней мере, сначала. Но, короче говоря, нам смертельно надоело быть невидимыми. И, кроме того, есть еще одно обстоятельство. Мы никогда не предполагали, что этот чародей – тот самый, о котором я уже раньше вам говорил) тоже станет невидимым. Однако, мы ни разу не видели его с тех пор, так что не знаем, не умер ли он или не уехал ли отсюда, или не сидит ли он, просто-напросто, наверху невидимкой, а может спускается вниз и там продолжает быть невидимкой. И, поверьте мне, совершенно бесполезно прислушиваться, потому что он всегда расхаживал босиком, и шуму от него было не больше, чем могут выдержать наши нервы.

Таков был рассказ Главного Голоса, правда, сильно сокращенный, потому что я выпустил все, что говорили другие голоса. На самом же деле, ему ни разу не удалось произнести больше шести-семи слов подряд без того, чтобы они не прерывали его своими выражениями согласия и подбадривания. При этом Нарнианцы просто с ума сходили от нетерпения. Когда рассказ был закончен, наступило долгое молчание.

– Однако, – спросила наконец Люси, – к нам-то это все какое имеет отношение? Я не понимаю.

– О, Боже мой, но разве я не объяснил суть дела? – воскликнул Главный Голос.

– Объяснил, объяснил, – с большим энтузиазмом откликнулись Другие Голоса. – Никто не мог бы разъяснить ее лучше и яснее. Так и продолжай, Главный, так и продолжай.

– Ну, не буду же я начинать все сначала, – сказал Главный Голос.

– Нет. Конечно же нет, – ответили Каспиан с Эдмундом.

– Ну, тогда в двух словах, – продолжил Главный Голос, – все это время мы так долго ждали маленькую девочку из других краев, вот такую, как вы, Мисси, которая поднялась бы наверх, нашла волшебную книгу, а в ней – заклятье, которое делает видимым, и прочитала бы его. И мы все поклялись, что первые же чужестранцы, высадившиеся на нашем острове, с которыми будет милая маленькая девочка, помогут нам, что мы их не отпустим живыми, если только они не сделают то, что нам нужно. И поэтому, джентльмены, если ваша малышка не подчинится этим требованиям, то, как это ни печально, нам придется перерезать всем вам глотки. Так сказать, исключительно ради дела, и, надеюсь, вы не обидитесь.

– Я не вижу вашего оружия, – сказал Рипичип. – Оно что, тоже невидимое?

Едва он произнес это, как они услышали свистящий звук, и в следующее мгновение в одно из деревьев позади них, дрожа, вонзилось копьё.

– Вот это – это копьё, – сказал Главный Голос.

– Именно так, Главный, именно так, – забормотали другие. – Ты бы не мог сформулировать это лучшим образом.

– И бросил его я, – продолжал Главный Голос. – Как только мы оставляем предметы, они становятся видимыми.

– Но почему же вы хотите, чтобы именно я это сделала? – спросила Люси. – Почему кто-нибудь из вас не может этого сделать? У вас совсем нет девочек?

– Мы не смеем, не смеем, – ответили все голоса хором. – Мы больше не пойдем наверх.

– Иначе говоря, – сказал Каспиан, – вы просите эту леди мужественно встретить какую-то опасность и не смеете попросить об этом своих собственных сестер и дочерей?

– Именно так, именно так, – радостно согласились все Голоса. – Лучшим образом вы и не могли это сформулировать. Э, да вы получили приличное образование. Это всякому видно.

– Ну, из всех возмутительных... – начал Эдмунд, но Люси его перебила:

– Мне придется подняться наверх ночью или можно это сделать и при свете дня?

– Днем, конечно же, днем, – ответил Главный Голос. – Не ночью. Об этом вас никто не просит. Подниматься наверх в темноте? – Брр!

– Ну, хорошо, тогда я это сделаю, – сказала Люси. – Нет, – произнесла она, повернувшись к остальным, – не пытайтесь меня остановить. Разве вы не видите, что это бесполезно? Их здесь десятки. Мы не сможем сражаться с ними. А, таким образом, у нас все-таки будет шанс.

– Но, чародей! – воскликнул Каспиан.

– Я знаю, – ответила Люси. – Но, может быть, он не такой плохой, как они его представляют. Не кажется ли вам, что эти люди не очень-то храбры?

– Они, несомненно, не очень-то умны, – пробормотал Юстас.

– Послушай, Лу, – сказал Эдмунд, – мы действительно не можем позволить тебе это сделать. Спроси Рипа, я уверен, что он скажет тоже самое.

– Но ведь этим я спасу жизнь не только вам всем, но и себе, – ответила Люси. – Я же не больше, чем все остальные, хочу, чтобы меня разрезали на кусочки невидимыми мечами.

– Ее Величество права, – произнес Рипичип. – Если бы у нас была хоть малейшая уверенность в том, что при сражении мы спасем ее, наш долг был бы совершенно ясен. Мне кажется, что такой уверенности у нас нет. И та услуга, о которой они ее просят, никоим образом не противоречит королевскому достоинству, а, напротив, является благородным и геройским подвигом. Если сердце Королевы побуждает ее отважиться на встречу с чародеем, я не стану ей препятствовать.

Так как никто не мог припомнить случая, чтобы Рипичип когда-нибудь чего-нибудь испугался, то он вполне мог сказать это, не испытывая ни малейшей неловкости. Однако мальчики, которым довольно часто случалось пугаться, очень сильно покраснели. Тем не менее, было совершенно очевидно, что это разумная мысль, так что им пришлось сдаться.

Невидимки громко закричали «ура», когда им объявили решение, и Главный Голос, которого с большой теплотой поддерживали остальные, пригласил гостей поужинать и переночевать. Юстас не хотел принимать приглашение, но Люси сказала:

– Я уверена, что они не замышляют предательства. Они вовсе не такие,

– и остальные согласились.

И, таким образом, сопровождаемые диким топотом, который стал еще громче, когда они добрались до вымощенного плитками гулкового двора, все они вернулись к дому.

10. КНИГА ЧАРОДЕЯ

Невидимки устроили поистине королевский пир для своих гостей. Очень забавно было наблюдать, как тарелки и блюда подплывают, как будто сами по себе, к столу. Можно было ожидать, что в невидимых руках они будут двигаться параллельно полу: одно это уже выглядело бы достаточно забавно. Но нет. По длинной обеденной зале тарелки продвигались сериями прыжков и скачков. В самой высокой точке каждого прыжка тарелка взлетала в воздух на пятнадцать футов, затем она опускалась и внезапно останавливалась примерно в трех футах от пола. Если при этом в тарелке было что-нибудь вроде супа или тушеного мяса в соусе, результат часто оказывался плачевным.

– Я начинаю испытывать большое любопытство по поводу этих людей, – прошептал Юстас Эдмунду. – Как ты думаешь, может, они вовсе и не люди? Я бы сказал, что они больше смахивают на огромных кузнечиков или гигантских лягушек.

– Похоже на то, – ответил Эдмунд. – Но ты только Люси не говори насчет кузнечиков. Она не очень-то любит насекомых, особенно больших.

Трапеза протекала бы гораздо приятнее, если бы она не была такой беспорядочной, а также если бы беседа не состояла исключительно из поддакиваний. Невидимки соглашались со всем. И в самом деле, с большинством их замечаний трудно было бы не согласиться. Вот несколько образчиков: «Я всегда говорю, что когда человек голоден, он любит поесть», или: «Начинает темнеть. И так всегда, каждый вечер», – или даже – «А, вы приплыли по воде. Довольно мокрая штука, не так ли?»

Люси же не могла не поглядывать на темный зияющий проем двери, которая вела к началу лестницы, – ее не было видно с того места, где она сидела, и не раздумывать о том, что же она там обнаружит, когда следующим утром взойдет по этой лестнице. Во всех других отношениях это был вполне приличный ужин: с грибным супом, вареными цыплятами, горячим окороком, крыжовником, красной смородиной, творогом, сливками, молоком и медом. Мед понравился всем, кроме Юстаса, который потом долго жалел, что пил его.

Пробуждение Люси на следующее утро было таким же, как в день экзамена или в день, когда надо идти к зубному врачу. Утро было прекрасным. Жужжали пчелы, влетая и вылетая через открытое окно комнаты. Лужайка за окном весьма напоминала лужайку где-нибудь в Англии. Люси встала, оделась и постаралась за завтраком есть и разговаривать самым обычным образом. Затем Главный Голос проинструктировал ее относительно того, что она должна сделать наверху. Она попрощалась с остальными, молча подошла к лестнице и, не оглядываясь, начала всходить по

ступеням.

Было уже совершенно светло, и это радовало. Прямо перед ней, на первой площадке, находилось окно. Пока Люси поднималась туда, ей было слышно, как высокие напольные часы внизу в зале стучали: тик-так, тик-так. Затем, когда она добралась до площадки, ей пришлось повернуть налево на следующий марш, после этого тиканье часов уже не доносилось до нее.

И вот Люси оказалась наверху лестницы. Оглядевшись, она увидела длинный, широкий коридор с большим окном в дальнем конце. Очевидно, коридор шел вдоль всего дома. Стены его были покрыты резными деревянными панелями, на полу лежал мягкий ковер. По обеим сторонам коридора было очень много дверей. Люси стояла очень тихо, но не могла услышать ни мышиного писка, ни жужжания мухи, ни хлопания занавески – ничего, кроме стука собственного сердца.

– Последняя дверь налево, – напонила она себе. Ей стало немного неприятно оттого, что это должна была быть последняя дверь. Чтобы добраться до нее, ей придется пройти мимо всех остальных комнат. А в любой из них может находиться чародей, спящий или бодрствующий, или невидимый, или даже мертвый. Но лучше не думать об этом. И она отправилась в путь. Ковер был настолько мягок, что заглушал шум ее шагов.

– Пока что бояться совершенно нечего, – уговаривала себя Люси. Ведь это действительно был тихий, залитый солнцем коридор, может быть, даже чересчур тихий. Он был бы гораздо приятнее, если бы не странные пурпурные знаки на дверях – какие-то сложные, переплетенные значки, которые явно имели какой-то смысл и, возможно, означали что-нибудь не очень приятное. Коридор был бы еще лучше, если бы не висящие на стенах маски. Не то, чтобы они были сильно безобразными, но пустые глазницы выглядели страшно, и, если не держать себя в руках, можно было бы легко вообразить, что, как только вы поворачиваетесь к ним спиной, маски тут же начинают заниматься каким-то своим делом.

Где-то за шестой дверью Люси в первый раз сильно испугалась. На мгновение она была почти уверена, что небольшое злое бородатое лицо выскочило из стены и состроило ей гримасу. Она заставила себя остановиться и посмотреть на него. Но это оказалось вовсе не лицо. Это было маленькое овальное зеркало величиной с ее собственное личико. Сверху зеркала были приделаны волосы, снизу свисала борода, так что, когда вы смотрелись в него, волосы и борода обрамляли ваше собственное лицо, и выглядело это так, будто вам они и принадлежат.

– Я просто краем глаза заметила, проходя мимо, свое собственное отражение, – сказала себе Люси. – Вот и все. Это совершенно безвредно.

Однако, вид ее лица, в обрамлении этой бороды и волос, ей не понравился, и она пошла дальше. Я не знаю, для чего было нужно это Бородатое Зеркало, поскольку я не чародей.

Прежде, чем Люси добралась до последней двери, она уже стала было удивляться, не удлинился ли коридор с того времени, как она отправилась в путь, и не является ли это частью колдовства дома чародея. Однако, в конце концов она дошла до своей цели. А дверь была открыта.

За ней находилась большая комната с тремя высокими окнами, заставленная книгами с полу до потолка, там было больше книг, чем Люси видела за всю свою жизнь. Там были и крохотные книжечки, и невысокие толстые книги, и фолианты, больше, чем любая церковная Библия. Их кожаные переплеты пахли временем, наукой и волшебством. Однако, из инструкций, которые Люси получила внизу, она знала, что по поводу этих книг ей не нужно ломать голову. Ибо та самая Книга, Волшебная Книга, лежала на пюпитре в самом центре комнаты. Люси поняла, что ей придется читать стоя, да и, в любом случае, там не было стульев. Кроме того, ей придется стоять спиной к двери, пока она будет читать. Осознав это, она сразу же повернулась, чтобы закрыть дверь.

Дверь не желала закрываться.

Кое-кто может не согласиться с Люси в этом отношении, но я считаю, что она была совершенно права. Она рассказывала, что ничего не имела бы против, если бы смогла закрыть дверь, но стоять в таком месте с открытой дверью прямо у тебя за спиной – достаточно неприятно. Я бы себя чувствовал точно так же на ее месте. Однако, тут ничего не поделаешь. Еще ее довольно сильно беспокоила величина Книги. Главный Голос ничего не смог ей подсказать относительно того, где именно в Книге находилось заклинание, которое сделает всех видимыми. Казалось, он даже был несколько удивлен ее вопросом. Он полагал, что она начнет с самого начала и будет читать до тех пор, пока не найдет нужное заклинание: совершенно очевидно, он никогда не подозревал, что может существовать другой способ отыскать в книге интересное место.

– Но это же может занять у меня дни и даже недели! – воскликнула Люси, глядя на огром-

ный том, – а мне и так уже кажется, что я провела здесь много часов.

Она подошла к пюпитру и положила руку на книгу. Когда она прикоснулась к ней, пальцы стало покалывать, как будто книга была полна электрических зарядов. Люси попыталась открыть ее, но сначала не смогла это сделать, однако, только из-за того, что переплет скрепляли две свинцовые пряжки. Когда Люси растянула их, открыла книгу довольно просто. И что это была за книга!

Во-первых, она была написана от руки, а не напечатана. Почерк писавшего был четким и ровным. Очень большие буквы с толстыми хвостиками и тонкими палочками казались более простыми, чем печатные. Все это было так красиво, что Люси почти целую минуту глядела на ее страницы, совершенно забыв о своей цели. Бумага была хрустящей и гладкой, от нее исходил приятный аромат, на полях и в начале каждого заклинания вокруг больших заглавных букв были цветные картинки.

Во-вторых, в книге не было титульного листа или названия. С первой страницы начинались заклинания. Вначале в них не было ничего особенно важного. Там описывалось, как излечиться от бородавок, вымыв руки в лунном свете в серебряном тазике, от зубной боли и колик, как спастись от укусов целого роя пчел. Изображение человека с зубной болью было так реалистично, что, если бы вы долго глядели на него, у вас тоже заболели бы зубы, а золотые пчелки, которыми было испещрено четвертое заклинание, на мгновение показались Люси действительно живыми и летящими на нее.

Люси с трудом смогла оторваться от первой страницы, но перевернув ее, обнаружила, что следующая еще интереснее.

– Однако, я должна читать дальше, – сказала она себе.

И она прочла еще тридцать страниц, которые, если бы она смогла их запомнить, научили бы ее, как найти спрятанные сокровища, как вспомнить забытое, как забыть то, что хочешь забыть, как распознать, правду ли говорит собеседник, как вызвать или предотвратить ветер, туман, снег, мокрый дождь со снегом, просто дождь, как погрузить в очарованный сон и как превратить человека в существо с ослиной головой, что и произошло с бедным ткачом Основой. И чем дальше она читала, тем чудеснее становились оживающие картинки.

Затем она добралась до страницы, где текст был почти незаметен среди картинок. Почти... но первые слова Люси все-таки заметила. Они гласили: «Безотказное заклинание, которое сделает ту, кто произнесет его, прекраснее всех смертных». Люси, низко склонившись над страницей, принялась рассматривать картинки и, хотя вначале они ей показались очень пестрыми и беспорядочными, выяснилось, что теперь она может без труда их разглядеть. На первой из них была нарисована девочка, стоящая у пюпитра и читающая огромную книгу. Девочка была одета в точности, как Люси. На следующей картинке Люси, ибо девочка оказалась именно ею, стоя с открытым ртом, что-то пела и декламировала с отрешенным выражением на лице. На третьей картинке она стала прекраснее всех смертных. Учитывая то, какими маленькими казались картинки вначале, странно было, что эта Люси выглядела теперь такой большой, как и настоящая. Они посмотрели друг другу в глаза, и настоящая Люси отвернулась на несколько секунд, ослепленная красотой второй Люси, однако, она все же заметила какое-то сходство с собой в этом прекрасном лице. А затем картинки разом нахлынули на нее, быстро сменяя друг друга. Она увидела себя на турнире в Калормэне на высоком троне, и короли всего мира сражались за ее красоту. После этого они перешли от турнира к настоящим войнам, и все земли – Нарнию и Аркенлэнд, Тельмар и Калормэн, Галму и Тарабинтию – опустошила ярость королей, герцогов и великих лордов, боровшихся за ее благосклонность. Затем изображение изменилось, и Люси, все еще прекраснее всех смертных, снова очутилась в Англии, а Сьюзен, всегда считавшаяся в семье самой хорошенькой, возвратилась из Америки. Сьюзен на картинке выглядела в точности, как настоящая Сьюзен, только не красивее, и с противным выражением на лице. И она завидовала ослепляющей красоте Люси, но это не имело никакого значения, потому что теперь Сьюзен никого не интересовала.

– Я прочитаю это заклинание, – воскликнула Люси. – Мне все равно. Я это сделаю.

Она сказала «все равно», потому что ее не покидало ощущение, что она не должна этого делать.

Но когда она снова посмотрела на начальные слова заклинания, то в середине текста, там, где, как она была совершенно уверена, раньше не было никакого рисунка, теперь она увидела большую львиную морду, морду Льва, самого Аслана, который пристально смотрел прямо на нее.

Он был нарисован так ярко, что, казалось, он сейчас выйдет к ней из страницы. И впрямь, потом она не могла бы поклясться, что он не пошевелился. В любом случае, она очень хорошо знала выражение его морды. Он грозно рычал, обнажив клыки. Люси ужасно испугалась и тут же перевернула страницу.

Немного позже она наткнулась на заклинание, которое позволяло узнать, что думают о тебе твои друзья. Люси ужасно хотелось прочитать предыдущее заклинание, то, которое делало прекраснее всех смертных. Так что она решила, что уж это-то заклинание она прочитает, хотя бы в качестве компенсации за предыдущее. И, в спешке, боясь, как бы не передумать, она произнесла его (ничто не заставит меня сказать, какие именно это были слова). Затем она стала ждать, когда что-нибудь произойдет.

Так как ничего не происходило, она стала разглядывать картинки. И внезапно увидела то, что меньше всего ожидала увидеть – изображение вагона третьего класса, в котором сидели две школьницы. Она сразу же из узнала – это были Марджори Престон и Анна Фэзерстоун. Только теперь рисунок ожил. Люси могла видеть телеграфные столбы, мелькающие за окном вагона, слышать смех и разговор двух девочек. Затем, постепенно, как будто по радио, которое еще не до конца включилось, она смогла разобрать, о чем они говорят.

– Я хоть смогу с тобой видиться в этой четверти, – спросила Анна, – или ты по-прежнему собираешься проводить все время с Люси Пэвенси?

– Ну, не знаю уж, что ты подразумеваешь под «проводить все время», – ответила Марджори.

– Да, все ты прекрасно знаешь, – сказала Анна. – В прошлой четверти ты ею просто бредила.

– Нет, не бредила, – возразила Марджори. – У меня достаточно здравого смысла, чтобы этого не делать. Она по-своему неплохая маленькая девочка. Однако, я еще задолго до окончания четверти здорово устала от нее.

– Ну, уж в следующей-то четверти у тебя не будет такой возможности! – закричала Люси. – Двумичное маленькое животное!

Но звук ее собственного голоса тут же напомнил ей, что обращалась она к картинке, а настоящая Марджори находилась очень далеко, в другом мире.

– Ну, – сказала себе Люси, – я о ней лучше думала. В прошлой четверти я все для нее делала и поддерживала ее тогда, когда мало кто из девочек стал бы это делать. И она это тоже знает, но все равно говорит так, да еще кому? Анне Фэзерстоун! Интересно, все ли мои друзья такие же? Тут еще много других картинок. Нет. Не буду я их больше разглядывать. Не буду, не буду, – и с большим усилием Люси перевернула страницу, но прежде все-таки уронила на нее большую сердитую слезу.

На следующей странице она наткнулась на заклинание «для освежения духа». Здесь картинок было меньше, зато они были очень красивые. Люси обнаружила, что все это больше смахивало на рассказ, чем на заклинание. Он продолжался на протяжении трех страниц, и, прежде чем Люси дочитала первую из них до конца, она забыла, что просто читает. Она жила в этом рассказе, как будто все происходило на самом деле, и все картинки были тоже настоящими. Когда она добралась до третьей страницы и дочитала ее до конца, она сказала:

– Это самая лучшая история, которую мне доводилось когда-либо читать. О, как бы я хотела все читать и читать ее десятилетиями. Ну, по крайней мере, я сейчас прочитаю ее снова.

Но тут начало действовать волшебство Книги. Повернуть назад было невозможно. Правые страницы, те, что впереди, можно было пролистать, левые же – нет.

– О, какая жалость! – воскликнула Люси. – Я так хотела снова ее прочесть. Ну, по крайней мере, я должна ее вспомнить. Подождите-ка... это был рассказ о... о... ну вот, я опять все забыла. И даже последняя страница исчезает. Действительно, это очень странная книга. Но как же я могла все позабыть? Там шла речь о кубке, о мече, дереве и зеленом холме, это я еще помню. Но я не могу вспомнить все остальное, и что же мне теперь делать?

– И она никогда не смогла вспомнить. И с того самого дня, говоря «хороший рассказ» Люси всегда подразумевает тот, который напоминает ей забытую историю из книги Чародея.

Она перевернула лист и обнаружила, к своему удивлению, страницу, где вовсе не было картинок, но первые слова гласили: «Заклинание для того, чтобы сделать спрятанные вещи видимыми». Она вначале прочитала его про себя, чтобы не запинаться во всяких трудных словах, а затем произнесла вслух. И она сразу поняла, что оно подействовало, потому что, пока она говорила, заглавные буквы страницы обрели цвет, а на полях стали появляться картинки. Это было похоже на

то, как постепенно появляются буквы, когда вы подносите к огню что-нибудь, написанное невидимыми чернилами; только здесь все стало не тусклым, как от лимонного сока, это самые простые невидимые чернила, а золотым, синим и пурпурным. Это были странные картинки; на них было изображено много фигур, вид которых не очень-то понравился Люси. И тут она подумала:

– Подозреваю, что я сделала видимым вообще все, а не только Топотунов. В таком месте, как это, могло болтаться много всяких невидимых существ. Я не уверена, что хочу встретиться со всеми.

Тут она услышала позади мягкие, тяжелые шаги, приближающиеся по коридору, и, конечно же, вспомнила все, что ей рассказывали о том, как Чародей ходит босиком и шуму от него не больше, чем от кошки. Всегда неприятно, если что-то подкрадывается к тебе за спиной. Люси повернулась к двери.

И тут лицо ее засветилось, и на мгновение, но, конечно, сама она этого не знала, она стала почти такой же прекрасной, как та, другая Люси на картинке. Вскрикнув от радости, она кинулась вперед с распростертыми объятиями. Ибо на пороге стоял сам Аслан, Лев, Светлейший из всех Светлейших Королей. И он был настоящим, плотным и теплым, и позволил ей поцеловать себя и зарыться лицом в сверкающую гриву. А по низким, утробным звукам, доносившимся до нее, Люси даже осмелилась предположить, что он мурлычет.

– О, Аслан, – воскликнула она, – как хорошо, что ты пришел!

– Я был здесь все время, – ответил он, – просто ты только что сделала меня видимым.

– Аслан! – вскричала Люси чуть ли не с упреком в голосе, – Не смейся надо мной! Как будто я могла заставить тебя стать видимым!

– И все-таки заставила, – ответил Аслан. – Как ты думаешь, неужели я не подчиняюсь своим же собственным правилам?

После короткого молчания он снова заговорил.

– Дитя мое, – сказал он, – мне кажется, что ты подслушивала.

– Подслушивала?

– Ты слушала разговор о тебе двух твоих школьных подруг.

– Ах, это? Я совершенно не думала, что подслушивала, Аслан. Разве это не волшебство?

– Подглядывать за людьми с помощью волшебства – это в точности то же самое, что и подглядывать за ними любым другим способом. И ты неверно осудила свою подругу. Она слабая, но любит тебя. Она побоялась старшей девочки и сказала не то, что думала.

– Я не думаю, что смогу когда-нибудь забыть слова, которые услышала из ее уст.

– Нет, ты их не забудешь.

– Боже мой! – воскликнула Люси. – Неужели я все испортила? Ты хочешь сказать, что, если бы не это, мы по-прежнему остались бы друзьями? А мы ведь действительно крепко дружили, может быть, на всю жизнь, и теперь этого больше не будет.

– Дитя мое, – сказал Аслан, – разве я уже однажды не объяснял тебе, что никто никогда не знает, что могло бы произойти?

– Да, Аслан, ты говорил, – ответила Люси. – Прости меня. Но, пожалуйста, скажи...

– Продолжай, дорогая моя.

– Смогу ли я когда-нибудь снова прочесть эту историю: ту, которую я не могу вспомнить? Ты мне расскажешь ее, Аслан? О, пожалуйста, прошу тебя.

– Да, конечно, я буду тебе рассказывать ее в течение многих лет. А теперь пойдем. Мы должны познакомиться с хозяином этого дома.

11. ОСЧАСТЛИВЛЕННЫЕ ДАФФЛПАДЫ

Люси последовала в коридор за великим Львом и почти сразу же увидела направляющегося к ним старика в красном одеянии, босого. Его белые волосы были увенчаны гирляндой из дубовых листьев, длинная борода спускалась до пояса. Старик опирался на искусно вырезанный посох. Увидев Аслана, он низко поклонился и промолвил:

– Добро пожаловать, Сир, в самый недостойный из Ваших домов.

– Не устал ли ты, Корайэкин, править такими глупыми подданными, каких я дал тебе здесь?

– Нет, – ответил Чародей, – они, конечно, очень глупы, но в них нет настоящего зла. Эти существа начинают даже нравиться мне. Возможно, я не всегда терпелив с ними, но это оттого, что я

жду не дождусь дня, когда ими можно будет управлять с помощью мудрости, а не с помощью этого грубого волшебства.

– Все в свое время, Корайэкин, – сказал Аслан.

– Да, Сир, каждому овощу – свое время, – был ответ. – Намерены ли Вы показаться им?

– О, нет, – ответил Лев, тихонько зарывчав, что, как подумала Люси, означало примерно тоже самое, что смешок у людей. – Да они насмерть перепугались бы, увидев меня. Много звезд состарится и спустится отдохнуть на острова, прежде чем твой народец будет готов к такой встрече. А сегодня до заката я еще должен посетить Гнома Трампкина. Он сидит в замке Кер Перавел и считает дни, остающиеся до возвращения своего господина Каспиана. Я расскажу ему обо всех ваших приключениях, Люси. Не печалься так. Мы скоро встретимся снова.

– Аслан, пожалуйста, скажи, – попросила Люси, – что ты называешь «скоро»?

– Для меня «скоро» может наступить когда угодно, – ответил Аслан и вдруг исчез, и Люси осталась одна с Чародеем.

– Исчез! – воскликнул тот, – а мы с тобой упали духом. Вот всегда так, его невозможно удержать: он совершенно не похож повадками на ручного льва. А как тебе понравилась моя книга?

– Отдельные места очень понравились, – ответила Люси. – А вы все это время знали, что я здесь?

– Ну, конечно, когда я позволил Дафферам сделаться невидимыми, я уже знал, что когда –нибудь ты приедешь, чтобы расколдовать их. Однако, когда именно, я точно не знал. А как раз этим утром я особенно-то и не следил: понимаешь, меня они тоже сделали невидимым, а в невидимом состоянии мне всегда очень хочется спать. Эге, вот я и опять зеваю. Ты голодна?

– Ну, может быть, чуть-чуть, – ответила Люси. – Понятия не имею, сколько сейчас времени.

– Пойдем, – сказал Чародей. – Для Аслана «скоро» может быть, когда угодно, но в моем доме, если человек голоден, когда угодно бывает час дня.

Он провел ее немного дальше по коридору и открыл дверь. Войдя, Люси оказалась в приятной комнатке, уставленной цветами и залитой солнечным светом. Когда они вошли, стол был пуст, но, конечно же, это был волшебный стол, и по слову старика тут же появилась скатерть, а на ней – серебряные приборы, тарелки, стаканы и еда.

– Надеюсь, это тебе понравится, – сказал он. – Я постараюсь угостить тебя тем, что больше походит на кушанья твоей родной страны, чем то, что ты ела в последнее время.

– Это восхитительно! – воскликнула Люси, – и это действительно было восхитительно: ужасно горячий омлет и холодная баранина с зеленым горошком, земляничное мороженое, лимонный сок, чтобы запивать все это, а на десерт – чашка шоколада. Сам чародей, однако, пил только вино и ел только хлеб. В нем не было ничего страшного, и вскоре они с Люси болтали, как закадычные друзья.

– Когда подействует заклинание, – спросила Люси, – Дафферы сразу же снова станут видимыми?

– О, да, они сейчас уже видимы. Но они, наверное, еще все спят: они всегда отдыхают в середине дня.

– И теперь, когда они стали видимыми, вы позволите им перестать быть безобразными? Вы сделаете их такими, как раньше?

– Ну, это довольно деликатный вопрос, – ответил Чародей. – Понимаешь ли, это только они считают, что раньше на них было так приятно смотреть. Они говорят, что их обезобразили, но я бы так не сказал. Большинство людей сказала бы, что они изменились в лучшую сторону.

– Они что, ужасно тщеславны?

– Да, по крайней мере, Главный Даффер таков, и он заразил этим всех остальных. Они всегда верят каждому его слову.

– Это мы заметили, – сказала Люси.

– Да, в некотором роде, нам всем без него было бы лучше. Конечно, я мог бы превратить его во что-нибудь еще или даже наложить на него заклятье, при котором они не верили бы ни единому его слову. Но я не хочу это делать. Пусть лучше восхищаются им, чем вообще никем.

– А разве они не восхищаются Вами? – спросила Люси.

– О, нет, только не мной, – ответил Чародей. – Мной они не станут восхищаться.

– Почему Вы их обезобразили – я имею в виду, что они под этим подразумевают?

– Ну, они не делали того, что им было приказано. Их задачей было следить за садом и выращивать овощи – не для меня, как они воображают, а для них самих. Если бы я их не заставлял, они бы вообще не стали этого делать. Ну, а для сада, конечно же, нужна вода. На холме, примерно в половине мили отсюда, есть прекрасный источник, из него выбегает ручей и течет рядом с садом. Единственное, что я просил их сделать – это брать воду прямо из ручейка, вместо того, чтобы таскаться с ведрами к источнику по два-три раза в день, ужасно уставая и, кроме того, половину разливая на обратном пути. Но они не желали этого понять. В конце концов они попросту наотрез отказались работать.

– Они настолько глупы? – спросила Люси.

Чародей вздохнул.

– Ты не поверишь, сколько у меня с ними проблем. Несколько месяцев тому назад они все собирались мыть ножи и тарелки перед обедом: они говорили, что таким образом потом сэкономят время. Затем я их поймал на том, что они сажали вареную картошку, чтобы, вырывая ее, не тратить времени на варку. Однажды в маслобойню залез кот: не меньше двадцати Дафферов занялись переноской масла и молока в другое место – выгнать кота никто не догадался. Но, я вижу, ты уже покушала. Пойдем, посмотрим на Дафферов, раз уж они теперь видимы.

Они перешли в другую комнату, заполненную различными непонятными инструментами: такими, как астролябии, модели планетных систем, хроноскопы, поэзиметры, хориямбусы и теодолинды и тут, когда они подошли к окну, Чародей сказал:

– Вон они, вон твои Дафферы.

– Я никого не вижу, – удивилась Люси. – А что это там за грибы?

Коротко подстриженная трава была усеяна странными предметами, на которые она указывала. Они и впрямь очень походили на грибы, но были слишком уж велики – ножка высотой почти с три фута и шляпка примерно такого же диаметра. Когда Люси присмотрелась повнимательнее, она также заметила, что ножка росла не из середины шляпки, а сбоку, что придавало им какой-то неуравновешенный вид. И еще что-то – вроде небольшого свертка лежало на траве у каждой ножки. Чем дольше Люси смотрела на них, тем менее похожими на грибы казались ей эти предметы. На самом деле шляпка вовсе не была такой уж круглой, как показалось Люси вначале. Она скорее была удлиненной, и расширялась к одному концу. Этих странных предметов на траве было много, больше пятидесяти.

Часы пробили три.

Тут же случилось нечто совершенно невероятное. Каждый «гриб» внезапно перевернулся вниз шляпкой. Маленькие свертки, лежавшие внизу, у ножки, оказались головами и туловищами. Сами ножки действительно были ногами. Но на каждое туловище приходилось не две ноги. Из середины каждого туловища, а не сбоку, как у одноногого человека, росла единственная толстая нога, а на конце ее – единственная огромная ступня с широкими, слегка загнутыми вверх пальцами, так что ступня довольно сильно смахивала на маленькое каное. В ту же секунду Люси поняла, почему они были похожи на грибы. Каждый из них лежал на спине, подняв вверх свою единственную ногу и вытянув над собой свою огромную ступню. Впоследствии Люси узнала, что они всегда так отдыхали: ступня защищала их от солнца, и от дождя. Для Монопода лежать под своей собственной ступней – все равно, что находиться в палатке.

– О какие они забавные, какие смешные, – расхохоталась Люси. – Это Вы сделали их такими?

– Да, да, я превратил Дафферов в Моноподов, – ответил Чародей. Он тоже смеялся до слез. – Но смотри дальше, – добавил он.

А зрелище стоило того. Конечно, эти маленькие человечки не могли ходить или бегать, как мы. Они передвигались прыжками, как блохи или лягушки. И что за прыжки это были! Как будто каждая большая ступня была сделана из пружин. И с какой силой они приземлялись: именно это и производило тот топот, что накануне так озадачил Люси. Теперь они скакали во все стороны и кричали друг другу:

– Эй, ребята! Мы снова видимы.

– Да, мы видимы, – произнес некто в красном колпаке с кисточкой, очевидно, Главный Монопод. – И, как я говорю, когда мы видимы, мы можем видеть друг друга.

– Да, именно так, именно так, Главный, – закричали все остальные. – В этом-то вся суть. Ни у кого нет такой ясной головы, как у тебя. Проще ты бы не мог это сформулировать.

– Эта малышка, она явно застала старика дремлющим, – сказал Главный Монопод. – На этот раз мы обхитрили его.

– Именно это мы и сами собирались сказать, – подхватил хор. – Ты сегодня еще правее, чем обычно, Главный. Так и продолжай, так и продолжай.

– Но как они смеют так отзываться о Вас? – спросила Люси. – Не далее чем вчера они, казалось, так Вас боялись. Разве они не знают, что Вы можете их услышать?

– Вот это одна из самых забавных черт Дафферов, – ответил Чародей. – Иногда они могут представлять дело так, будто я всем командую, все слышу и исключительно опасен, а в следующий момент они думают, что могут меня обмануть такими уловками, которые и младенец-то разгадает. Благослови их, Господь!

– Нужно ли превращать их обратно в их прежнюю форму? – спросила Люси.

– О, я надеюсь, что оставить их такими, какие они сейчас, не будет слишком жестоко. Неужели им это действительно так не нравится? Они кажутся вполне счастливыми. Вы только взгляните на этот прыжок. А на что они походили раньше?

– Обычные маленькие гномы, – ответил Чародей. – Совершенно не такие симпатичные, как та разновидность, что у вас в Нарнии.

– Очень жалко будет, если придется снова превратить их, – сказала Люси. – Они такие смешные и даже довольно милые. Как Вы думаете, если я им скажу об этом, это будет иметь какое-нибудь значение?

– Я уверен, что будет, если ты сможешь вбить это в их головы.

– А Вы не пойдете со мной, чтобы попытаться это сделать?

– Нет, нет. Без меня у тебя гораздо лучше получится.

– Большое спасибо за завтрак, – сказала Люси и побежала прочь.

Она быстро сбежала по лестнице, по которой этим утром всходила с таким испугом, и прямо внизу налетела на Эдмунда. Все остальные ждали вместе с ним, и Люси почувствовала угрызения совести, увидев их взволнованные лица и осознав, как надолго она о них позабыла.

– Все в порядке! – крикнула она. – Все в полном порядке! Чародей – молодчина, и я видела его – Аслана...

После этого она унеслась от них со скоростью ветра и выбежала в сад. Там дрожала земля и звенел воздух от прыжков и криков Моноподов. Как только они заметили ее, их старания удвоились.

– Вот она, вот она! – закричали они. – Трижды «ура» в честь малышки! Ах! она должным образом, основательно разобралась со старым джентльменом.

– И мы очень сожалеем, – сказал Главный Монопод, – что не можем доставить Вам удовольствия увидеть нас такими, какими мы были до того, как нас обезобразили, потому что Вы бы просто не поверили, насколько велика разница, и это чистая правда, потому что невозможно отрицать, что мы сейчас жуткие уроды, так что мы и не будем Вас обманывать.

– Эх, Главный, мы именно такие и есть, именно такие, – раздались эхом другие голоса, причем все их обладатели подпрыгивали, как детские мячики.

– Ты верно сказал, ты верно сказал.

– Но я вовсе не считаю вас уродами, – попыталась перекричать их Люси.

– Мне кажется, вы очень симпатичные.

– Слушайте, слушайте! – воскликнули Моноподы. – Вы правы, Мисси. Мы очень симпатично выглядим. Трудно найти больших красавцев.

Они сказали это без всякого удивления, очевидно, не заметив, что переменили свое мнение на противоположное.

– Она говорит, – заметил Главный, – о том, какими мы были симпатичными до того, как нас обезобразили.

– Ты прав, Главный, ты прав, – подхватили остальные. – Именно об этом она и говорит. Мы сами слышали.

– Да, не об этом! – закричала Люси. – Я сказала, что вы теперь очень симпатичные.

– Именно так, именно так, – заявил Главный Монопод, – она сказала, что мы раньше были очень симпатичные.

– Слушайте, слушайте их обоих, – сказали Моноподы. – Вот это пара. Всегда правы. Лучше они не могли бы все сформулировать.

– Но мы же говорим совершенно противоположные вещи! – воскликнула Люси, топая ногой от нетерпения.

– Именно так, совершенно верно, именно так, – откликнулись Моноподы.

– Ничего нет лучше противоположностей. Так и продолжайте оба.

– Да вы кого угодно сведете с ума, – сказала Люси, сдавшись.

Однако Моноподы казались совершенно удовлетворенными, и она решила! что в целом беседа удалась.

Прежде чем этим вечером все отправились спать, случилось еще кое-что, отчего Дафферы стали еще больше довольны своим одноногим состоянием. Каспиан и все Нарнианцы, как можно скорее, отправились обратно на берег, чтобы сообщить новости Ринсу и всем остальным, находившимся на борту «Рассветного Путника» и к этому времени уже довольно сильно беспокоившимся о них. И, конечно же, Моноподы отправились с ними, прыгая, как футбольные мячики, и громко соглашаясь друг с другом до тех пор, пока Юстас не сказал:

– Хотел бы я, чтобы Чародей сделал их невидимыми, а неслышимыми.

О н вскоре пожалел о своих словах, потому что ему тут же пришлось объяснять, что неслышимый – это тот, кого невозможно услышать, и, хотя он очень старался, он так до конца и не был уверен, что Моноподы действительно поняли его. А что ему больше всего не нравилось, так это то, что в конце концов они заявили:

– Э, да он не умеет формулировать мысли так, как наш Главный. Но Вы научитесь, молодой человек. Прислушивайтесь к нему. Он Вам покажет, как нужно говорить. Уж он-то настоящий оратор!

Когда они добрались до залива, у Рипичипа возникла блестящая идея. Он попросил спустить на воду свою маленькую плетеную лодочку и плескался в ней до тех пор, пока Моноподы не заинтересовались достаточно основательно. Тогда он встал в лодочке и сказал:

– Почтеннейшие и разумнейшие Моноподы, вам не нужны лодки. Каждый из вас может использовать ногу для этой цели. Попробуйте просто прыгнуть так легко, как только сможете, на воду, и вы увидите, что произойдет.

Главный Монопод отошел назад, предупреждая остальных, что вода довольно-таки мокрая, но двое или трое из молодежи все-таки рискнули; затем еще некоторые последовали их примеру, и в конце концов все сделали тоже самое. Дело пошло. Единственная огромная ступня Монопода выступала в качестве естественного плота или лодки, и, когда Рипичип научил их вырезать для себя грубые весла, они стали грести по всему заливику вокруг «Рассветного Путника» и выглядели при этом совершенно, как флотилия маленьких каноэ, на корме каждого из которых стоит по толстому гному. Моноподы в конце концов даже устроили гонки, а с корабля им спустили бутылки вина вместо призов, и все моряки перегнулись через борт и смеялись до упаду.

Еще Дафферам очень понравилось их новое имя – Моноподы – оно казалось им просто великолепным именем, хотя они ни разу не смогли произнести его правильно.

– Именно такие мы и есть, – оглушающе кричали они. – Монипады, Помоноды, Поддимоны. У нас и у самих точно такое же название вертелось на кончике языка.

Но скоро они перепутали его со своим старым именем – Дафферы – и в конце концов остановились на том, чтобы называть себя Даффлпадами. И вполне возможно, что именно это имя и закрепилось за ними на века.

Этим вечером все Нарнианцы ужинали в доме Чародея, и Люси заметила, несколько по-другому выглядел весь верхний этаж теперь, когда она уже не боялась его. Таинственные знаки на дверях по-прежнему оставались таинственными, но теперь они выглядели так, как будто у них был добрый и радостный смысл, и даже бородастое зеркало казалось скорее забавным, чем страшным. За обедом, как по волшебству, каждый получил то, что он больше всего любил есть и пить. А после обеда Чародей показал им очень полезное и красивое колдовство. Он разложил на столе два чистых листа пергамента и попросил Дриниэна в точности описать, как до сих пор протекало их путешествие, и по мере того, как Дриниэн говорил, все что он описывал, появлялось на пергаменте в виде тонких ясных линий, пока в конце концов каждый лист не стал великолепной картиной Восточного Океана, на которую были нанесены Галма, Тарабинтия, Семь Островов, Одинокие Острова, Остров Дракона, Сожженный Остров, Остров Мертвой Воды и сама Земля Дафферов – все в точном масштабе и на своих местах. Это были первые карты этих морей, и они отличались лучшим качеством, чем те, которые были сделаны потом, без помощи Волшебства. На первый

взгляд города и горы на этих картах выглядели совершенно также, как и на обычных, но, когда Чародей одолжил им лупу, они увидели, что это были поразительные по точности, только уменьшенные, изображения реальных предметов. На них можно было видеть и замок, и рынок рабов, и улицы в Нерроухэвене – все очень четко, хотя и очень далеко, как выглядит весь мир, если смотреть на него в подзорную трубу с обратной стороны. Единственным недостатком было то, что береговая линия большей части островов была неполной, так как карта показывала только те места, которые Дриниэн видел собственными глазами. Когда они закончили, Чародей оставил один экземпляр себе, а другой подарил Каспиану. Карта до сих пор висит в его Палате Измерений в Кер Перавел. Однако, Чародей ничего не смог рассказать о морях или землях дальше на восток. Зато он поведал, им что семь лет тому назад Нарнианский корабль вошел в его воды, и на борту были лорды Ревилиен, Аргоз, Мавраморн и Руп. Поэтому они решили, что золотая статуя, которую видели лежащей в Мертвой Воде – это, должно быть, несчастный лорд Рестимар.

На следующий день Чародей с помощью волшебства починил корму «Рассветного Путника» в том месте, где ее повредил Морской Змей, и нагрузил корабль дарами, весьма полезными. Расставались они самым дружеским образом, и, когда, в два часа пополудни, корабль отплыл, все Даффлпады гребли за ним до выхода из гавани и кричали «ура» до тех пор, пока их могли слышать.

12. ОСТРОВ ТЬМЫ

После этого приключения «Рассветный Путник» в течение двенадцати дней плыл на юго-восток, подгоняемый легким ветром. Небо было ясным, а воздух – теплым. Они не видели ни рыбы, ни птицы, и лишь однажды вдалеке по правому борту появились фонтанчики китов. Все это время Люси и Рипичип довольно часто играли в шахматы. Затем, на тринадцатый день, с верхушки мачты Эдмунд заметил по левому борту что-то, поднимавшееся из моря, как огромная темная гора.

Они изменили курс и направились к этому острову на веслах, ибо ветер не пожелал гнать их корабль на северо-восток. Когда наступил вечер, они были все еще далеко от суши, и им пришлось грести всю ночь. На следующее утро погода была ясной, но стоял полный штиль. Впереди был темный массив. Теперь он казался гораздо больше и ближе, но был виден все еще не ясно, так что одни думали, что корабль еще далеко от него, а другие решили, что они плывут прямо в туман.

Внезапно, в девять утра, они оказались так близко от цели, что смогли наконец разглядеть ее: это было вовсе не землей и даже не туманом, в обычном смысле этого слова. Это была Тьма. Довольно трудно ее описать, но вы сможете представить себе, на что это было похоже, если вообразите, что смотрите в железнодорожный туннель – настолько длинный или извилистый, что в другом его конце не видно света. А на что это похоже, вы, должно быть, уже знаете. На расстоянии нескольких футов в свете дня видны рельсы, шпалы и гравий; затем они оказываются как бы в сумерках; а затем, внезапно, хотя, конечно, там нет четкой разделяющей линии, они полностью пропадают во тьме, плотной и ровной. Тут все выглядело точно так же. На расстоянии нескольких футов от носа корабля они еще могли видеть рябь на сине-зеленой воде. Далее вода выглядела бледной и серой, как поздним вечером. А еще дальше была полная чернота, как будто они подошли к самому краю безлунной и беззвездной ночи.

Каспиан крикнул боцману остановить корабль и все, кроме гребцов, ринулись на нос, всматриваясь во тьму. Однако, как бы они не всматривались, ничего не было видно. Позади них были море и солнце, впереди – Тьма.

– Стоит ли нам плыть туда? – В раздумьи спросил Каспиан.

– Я бы не советовал, – ответил ему Дриниэн.

– Капитан прав, – раздалось несколько голосов.

– Я почти согласен с ним, – заметил Эдмунд.

Люси и Юстас не сказали ничего, но в глубине души очень обрадовались повороту, который, похоже, принимали события. Но внезапно в тишине раздался чистый голосок Рипичипа.

– А почему не стоит? – спросил он. – Пусть кто-нибудь объяснит мне, почему?

Но давать объяснения никто не торопился, тогда Рипичип продолжил:

– Если бы я обращался к крестьянам или рабам, – заявил он, – я еще мог бы предположить, что такое предложение продиктовано трусостью. Однако, я надеюсь, в Нарнии никогда не смогут

сказать, что целый отряд благородных рыцарей королевской крови, в расцвете сил, бросился наутек, испугавшись темноты.

– Но какой смысл тащится сквозь эту черноту? – спросил Дриниэн.

– Смысл? – ответствовал ему Рипичип. – Смысл, Капитан? Ну, если под смыслом вы понимаете набить брюхо или кошелек, то я признаю, что в этом нет никакого смысла. Но, насколько мне известно, мы отправились в плавание в поисках доблестных приключений. И вот перед нами величайшее приключение из всех, о которых я когда-либо слышал, и, если мы теперь повернем назад, то этим нанесем немалый урон нашей чести.

Некоторые матросы пробурчали что-то весьма похожее на:

– К черту такую честь, – но Каспиан сказал:

– О, Рипичип, черт тебя побери! Я почти жалею, что мы не оставили тебя дома. Ладно! Если ты ставишь вопрос так, боюсь что нам придется плыть дальше. Разве вот только Люси станет возражать?

Люси чувствовала, что станет возражать очень сильно, но, тем не менее, вслух сказала:

– Я готова.

– Может быть, тогда, Ваше Величество, по крайней мере прикажет зажечь свет? – осведомился Дриниэн.

– Обязательно, – ответил Каспиан. – Позаботьтесь об этом, Капитан.

После этого зажгли все три корабельных фонаря: на носу, на корме и на вершине мачты. И Дриниэн приказал еще зажечь два факела посередине палубы. В солнечном свете огни казались слабыми и бледными. Затем всю команду, кроме матросов, сидевших на веслах, вызвали на палубу, раздали оружие и приказали занять боевые позиции с обнаженными мечами. Люси и двое лучников, держа наготове стрелы и натянув тетиву своих луков, уселись в гнездо на верхушке мачты.

Райнелф стоял на носу со своей веревкой, приготовившись мерить глубину. С ним, блистая доспехами, находились Рипичип, Эдмунд, Юстас и Каспиан. Дриниэн встал у руля.

– А теперь, во имя Аслана, вперед! – вскричал Каспиан. – Медленно, ровно опускайте весла. Пусть все соблюдают тишину и ожидают дальнейших приказов.

Гребцы взялись за дело, и «Рассветный Путник» со скрипом и стоном медленно пополз вперед. Люси, на верхушке мачты, имела прекрасную возможность наблюдать, как именно они вошли во тьму. Нос уже исчез, но на корму все еще падало солнце. Она видела, как солнечный свет померк. Сперва позолоченная корма, синее море и небо были отчетливо видны в ярком свете дня, но уже в следующую минуту море и небо исчезли, и лишь фонарь на корме, который раньше был едва заметен, теперь показывал, где заканчивается корабль. Под фонарем она могла разглядеть темные очертания фигуры Дриниэна, застывшего над рулем. Внизу, под мачтой, два факела освещали маленькие клочки палубы, отбрасывая слабые блики на мечи и шлемы. Впереди, на носу, был еще один островок света. Верхушка мачты, освещенная фонарем, прямо над головой Люси, казалась маленьким мирком, одиноко плывущим в непроглядной тьме. И сами огни казались зловещими и неестественными, как бывает всегда, когда приходится зажигать их днем. Люси заметила также, что ей очень холодно.

Как долго продолжалось это путешествие во тьме, никто не знал. Кроме скрипа уключин и всплесков воды под веслами, ничто не показывало, что они вообще движутся. Эдмунд, вглядываясь во тьму с носа корабля, не видел ничего, кроме отражения фонаря в воде. Это отражение казалось каким-то скользким: нос корабля, как будто с трудом рассекал воду, поднимая небольшую рябь, какую-то безжизненную. С течением времени все, кроме гребцов, начали дрожать от холода.

Внезапно откуда-то – к этому моменту большинство уже потеряло ориентацию – послышался крик, изданный либо нечеловеческим голосом, либо человеком, дошедшим до таких пределов ужаса, что он почти перестал быть человеком.

Каспиан пытался что-то сказать, горло у него пересохло, когда раздался тонкий голосок Рипичипа, в этой тишине звучавший громче, чем обычно.

– Кто зовет нас? – пропищал он. – Если ты враг, мы не боимся тебя, но если ты друг, твои враги научатся бояться нас.

– Сжальтесь! – прокричал голос. – Сжальтесь! Даже если вы всего лишь еще один сон, сжальтесь! Возьмите меня на борт! Только возьмите, даже если потом убьете меня! Но, ради всех святых, не растворяйтесь во мраке, не оставляйте меня в этой ужасной стране!

– Кто вы?! – крикнул Каспиан. – Поднимайтесь на борт, добро пожаловать к нам!

Раздался еще один крик, полный то ли радости, то ли ужаса, и они услышали, как кто-то плывет к ним.

– Ребята, помогите ему подняться, – попросил Каспиан.

– Есть, Ваше Величество, – откликнулись матросы. Несколько человек столпились с веревками у левого борта, а один, перегнувшись через борт, держал факел. Из темноты появилось дикое, бледное лицо, и незнакомец начал карабкаться на борт, ухватившись за протянутые веревки. Дружеские руки втащили его на палубу.

Эдмунд подумал, что никогда еще не видел человека, выглядящего так дико. Тот, похоже, был не очень стар, но беспорядочная копна его волос была совершенно белой, лицо – усталым и изможденным. Из одежды на нем остались лишь обрывки каких-то мокрых тряпок. Но самым заметным были глаза незнакомца, застывшие в агонии сильнейшего страха, открытые настолько широко, что, казалось, у него нет век. Как только ноги его коснулись палубы, он воскликнул:

– Бегите! Бегите! Поворачивайте корабль и бегите! Гребите изо всех сил ради спасения ваших жизней, прочь от этого проклятого берега!

– Успокойтесь, – сказал Рипичип, – и расскажите нам, в чем опасность. Мы не привыкли убегать.

Незнакомец с ужасом вздрогнул при звуке голоса Мыши, которую он не заметил раньше.

– И тем не менее, вы должны бежать отсюда, – задыхаясь, проговорил он. – Это остров, где сны становятся явью.

– Значит, этот остров я и ищу так давно, – обрадовался один из матросов. – Думаю, если здесь бросить якорь, я обнаружил бы, что женат на Нэнси.

– А я снова встретил бы Тома живым, – сказал другой.

– Идиоты! – воскликнул незнакомец, в ярости топая ногой. – Подобные разговоры привели меня сюда, но лучше бы мне было утонуть или вовсе не родиться. Вы слышите, что я говорю? Это остров, где сны – понимаете, сны – воплощаются, становятся явью. Не мечты, а сны.

Примерно с полминуты было тихо, а затем, громко лязгая доспехами, вся команда кинулась со всех ног по лесенке главного люка в трюм и, схватившись за весла, начала грести с невиданной ранее силой. Дриниэн поворачивал руль, боцман же задавал гребцам такой быстрый темп, какого еще никогда не видало море. Каждому потребовалось ровно эти полминуты, чтобы вспомнить некоторые сны, которые он когда-либо видел – сны, после которых боишься снова заснуть и осознать, что значит высадиться на острове, где эти сны становятся явью.

Одного Рипичипа не затронула вся эта суета.

– Ваше Величество, Ваше Величество! – воскликнул он, – неужели вы собираетесь терпеть этот бунт, эту трусость? Это же паника, мятеж!

– Гребите, гребите! – кричал Каспиан. – Налегайте на весла: наши жизни зависят от этого. Все ли в порядке с мачтой, Дриниэн? Рипичип, можешь говорить все, что угодно. Есть вещи, которые человек не в силах вынести.

– В таком случае, я счастлив, что не являюсь человеком, – ответил Рипичип, холодно поклонившись ему.

Люси, сидящая наверху, слышала все происходящее. Моментально ей вспомнился один из ее собственных снов, который она сильнее всего старалась забыть, и вспомнился так ясно, будто она только что пробудилась от него. Так вот что ожидало их позади, во тьме на острове! На секунду ей захотелось оказаться внизу на палубе, вместе с Эдмундом и Каспианом. Но что толку? Если бы сны начали сбываться, Эдмунд с Каспианом сами могли превратиться во что-нибудь ужасное, прежде чем она смогла бы добраться до них. Люси схватила за поручни мачтового гнезда и попыталась взять себя в руки. Они гребли назад, к свету, со всей скоростью, на которую были способны: через несколько секунд все будет в порядке. Ах, если бы все было в порядке уже сейчас!

Даже довольно сильный шум весел не мог скрыть полной тишины, окружавшей корабль. Каждый знал, что лучше не вслушиваться, не напрягать уши, чтобы не слышать звуки, доносящиеся из тьмы. Однако, мало кто смог удержаться от этого. Вскоре все начали что-то слышать, причем каждый слышал что-нибудь свое.

– Вы не слышите, вон там, шум... как будто пара гигантских ножниц открывается и захлопывается? – спросил Юстас у Райнелфа.

– Тише! – ответил Райнелф. – Я слышу, как они ползут по бокам корабля.

– Оно как раз собирается усесться на мачте, – проговорил Каспиан.

– Бррр! – воскликнул один из матросов. – Вон, начинают бить в гонги. Я так и знал.

Каспиан, стараясь ни на что не глядеть, и в особенности, не оборачиваться, отправился на корму к Дриниэну.

– Дриниэн, – очень тихо спросил он, – сколько времени нам потребовалось на то, чтобы догresti вперед – я имею в виду, до того места, где мы выбрали незнакомца?

– Ну, может, минут пять, – прошептал в ответ Дриниэн – А что?

– Мы уже дольше пытаемся выбраться отсюда.

Лежавшая на руле рука Дриниэна задрожала, холодный пот заструился по его лицу. Всем на борту пришла в голову одна и та же мысль.

– Мы никогда, никогда не выберемся отсюда, – застонали гребцы. – Он неправильно ведет корабль. Мы все время движемся по кругу. Мы никогда не выберемся отсюда.

Незнакомец, сжавшись в комок, лежал на палубе, но внезапно он сел и разразился ужасным истерическим хохотом.

– Никогда не выберемся! – завопил он. – Вот именно. Конечно. Мы никогда не выберемся отсюда. Каким же я был идиотом, когда подумал что они вот так просто меня отпустят. Нет, нет. Мы никогда отсюда не выберемся.

Люси прижалась головой к перилам и прошептала:

– Аслан, Аслан, если ты хоть когда-нибудь любил нас, помоги нам в эту минуту.

Темнота не начала рассеиваться, но она почувствовала себя немножко – самую чуточку, лучше.

– В конце концов, с нами еще пока ничего не случилось, – подумала она.

– Смотрите! – внезапно раздался с носа корабля хриплый голос Райнелфа. Впереди появилась маленькая светлая точка и, пока они смотрели на нее, широкий луч света упал на корабль. Он не рассеял окружающую тьму, но весь корабль как будто осветился прожектором. Каспиан заморгал, огляделся вокруг, но увидел лишь неподвижные лица своих товарищей. Взгляды всех были направлены в одну точку: за спиной у каждого пряталась его черная, изломанная тень.

Люси, глядя вдоль луча, вдруг что-то заметила в нем. Вначале оно выглядело, как крест, потом как аэроплан, затем стало похоже на воздушного змея, а затем, хлопая крыльями, оно оказалось прямо над ними и стало видно, что это альбатрос. Альбатрос три раза облетел вокруг мачты, а затем присел на мгновение на гребень позолоченной головы дракона на носу корабля. Сильным голосом он прокричал что-то, похожее на слова, но никто не смог понять их. После этого альбатрос раскинул крылья, поднялся в воздух и медленно полетел вперед, держа курс направо. Дриниэн направил корабль за ним, не сомневаясь в том, что это хороший проводник. Но никто, кроме Люси, не знал, что, когда альбатрос кружил вокруг мачты, он шепнул ей:

– Не бойся, дорогая моя, – и голос его, она была уверена, был голосом Аслана, и при этих словах благоуханный ветерок овеял ее лицо.

Через несколько секунд темнота впереди стала сереть, а затем, когда они уже почти осмелились надеяться, корабль ворвался прямо в потоки солнечного света, и они снова очутились в теплом, голубом мире. И вдруг все поняли, что бояться нечего, да и вообще не было причин для страха. Они заморгали и осмотрелись. Яркость самого корабля поразила их, они почти ожидали увидеть, что тьма, как какая-нибудь грязь или накипь, пристала к его белым, зеленым и золотым краскам. И тут вначале кто-то один, а за ним и все остальные, рассмеялись.

– Полагаю, что мы свалили большого дурака, – заметил Райнелф.

Люси, не теряя времени, спустилась на палубу, где все остальные уже обступили незнакомца. Долгое время он был слишком счастлив, чтобы говорить, и мог лишь смотреть на море и солнце да шупать фальшборт и канаты словно, чтобы убедиться, что все это действительно не сон. Слезы катились у него по щекам.

– Спасибо, – промолвил он наконец. – Вы спасли меня от... но я не хочу говорить об этом. А теперь позвольте рассказать вам, кто я такой. Я Тельмарин из Нарнии, и когда я еще был на что-нибудь годен, люди называли меня Лорд Руп.

– А я, – сказал Каспиан, – Каспиан, Король Нарнии, и я отправился в это плавание, чтобы найти Вас и Ваших товарищей, которые были друзьями моего отца.

Лорд Руп упал на колени и поцеловал руку Короля.

– Сир! – воскликнул он, – вы тот человек, которого я хотел видеть больше всего на свете.

Исполните мою просьбу.

– Но какую? – спросил Каспиан.

– Никогда не возвращайте меня туда, – ответил тот, указывая за корму. Все обернулись, но увидели лишь ярко-синее море и ярко-голубое небо. Остров Тьмы и сама тьма исчезли навсегда.

– Как! – вскричал Лорд Руп. – Вы уничтожили их!

– Не думаю, чтобы это сделали мы, – заметила Люси.

– Сир, – сказал Дриниэн, – дует попутный ветер, как раз чтобы плыть на юго-восток. Может, я выпущу наших бедняг из трюма, и мы поставим парус? А после этого каждый, кто не нужен сейчас, пусть отправляется к своему гамаку.

– Да, – ответил Каспиан, – пусть всем раздадут по стакану грога. Хей-хо, я и сам чувствую, что смогу проспать хоть целые сутки подряд.

И так весь вечер корабль радостно плыл на юго-восток, подгоняемый попутным ветром. Но никто не заметил, когда исчез альбатрос.

13. ТРОЕ СПЯЩИХ

Ветер не прекращался, но с каждым днем становился все слабее, так что в конце концов волны превратились в мелкую рябь, и корабль час за часом неторопливо, как по озеру, скользил вперед. И каждый вечер они видели, как на горизонте встает какое-нибудь новое созвездие, которого не было на небе в Нарнии, и которое, как думала Люси со смешанным чувством радости и страха, еще не видели глаза никого из живущих. Новые звезды были большими и яркими. Ночи стали теплыми. Путники укладывались спать на палубе и вели долгие разговоры, заканчивающиеся далеко за полночь. Многие, перевесившись через борт, задумчиво наблюдали танец светящейся пены, разрезаемой носом корабля.

Одним удивительно красивым вечером, когда закат был красно-фиолетовым, и, казалось, само небо стало шире, по правому борту они увидели землю. Корабль медленно приближался к ней, и в свете заходящего солнца казалось, что весь остров пылает огнем. Но вскоре они уже плыли вдоль берега. За кормой корабля на фоне красного неба западный мыс вздымался острым черным силуэтом, словно вырезанный из картона. Теперь они лучше смогли рассмотреть, на что похожа эта страна. Там не было гор, зато было много пологих холмов с мягкими склонами.

С острова долетал довольно приятный запах – «смутно-пурпурный», как сказала Люси, на что Эдмунд заметил, а Ринс подумал, что давно не слышал такой чуши, но Каспиан задумчиво проговорил:

– Я понимаю, что ты хочешь сказать.

Они плыли еще довольно долго, огибая мыс за мысом в надежде найти уютную глубокую бухточку, однако в конце концов им пришлось удовольствоваться широким мелким заливом. С моря он казался спокойным, но о песок разбивался бурный прибой, и им не удалось подвести корабль так близко к берегу, как хотелось бы. В конце концов, якорь бросили довольно далеко от песчаного пляжа, и, пока путешественники плыли до него в качавшейся на волнах шлюпке, они успели промокнуть насквозь. Лорд Руп остался на борту «Рассветного Путника». Он не хотел видеть больше никаких островов. Все время, что они находились там, в ушах у них стоял шум прибоя.

Двоих матросов оставили стеречь шлюпку, а всех остальных Каспиан повел вглубь острова, но недалеко, так как было уже слишком поздно для изучения местности – скоро должно было стемнеть. Однако, для того, чтобы найти приключение, и не потребовалось идти слишком далеко. В ровной долине, начинавшейся от самого берега, не было ни дорог, ни колеи телеги, ни других признаков присутствия человека. Под ногами расстилался мягкий пушистый дерн, усеянный тут и там низкой кустистой порослью, которую Эдмунд с Люси приняли за вереск. Юстас, очень хорошо разбиравшийся в ботанике, сказал, что это не вереск и, возможно, был прав; но во всяком случае, это было что-то очень похожее на вереск.

Не успели они отойти от берега и на расстояние полета стрелы, как Дриниэн воскликнул:

– Смотрите-ка! Что это такое? – и все остановились.

– Это что, такие большие деревья? – спросил Каспиан.

– Скорее, я думаю, башни, – ответил Юстас.

– Это могут быть великаны, – тихо проговорил Эдмунд.

– Единственный способ выяснить, что это такое – это отправиться прямо к ним, – заявил Рипичип, вытаскивая свою шпажку и прыгая впереди всех.

– Я думаю, это развалины, – сказала Люси, когда они подошли достаточно близко, и ее предположение, похоже, было самым правильным.

Им открылось большое, вытянутое пустое пространство, вымощенное гладкими камнями и окруженное серыми колоннами, на которых, однако, не было крыши. Между ними стоял длинный стол, который был покрыт ярко-красной скатертью, спускавшейся почти до самого пола. По обеим сторонам были расставлены искусно вырезанные из камня кресла с шелковыми подушками на сидениях. А сам стол был украшен такими яствами, каких не видали в Нарнии, даже когда Светлейший Король Питер со своими придворными правил в Кер Перавел. Там были индейки, гуси, павлины, кабаньи головы и олени бока, там были пироги в форме кораблей под парусом, драконов или слонов, там были орехи и виноград, ананасы и персики, гранаты, дыни и помидоры. Там стояли кувшины из золота и серебра и из причудливо раскрашенного стекла. Запахи фруктов и вина, доносившиеся до путешественников, были как обещание возможного счастья.

– Вот это да! – воскликнула Люси.

Очень тихо они стали приближаться.

– Но где же гости? – спросил Юстас.

– Это, сэр, мы можем обеспечить, – ответил ему Ринс.

– Смотрите! – внезапно воскликнул Эдмунд.

К этому моменту они уже стояли на вымощенном плитами полу между колоннами. Все посмотрели в ту сторону, куда указывал Эдмунд. Не все кресла были пусты. Во главе стола и по обе стороны от него сидело непонятное существо – или, возможно, это трое существ.

– Что это такое? – шепотом спросила Люси. – Оно похоже на три бороды, сидящие за столом.

– Или на огромное птичье гнездо, – добавил Эдмунд.

– По-моему, это больше похоже на копну сена, – заметил Каспиан.

Рипичип же выбежал вперед, вскочил на стул, а с него на стол, и побежал по столу, легко, как балерина, пробираясь между кубками, украшенными драгоценными камнями, пирамидами фруктов и солонками из слоновой кости. Он подбежал прямо к серой загадочной массе во главе стола, посмотрел на нее, потрогал и позвал всех остальных:

– Полагаю, эти сражаться не будут.

Тогда все остальные подошли и увидели, что в креслах сидят три человека, хотя, если не вглядеться, их трудно было принять за людей. Седые волосы падали им на глаза, почти полностью скрывая лица. Бороды их разрослись по столу, окружая тарелки и взбираясь на кубки, как ежевика, обвивающая забор. Сплетаясь в один серый ковер, они спускались через край стола на пол. Волосы на затылках отросли так, что свисая со спинок кресел, полностью их закрывали. И впрямь, эти трое выглядели так, словно, состояли целиком из волос.

– Они мертвы? – спросил Каспиан.

Не думаю, Сир, – ответил Рипичип, поднимая обеими лапками чью-то руку из массы волос. – Этот теплый и пульс к нему бьется.

– И у этих двоих тоже, – сказал Дриниэн.

– Да они просто спят, – воскликнул Юстас.

– Долог же, однако, этот сон, если у них так отросли волосы, – заметил Эдмунд.

– Должно быть, это очарованный сон, – задумчиво проговорила Люси. – С той самой минуты, как мы здесь высадились, я чувствую, что этот остров полон волшебства. Как вы думаете, может, мы попали сюда, чтобы разрушить чары?

– Можем попытаться, – сказал Каспиан и принялся трясти ближайшего из трех спящих. Какое-то время все думали, что ему удастся его разбудить, так как человек вздохнул и пробормотал:

– Я не поплыву дальше на восток. Поворачивайте к Нарнии.

Но сразу же после этого он погрузился в еще более глубокий сон: голова его тяжело опустилась еще на несколько дюймов к поверхности стола, и все попытки снова разбудить его были совершенно безуспешны. Со вторым произошло почти то же самое:

– Мы родились не для того, чтобы жить, как животные. Пока есть возможность, надо плыть на восток... земля позади солнца, – произнес он и поник. Третий сказал лишь:

– Передайте, пожалуйста, горчицу, – и крепко заснул.

– Хм, поворачивайте к Нарнии, – в раздумьи повторил Дриниэн.

– Да, – сказал Каспиан. – Вы правы, Дриниэн. Я думаю, наши поиски закончены. Взгляните на их кольца. Это их гербы. Вот Лорд Ревилиен, это Лорд Аргов, а это – Лорд Мавраморн.

– Но мы не можем разбудить их! – воскликнула Люси. – Что же нам делать?

– Простите, Ваши Величества, – вмешался в разговор Ринс, – но почему бы нам не обсудить все это за едой? Не каждый день нам предлагают такой роскошный обед.

– Ни за что на свете! – ответил Каспиан.

– Правильно, правильно, – заметили несколько матросов. – Здесь слишком много колдовства. Чем скорее мы вернемся на корабль, тем лучше.

– Можете быть уверены, – сказал Рипичип, – что трое лордов впали в семилетнюю спячку как раз после того, как отведали этих кушаний.

– Да, я даже ради спасения своей жизни не притронусь к ним, – воскликнул Дриниэн.

– Темнеет необычайно быстро, – заметил Райнелф.

– Назад на корабль, назад на корабль, – забормотали матросы.

– Я действительно думаю, – сказал Эдмунд, – что они правы. Мы можем завтра решить, что делать с тремя спящими. Мы боимся попробовать пищу, и нет никакого смысла оставаться тут на ночь. Все это место пахнет колдовством и опасностью.

– Я полностью согласен с Королем Эдмундом, – заявил Рипичип, – в том, что касается команды корабля в целом. Но я сам просижу за этим столом до рассвета.

– Но, ради всего святого, почему? – спросил Юстас.

– Потому, – ответила Мышь, – что это большое приключение, а для меня нет большей опасности, чем сознать, когда я вернусь в Нарнию, что я, испугавшись, оставил позади неразгаданную тайну.

– Я останусь с тобой, Рип! – воскликнул Эдмунд.

– И я тоже, – сказал Каспиан.

– И я, – произнесла Люси.

Тогда и Юстас тоже вызвался остаться. Это был очень храбрый поступок с его стороны, ведь он никогда не читал и не слышал о подобных вещах до того, как попал на борт «Рассветного Путника», и поэтому ему было страшнее, чем остальным.

– Умоляю, Ваше Величество... – начал Дриниэн.

– Нет, милорд, – ответил Каспиан. – Ваше место на корабле, и вы много поработали сегодня, в то время как мы впятером бездельничали.

Они долго спорили об этом, но в конце концов Каспиан добился своего. И когда в сгущавшихся сумерках команда отправилась на берег, у пятерых оставшихся, за исключением, может, лишь Рипичипа, засосало под ложечкой.

Они медленно рассаживались у гибельного стола. Видимо, на уме у каждого были одни и те же мысли, хотя никто и не высказывал их вслух. Перспектива выбора и впрямь была довольно неприятной. Вряд ли можно было бы выдержать всю ночь, сидя рядом с этими тремя ужасными волосатыми предметами, которые, хотя и не были мертвыми, все же не были живыми в обычном смысле этого слова. С другой стороны, сесть у другого конца стола, и по мере того, как ночь будет становится все темнее и темнее, видеть их все хуже и хуже и не знать, не начали ли они передвигаться, а в два часа ночи, возможно, и вовсе перестать их видеть – нет, об этом нельзя было и думать. Так они и кружили возле стола, говоря время от времени:

– Как насчет того, чтобы расположиться здесь? – или

– Может быть, чуть дальше? – или

– А почему бы не с этой стороны? – пока наконец не уселись где-то в середине, но ближе к спящим, чем к другому концу стола. К этому времени было уже около десяти часов. Почти стемнело. На востоке зажглись странные новые созвездия, но Люси предпочла бы, чтобы это был Леопард, Корабль и другие старые знакомые с неба над Нарнией.

Они завернулись в плащи и, сидя тихо, ждали. Вначале кто-то попытался завязать разговор, но из этого ничего не вышло. Так они продолжали сидеть. Все время они слышали, как волны разбиваются о берег.

По прошествии часов, которые показались веками, наступила минута, когда все поняли, что еще мгновением раньше они дремали, но теперь внезапно проснулись. Звезды изменили свое положение.

Небо было совершенно черным, и лишь на востоке, возможно, оно слегка начинало сереть. Друзья окоченели от холода и очень хотели пить. Но никто из них не произнес ни слова, потому что теперь, наконец, начало что-то происходить.

Перед ними, позади колонн, раскинулся склон невысокого холма. Внезапно в нем открылась дверь, на пороге появился свет, оттуда вышла какая-то фигура, и дверь за ней медленно закрылась. Кто-то нес светильник, и только это они пока и могли четко разглядеть. Этот кто-то подходил все ближе и ближе, пока не очутился прямо у стола, напротив них. Тогда они увидели, что это высокая девушка, одетая в длинное платье без рукавов чистого синего цвета. Она была с непокрытой головой, длинные светлые волосы спадали ей на плечи. И, увидев ее, они подумали, что никогда раньше не понимали, что такое настоящая красота.

Светильник, который она несла, оказался высокой свечой в серебряном подсвечнике. Она опустила его на стол. Если раньше ночью дул какой-то ветер с моря, то теперь он стих: пламя свечи было прямым и ровным, как будто она стояла в комнате с закрытыми ставнями и опущенными занавесами. Золото и серебро на столе заблистали.

Тут Люси заметила на столе предмет, на который прежде не обратила внимания. Это был каменный нож, острый, как сталь, древний и ужасный.

Никто еще не промолвил ни слова. Затем – вначале Рипичип, за ним Каспиан, – все они поднялись на ноги, потому что почувствовали, что перед ними благородная дама.

– Путешественники, издавек пришедшие к столу Аслана, – обратилась к ним девушка, – почему вы не едите и не пьете?

– Мадам, – ответил Каспиан, – мы боялись отвесть этих кушаний, потому что решили, что это они погрузили наших друзей в очарованный сон.

– Они к ним даже не притронулись, – заметила девушка.

– Пожалуйста, – попросила Люси, – расскажите нам, что с ними случилось?

Семь лет тому назад, – начала девушка, – они приплыли сюда на корабле, готовом развалиться на части, с изорванными в клочья парусами. С ними были еще несколько матросов, и, когда они подошли к этому столу, один из них сказал:

– Здесь хорошо. Давайте больше не будем возиться с парусами и веслами, а лучше останемся здесь и окончим наши дни в мире и покое.

Но другой ответил:

– Нет, давайте снова сядем на корабль и поплывем на запад, в Нарнию: может быть, Мираз умер.

Тогда третий, очень властный человек, вскочил с места и воскликнул:

– Нет, клянусь небом! Мы люди, и Тельмарины к тому же, а не животные! Разве мы не должны искать приключение за приключением? В любом случае, нам недолго осталось жить. Давайте же проведем то время, что еще отпущено нам, в поисках необитаемых земель за тем местом, где восходит солнце.

И, пока они ссорились, он схватил Нож-Из-Камня, лежащий здесь на столе и готов был удержать им своих товарищей. Но он не должен был трогать этот нож. И поэтому, как только его пальцы сомкнулись на рукоятке, все трое погрузились в глубокий сон. Они не проснутся до тех пор, пока не будут разрушены чары.

– А что это за Нож-Из-Камня? – спросил Юстас. – Разве никто из вас не знает об этом? – ответила девушка вопросом на вопрос.

– Я... мне кажется, – сказала Люси, – я уже раньше видела похожий нож. Такой нож был в руках у Белой Ведьмы, когда, много лет тому назад, она убила Аслана у Каменного Стола. – Это он и есть, – сказала девушка, – и он был принесен сюда, чтобы в почете храниться до тех пор, пока существует этот мир.

Эдмунд, чувствующий себя все более и более неловко в течении последних минут, теперь заговорил.

– Послушайте, – сказал он. – надеюсь, что я не трус – я имею в виду насчет этой еды – и я совершенно не хочу обидеть Вас. Но в этом путешествии у нас было много странных приключений, и мы знаем, что не всегда люди на самом деле таковы, какими кажутся на первый взгляд. Когда я смотрю Вам в лицо, я не могу не верить всему, что Вы говорите. Но ведь точно то же самое могло быть, если бы Вы были ведьмой. Откуда нам знать, друг Вы или нет?

– Вы не можете знать, – ответила девушка. – Вы можете только верить или не верить мне.

После короткого молчания раздался тоненький голосок Рипичипа.

– Сир, – обратился он к Каспиану, – не будете ли Вы любезны наполнить мой кубок вином из этого кувшина: мне самому не поднять его, он слишком велик. Я выпью за здоровье дамы.

Каспиан подчинился, и Мышь, стоя на столе, взяла золотой кубок своими маленькими лапками и торжественно произнесла:

– Леди, я пью за Вас.

Затем Рипичип набросился на холодного павлина, и вскоре все остальные последовали его примеру. Все были очень голодны, а еда, если и не совсем подходила для утреннего завтрака, была, по крайней мере, превосходна в качестве очень позднего ужина.

– Почему это место называется столом Аслана? – спросила вдруг Люси.

– Этот стол поставлен здесь по его просьбе, – ответила девушка, – для тех, кто заплыл так далеко. Некоторые называют этот остров Краем Света, ибо, хотя вы можете плыть дальше, здесь начало конца.

– Но как сохраняется пища? – спросил практичный Юстас.

– Каждый день она съедается, и стол накрывается заново, – ответила девушка. – Вы увидите, как это происходит.

– А что нам делать со спящими? – спросил Каспиан. – В том мире, откуда пришли мои друзья, тут он указал на Юстаса с Пэвенси, – есть сказка о принце или короле, который попадает в замок, где все спят очарованным сном. В этой сказке он не мог развеять чары, пока не поцеловал принцессу.

– Но здесь, – ответила девушка, – все по-другому. Здесь нельзя поцеловать принцессу, не развеяв чар.

– Тогда! – воскликнул Каспиан, – во имя Аслана, покажи, как мне сейчас приняться за дело!

– Мой отец научит тебя, – сказала девушка.

– Ваш отец? – с удивлением вскричали все. – Но кто он? И где он?

– Смотрите, – девушка обернулась и указала на дверь в склоне холма. Теперь она была видна лучше, ибо, пока они беседовали, звезды побледнели, и белые просветы появились на сером утреннем небе.

14. НАЧАЛО КРАЯ СВЕТА

Дверь снова медленно отворилась, и из нее вышел человек, такой же высокий и стройный, как девушка, но не такой изящный. В руках у него не было светильника, однако, казалось, что от него исходит свет. Когда он подошел ближе, Люси увидела, что это старик. Спереди его серебряная борода опускалась до босых ступней, сзади серебряные волосы ниспадали до самых пят, и казалось, что все его одежды сотканы из серебряного руна. Он выглядел таким кротким и серьезным, что путешественники, все как один, снова поднялись на ноги и молча ожидали его.

Но старик подошел к ним, не проронив ни слова, и встал по другую сторону стола напротив своей дочери. Затем они оба, и она, и он, вытянули перед собой руки и повернулись лицом на восток. Так они начали петь. Хотел бы я записать эту песню, но никто из присутствующих потом не мог вспомнить ее слов. Люси рассказывала, что они пели очень высокими голосами, переходящими почти в пронзительный крик, но что это было очень красиво: «Такая холодная песня, очень подходящая для раннего утра». И по мере того, как они пели, на востоке разошлись серые тучи, белые просветы стали больше, и, наконец, все небо в той стороне стало белым, а море заблестело, как серебро. А позже, но эти двое все продолжали петь, восток начал розоветь, и, наконец, солнце вышло из моря на безоблачное небо, и его первый луч упал на длинный стол, осветив золото и серебро, и Каменный Нож на нем.

Прежде Нарнианцы уже несколько раз задавали себе вопрос, не кажется ли солнце на восходе в этих морях больше, чем оно казалось дома. На этот раз они были уверены, что это так. Ошибиться было невозможно. И яркость луча на росе и на столе далеко превосходила яркость любого утра в их жизни.

Эдмунд позже говорил: «Хотя в этом путешествии происходило много событий, которые могут показаться более захватывающими, на самом деле это был самый волнующий момент». Ибо теперь они знали, что действительно добрались до места, где начинается Край Света.

Им показалось, будто что-то полетело к ним из самого центра восходящего солнца: но, ко-

нечно, никто до конца не был в этом уверен, так как невозможно было долго смотреть в том направлении. Однако воздух вдруг наполнился шумом голосов – голосов, подхвативших ту же самую песню, что пели девушка и ее отец, только звучали эти голоса менее стройно, и пели они на языке, которого никто не знал. Вскоре все увидели и обладателей этих голосов. Это были большие белые птицы, они прибывали сотнями, тысячами и усаживались повсюду: на траве, на плитах, на столе, на плечах, руках и головах присутствовавших до тех пор, пока все не стало похоже на свежавывающий снег. Ибо, как и снег, они не только покрыли все белым, но и сделали неясными и расплывчатыми четкие контуры всех предметов. Люси, выглядывая из-под крыльев, покрывавших ее, увидела, как одна птица подлетела к Старцу, держа в клюве как будто небольшой плод. Правда, весьма вероятно, что это был горящий уголек, потому что он сиял так ярко, что на него невозможно было смотреть. Птица положила его Старцу в рот.

Тогда остальные птицы перестали петь и на некоторое время занялись тем, что стояло на столе. Когда они снова поднялись в воздух, все, что могло быть съедено или выпито, исчезло. По-ев, птицы сотнями и тысячами поднимались со стола, унося с собой прочь все, что осталось от их трапезы: кости, корки, шелуху, – и улетели обратно к восходящему солнцу. Но теперь, когда они перестали петь, от шума их крыльев, казалось, дрожал весь воздух. И вот стол был чист и пуст, а трое старых Нарнианских Лордов по-прежнему спали.

Теперь Старец наконец повернулся к путешественникам и приветствовал их.

– Сэр, – обратился к нему Каспиан, – не могли бы вы сказать нам, как развеять чары, погрузившие в сон этих трех Нарнианских Лордов?

– Я с радостью расскажу тебе это, сын мой, – ответил Старец. – Чтобы развеять эти чары, вы должны доплыть до Края Света, или подобраться к нему так близко, как только сможете, и возвратиться сюда, оставив там хотя бы одного из твоей свиты.

– А что случится с тем, кто останется? – спросил Рипичип.

– Он должен будет отправиться на край востока и никогда не возвращаться в этот мир.

– Я хочу этого всей душой, – сказал Рипичип.

– А близко ли мы сейчас, Сэр, от края Света? – спросил Каспиан. – Не известно ли Вам что-нибудь о морях и землях, лежащих дальше на Восток?

– Я видел их давно, – ответил Старец, – и с большой высоты. Я не смогу рассказать вам те подробности, которые нужны мореплавателям.

– Вы имеете в виду, что Вы летали по воздуху? – выпалил Юстас.

– Я находился тогда гораздо выше, чем воздух, сын мой, – ответил Старец. – Я – Раманду. Но я вижу, что вы переглядываетесь в недоумении, вы никогда не слышали такого имени. И это неудивительно, ибо дни, когда я был звездой, ушли задолго до того, как все вы появились на свет, и все созвездия изменились с тех пор.

– Потрясающе! – тихо пробормотал Эдмунд. – Это звезда на пенсии.

– А теперь Вы больше не звезда? – спросила Люси.

– Дочь моя, я отдыхающая звезда, – ответил Раманду. – Когда я закатился в последний раз, дряхлый и старый настолько, что вы даже не можете себе это представить, меня отнесло на этот остров. Теперь я не так стар, как был тогда. Каждое утро птица приносит мне огненную ягоду из Солнечных Долин, и каждая огненная ягода делает меня немного моложе. А когда я стану таким же молодым, как родившийся вчера младенец, я снова взойду на небосвод: ведь мы находимся у восточного края земли, и снова вступлю в великий хоровод.

– В нашем мире, – заметил Юстас, – звезды – это огромные шары горящего газа.

– Даже в твоём мире, сын мой, звезда только сделана из этого, но не является этим на самом деле. В нашем мире вы уже встретили одну звезду, так как, я думаю, вы побывали у Корайэкина.

– А он тоже отдыхающая звезда? – спросила Люси.

– Ну, не совсем так, – ответил Раманду, – Его отправили управлять Дафферами не совсем в качестве отдыха. Вы, скорее, могли бы назвать это наказанием. Если бы все было хорошо, он мог бы еще тысячу лет светить зимой на южном небосклоне.

– Что же он сделал, Сэр? – спросил Каспиан.

– Сын мой, – ответил Раманду, – не тебе, сыну Адама, знать, какие ошибки может совершить звезда. Но послушайте, мы теряем время в этих разговорах. Решились ли вы уже? Поплывете ли вы дальше на восток с тем, чтобы возвратиться, оставив там навсегда одного из вас, и развеять чары? Или же вы поплывете на запад?

– Конечно, же Сир, – заявил Рипичип, – не может быть разногласий по этому поводу. Совершенно очевидно, что частью наших поисков является спасение трех лордов от чар, сковавших их.

– Я так-же думаю, Рипичип, – ответил Каспиан. – И я бы очень сильно огорчился, если бы мы не подплыли к Краю Света настолько близко, насколько это возможно на «Рассветном Путнике». Но я думаю о команде. Они подрались искать семерых лордов, а не плыть на край земли. Если мы отсюда поплывем на восток, то мы будем искать край востока, край света. И никто не знает, как это далеко. Они храбрые ребята, но я вижу признаки того, что некоторые из них устали путешествовать и мечтают о минуте, когда нос корабля снова повернется к Нарнии. Я думаю, что не имею права вести их дальше без их согласия, и не сообщив им, что нас ожидает. И, кроме того, с нами еще бедный Лорд Руп. А он сломленный человек.

– Сын мой, – сказал Раманду, – было бы совершенно бесполезно, даже если бы ты и хотел этого, плыть на Край Света с несогласной или обманутой командой. Так не развеять великие чары. Они должны знать, куда и зачем направляются. Но кто этот сломленный человек, о котором ты говоришь?

Каспиан рассказал Раманду историю Рупа.

– Я могу дать ему то, в чем он больше всего нуждается, – сказал Раманду. – На этом острове можно спать сколько угодно долго, не просыпаясь, и никогда здесь не была слышна даже самая легкая поступь сновидений. Пусть он сядет рядом с этими тремя и пьет забвение до вашего возвращения.

– О, Каспиан, давай так и сделаем! – воскликнула Люси, – Я уверена, что это как раз то, в чем он нуждается.

В этот момент их беседу прервал шум шагов и голосов: приближался Дриниэн со своими людьми. Они замерли в удивлении, увидев Раманду и его дочь, а затем, так как те, совершенно очевидно, были благородного происхождения, обнажили перед ними головы. Некоторые матросы с сожалением поглядели на пустые тарелки и кувшины на столе.

– Милорд, – обратился Король к Дриниэну, – будьте добры, отправьте двух человек обратно на «Рассветный Путник» с посланием к Лорду Рупу. Передайте ему, что здесь спят последние из его старых товарищей – спят сном без сновидений – и что он может разделить с ними этот сон.

Когда это было исполнено, Каспиан попросил остальных сесть и изложил им ситуацию. Последовало долгое молчание. Несколько человек пошептались, и, наконец, Старший Лучник поднялся на ноги и заявил:

– Ваше Величество, некоторые из нас давно уже хотели спросить, как мы доберемся домой, когда повернем обратно, независимо от того, сделаем ли мы это здесь или где-нибудь дальше. Всю дорогу, кроме тех дней, когда стоял штиль, дули северный и северо-западный ветры. И если ветер не измениться, то я хотел бы знать, как мы надеемся доплыть до Нарнии. Вряд ли мы долго протянем на наших запасах, если будем все время грести на обратном пути.

– Речь сухопутной крысы! – с презрением воскликнул Дриниэн. – В этих морях поздним летом всегда преобладают западные ветры, но после Нового года они всегда меняют направление. Когда мы поплывем на запад, попутный ветер будет, и к тому же гораздо более сильный, чем нам того хотелось бы.

– Это сущая правда, – подтвердил старый моряк из Галмы. – В январе-феврале с востока приходит довольно гнусная погода. С Вашего позволения, сэр, если бы я командовал этим кораблем, я бы предложил перезимовать здесь, а в марте отправиться в обратное путешествие.

– Чем бы вы стали питаться во время зимовки? – спросил Юстас.

– Каждый день на закате, – ответил Раманду, – на этом столе будет приготовлен пир, достойный короля.

– Вот это да! – воскликнули несколько матросов.

– Ваши Величества, леди и джентльмены, – начал Райнелф, – я хочу сказать только одно. Никого из нас не принуждали отправиться в это путешествие. Все мы – добровольцы. И некоторые из нас, кто сейчас с таким интересом смотрит на этот стол, раздумывая о королевских пирах, громко кричали о приключениях в тот день, когда мы вышли из Кер Перавел и клялись, что не вернутся обратно, пока мы не дойдем до края света. А на причале среди провожающих стояли многие из тех, кто отдал бы все, что у них есть, чтобы только отправиться с нами. Тогда считалось, что лучше быть юнгой на «Рассветном Путнике», чем носить перевязь рыцаря. Не знаю,

уловили ли вы то, что я хочу сказать. Но я имею в виду следующее: я думаю, что люди, отправившиеся в путь так, как это сделали мы, будут выглядеть глупо как... как эти Даффлпады, если возвратятся домой и скажут, что добрались до начала края света и побоялись плыть дальше.

Некоторые из матросов бурно одобрили эту речь, однако другие сказали, что все это очень хорошо, но...

– Похоже, это будет не очень-то весело, – прошептал Эдмунд на ухо Каспиану. – Что мы будем делать, если половина этих ребят откажется?

– Подожди, – тихо ответил ему Каспиан. – У меня есть еще одна карта.

– Неужели ты ничего не скажешь, Рип? – прошептала Люси.

– Нет. Зачем Ваше Величество ждет моих слов? – ответил Рипичип так громко, что большинство присутствующих его услышало. – Для себя я уже все решил. Пока я смогу, я буду плыть на восток на «Рассветном Путнике». Когда он бросит меня, я погребу на восток в своей плетеной лодочке. Когда она потонет, я поплыву сам, гребя всеми четырьмя лапами. А когда я не смогу плыть дальше, то, если я к тому времени не доберусь до страны Аслана или не перевалю через край света в каком-нибудь гигантском водопаде, я потону, повернувшись носом к восходу солнца, и Рипичип навсегда останется главой говорящих мышей Нарнии.

– Слушайте, слушайте! – воскликнул один матрос. – Я бы сказал тоже самое, за исключением пассажи о плетеной лодочке, которая меня просто не выдержит. – Он добавил более тихо:

– Я не позволю, чтобы какая-то мышь меня переплюнула.

Тут Каспиан вскочил на ноги.

– Друзья мои, – сказал он, – мне кажется, вы не совсем понимаете Нашу цель. Вы рассуждаете так, словно Мы пришли к вам с протянутой рукой, умоляя, чтобы хоть кто-нибудь отправился с Нами. Но дело обстоит совсем по-другому. Мы, Наши королевские брат и сестра, их родич сэр Рипичип, добрый рыцарь, и Лорд Дриниэн должны кое-что сделать на краю света. Нам угодно выбрать из тех, кто готов на это, людей, которых мы сочтем достойными такого великого дела. Мы не сказали, что каждый может предложить свою кандидатуру. Поэтому Мы теперь приказываем Лорду Дриниэну и Мастеру Ринсу тщательно обдумать, кто из вас храбрее всех в сражении, кто самый опытный моряк, чья кровь самая чистая, кто больше других предан Нашему королевскому величеству, кто ведет самый доблестный образ жизни, – и представить Нам список с их именами. – Он остановился и продолжал более быстро:

– Клянусь гривой Аслана! – воскликнул он. – Неужели вы думаете, что просто так сможете получить право увидеть самый край света? Ну, а потом, каждый, кто поплывет с Нами, сможет передать все своим потомкам титул «Тот, кто был на „Рассветном Путнике“, – и, когда, возвратившись домой, мы пристанем в Кер Перавел, он получит золото и землю – в таком количестве, чтобы всю жизнь ни в чем не нуждаться. А теперь – разбредитесь по острову, все вы. Через полчаса я должен получить список, который принесет мне Лорд Дриниэн.

Произошло некоторое замешательство и, после недолгого молчания, матросы поклонились собравшимся и разошлись в разные стороны, держась вместе по несколько человек и обсуждая услышанное.

– А теперь разберемся с Лордом Рупом, – сказал Каспиан.

Он повернулся к столу и увидел, что Руп уже там. Он подошел тихо и незаметно, пока шло обсуждение, и его усадили рядом с Лордом Аргозом. Рядом с ним стояла дочь Раманду, словно она только что помогала ему сесть в кресло; сам Раманду подошел к нему сзади и возложил обе руки на седую голову Рупа. Даже при дневном свете слабое серебряное сияние исходило от рук звезды. На изможденном лице Рупа появилась улыбка. Он протянул одну руку Люси, а другую – Каспиану. Какое-то мгновение казалось, что он собирается что-то сказать. Затем его улыбка стала шире, как будто он испытывал какое-то приятное ощущение, долгий удовлетворенный вздох вырвался из его уст, голова его упала на грудь, и он заснул.

– Бедный Руп, – задумчиво проговорила Люси. – Я так рада за него. Должно быть, он пережил ужасные годы.

– Давай лучше даже не будем думать об этом, – сказал Юстас.

Тем временем, речь Каспиана, возможно, подкреплённая волшебством этого острова, возымела именно такое действие, как он и предполагал. Многие из тех, кто раньше стремился прекратить это путешествие, совершенно по-другому отнеслись к тому, что могли оказаться просто оставленными. И, конечно же, как только какой-нибудь матрос заявлял, что он решил попросить

разрешения плыть дальше, остальные чувствовали, что численность их все падает, и им становилось все более и более неловко. Так что, задолго до того, как прошло полчаса, некоторые буквально подлизывались (по крайней мере, в моей школе это называлось именно так) к Дриниэну и Ринсу, чтобы получить хорошие отзывы о себе.

Вскоре остались только три человека, не желавших участвовать в дальнейшем путешествии, и эти трое очень старались убедить остальных в своей правоте. А еще через некоторое время остался только один. И в конце концов и он испугался остаться там в полном одиночестве и передумал.

По истечении получаса они всей толпой вернулись с Столу Аслана и выстроились возле него, в то время как Дриниэн и Ринс сели рядом с Каспианом и докладывали ему о каждом; и Каспиан принял в команду всех, кроме того человека, который передумал в самую последнюю минуту. Его звали Питтенкрим, и все то время, пока остальные искали Край Света, он оставался на острове Звезды, и очень сожалел о том, что не отправился с ними. Он не был тем человеком, который обрадовался бы беседе с Раманду и его дочерью, да и им это не доставило бы удовольствия, кроме того, почти все время шел дождь, и хотя на Столе каждый вечер появлялись великолепнейшие кушанья, он не очень-то был им рад.

Он рассказывал, что у него по спине мурашки бегали, когда он сидел там один, да еще и под дождем, с этими четырьмя спящими Лордами во главе стола. А когда остальные возвратились, он почувствовал себя настолько лишним, что на обратном пути остался на Одиноких Островах и уехал жить в Калормэн, где рассказывал потрясающие истории о своих приключениях на Краю Света до тех пор, пока не поверил в них сам.

Так что, можно сказать, что, в некотором смысле, он жил долго и счастливо. Только мышей вот он терпеть не мог.

Этим вечером они пировали все вместе у большого Стола между колоннами, где кушанья появлялись каким-то чудесным таинственным образом. И на следующее утро, после того, как появились и снова улетели большие птицы, «Рассветный Путник» вновь поднял паруса.

– Королева, – сказал Каспиан на прощанье, – я надеюсь снова поговорить с Вами, когда я развею чары.

И дочь Раманду посмотрела на него и улыбнулась.

15. ЧУДЕСА ПОСЛЕДНЕГО МОРЯ

Вскоре после того, как они оставили остров Раманду, им стало казаться, что они уже заплыли за край света. Все было по-другому. Во-первых, они обнаружили, что им нужно меньше сна, чтобы восстановить свои силы. Не хотелось ни спать, ни много есть, ни даже много разговаривать. Во-вторых, было слишком много света. Каждым утром, когда всходило солнце, оно казалось в два, если не в три раза больше, чем обычно. И каждое утро, что производило на Люси самое странное впечатление, огромные белые птицы человеческим голосом пели песни на непонятном языке, пролетая над кораблем, и исчезали за кормой, направляясь к Острову Раманду. Несколько позже они возвращались обратно и исчезали на востоке.

– Какая изумительно чистая вода! – подумала Люси, на второй день рано утром, перегнувшись через борт корабля.

Вода действительно была очень чистой и прозрачной. Первым, что Люси заметила, был маленький черный предмет, размером с башмак, плывущий рядом с кораблем с той же скоростью. Какое-то время она думала, что это что-то на поверхности. Но затем мимо проплыл кусочек черствого хлеба, который кок только что выкинул из окна камбуза. В какой-то момент Люси показалось, что этот кусочек столкнется с темным предметом, однако он проплыл над ним. Тогда Люси поняла, что темный предмет не может быть на поверхности. Внезапно он вдруг увеличился в размерах, а через секунду снова уменьшился до нормальной величины.

Тут Люси осознала, что где-то она уже видела нечто подобное, – если бы она могла только вспомнить, где именно. Она схватилась за голову, нахмурилась и даже высунула язык от напряжения, пытаясь вспомнить. Наконец ей это удалось. Конечно же! Это было похоже на то, что можно увидеть из окна поезда ясным солнечным днем. Вы видите, как черная тень вашего поезда бежит по полям с той же скоростью, что и поезд. Затем вы проезжаете между двумя холмами: немедленно эта же тень начинает мелькать рядом с вами, увеличиваясь в размерах, скачет по траве,

растущей на насыпи. Когда холмы кончаются, черная тень внезапно снова уменьшается до нормальных размеров и снова бежит по полям.

– Это же наша тень! – тень «Рассветного Путника», – сказала себе Люси. – Наша тень бежит рядом по дну моря. В тот раз, когда она увеличилась, там наверное, был холмик. Но в таком случае вода должна быть еще чище, чем я думала! Боже мой, я же смотрю на дно моря, на глубину в несколько десятков саженей.

Как только она произнесла это, она поняла, что большое огромное серебряное пространство, которое она видела, не замечая в течение некоторого времени, на самом деле является песком на дне моря, и что всевозможные темные и яркие пятна – вовсе не отблески и тени на поверхности, а настоящие выступы и впадины на нем. В эту самую минуту, к примеру, они проплывали над мягкой пурпурно-зеленой массой с широкой, изгибающейся светло-серой полосой посередине. Но теперь, когда Люси знала, что это дно, она могла гораздо лучше все разглядеть. Она увидела, что темные кусочки гораздо выше всех остальных и слегка покачиваются.

– Совсем, как деревья на ветру, – сказала себе Люси. – И я думаю, что так оно и есть. Это подводный лес.

Они проплывали прямо под ним. С первой бледной полосой слилась другая.

– Если бы я находилась там внизу, – подумала Люси, – то эта полоса могла бы быть для меня дорогой через лес. А то место, где они соединяются, это развилка. О, как бы я хотела оказаться там. Смотрите-ка! Лес кончается. И я думаю, что это действительно дорога! Вон она продолжается по открытому песку. Теперь она другого цвета и чем-то отмечена по краям – какими-то черточками. Может это камушки. А теперь вот расширяется.

Но на самом деле дорога не расширялась, просто она оказалась ближе к поверхности воды. Люси поняла это по тому, как стремительно увеличилась тень корабля. А дорога – теперь она окончательно убедилась в этом – пошла зигзагами. Очевидно, она вела на крутую гору. А когда Люси повернула голову и посмотрела назад, то, что она увидела, было очень похоже на вид с вершины горы на извилистую дорогу. Она могла даже видеть, как лучи солнца пробивались в лесную долину через глубокую воду, а вдалеке все сливалось в смутную зелень. Но некоторые места, освещенные солнцем, – подумала она, – были ярко-ультрамариновыми.

Но она не могла терять времени, глядя назад: то, что виднелось впереди, было слишком интересно. Дорога теперь, очевидно, взобралась на вершину горы и вела прямо вперед. По ней туда-сюда сновали какие-то маленькие пятнышки. Вдруг в поле зрения Люси появилось нечто совершенно удивительное, к счастью, хорошо освещенное солнцем – настолько хорошо, насколько это возможно, когда лучи проникают сквозь толщу воды на несколько саженей. Этот предмет был шишковатым и зазубренным, цвета жемчуга, или, может быть, слоновой кости. Люси находилась над ним, так что сперва она не могла разобрать, что это такое. Но когда она заметила тень, которую он отбрасывал, все стало ясно. Солнце светило позади Люси, и тень непонятного предмета вытянулась за ним на песке. По тени Люси ясно поняла, что это башни, шпили, минареты и купола.

– Так это же город или огромный замок! – воскликнула Люси. – Но зачем же они построили его на вершине такой высокой горы?

Впоследствии, когда они с Эдмундом снова оказались в Англии и вспоминали все свои приключения, они придумали объяснение этому, и я уверен, что оно было правильным. В море, чем глубже, тем темнее и холоднее становится, и именно там, в глубине и холоде живут всякие опасные твари – осьминоги, Морской Змей и сам Кракен. Морские долины – дикие, враждебные места. Морской Народец относится к своим долинам так же, как мы к горам, и, наоборот, к горам так, как мы к долинам. Только на большой высоте, или, как мы сказали бы, на мелководье, тепло и спокойно. Бесстрашные охотники и храбрые морские рыцари спускаются в глубины в поисках приключений, но возвращаются домой наверх для мирного отдыха, придворной жизни, турниров, песен и танцев.

Они проплыли мимо города, а дно моря все поднималось. Теперь оно было лишь в нескольких сотнях футов под кораблем. Дорога исчезла. Теперь они плыли над открытой местностью, похожей на парк и усыпанной там и сям небольшими рошицами яркой растительности. А затем – Люси чуть не завизжала от восторга – она увидела Морской Народец.

Это был отряд из пятнадцати-двадцати человек. Все они ехали верхом на морских коньках – не на крошечных морских коньках, которые вы могли видеть в музее, а на лошадях гораздо

больших, чем они сами. Люси решила, что это, должно быть, благородные лорды, заметив, как блестит золото на лбу у некоторых из них, и как течение развеивает спадающие с их плеч плащи из изумрудной или оранжевой материи.

И вдруг:

– Ох, проклятые рыбы! – воскликнула Люси: целая стайка маленьких толстых рыбок, проплывая близко к поверхности воды, загородила от нее Морской Народец. Но, хотя ей и стало труднее наблюдать за ними, это привело к тому, что она увидела нечто ужасно интересное. Внезапно свирепая маленькая рыбка какой-то неизвестной Люси породы стрелой выскочила откуда-то снизу, открыла пасть, захлопнула ее и быстро погрузилась, держа во рту одну из толстых рыбок. Маленький отряд сидел на своих конях, глядя на то, что происходит наверху. Казалось, что они смеются и разговаривают. Прежде, чем охотничья рыбка успела вернуться к ним со своей жертвой, от маленькой группы отделилась другая, точно такая же. Люси была почти уверена, что ее послал или выпустил высокий Морской Человечек, сидевший на своем морском коньке в центре отряда. Он как будто придерживал рыбку, прежде чем отпустить ее, в руке или на запястье.

– Ну, – сказала Люси, – я утверждаю, что это охота. Скорее даже соколиная охота. Да, точно так. Они выезжают, держа на запястье этих маленьких хищных рыбок точно так же, как мы выезжаем на охоту, держа на запястье соколов, когда давным-давно правили в Кер Перавел. И они отпускают их, чтобы они налетали, хотя, точнее, я должна сказать, наплывали, на других рыб. Как...

Она внезапно замолчала, заметив, что сцена изменилась. Морской Народец увидел корабль. Стайка рыб разбежалась во все стороны, сами морские жители поднимались на поверхность, чтобы выяснить, что это за огромная темная штука вдруг загородила им солнце. Теперь они оказались так близко, что, будь они на воздухе, а не в воде, Люси смогла бы заговорить с ними. Там были и мужчины, и женщины. Их головы были увенчаны разнообразными коронами. На шее у многих висели цепочки из жемчуга. Других одежд на них не было. Тела их были цвета слоновой кости, волосы – темно-пурпурные. Король в центре отряда, невозможно было принять его за кого-нибудь другого, гордо и грозно посмотрел в лицо Люси и потряс копьем, которое держал в руке. Его рыцари сделали то же самое. На лицах дам было написано нескрываемое удивление. Люси была уверена, что они никогда раньше не видели ни корабля, ни человека – да и откуда они могли появиться в морях за краем света, куда еще никто не заплывал.

– На что ты так пристально смотришь, Лу? – раздался голос за спиной у Люси.

Люси была так поглощена зрелищем, открывшимся перед ней, что вздрогнула при звуке голоса. Повернувшись, она обнаружила, что у нее онемела рука, так как она долго опиралась на поручни, не меняя положения. Перед ней стояли Дриниэн с Эдмундом.

– Смотрите, – сказала она.

Они взглядели вниз, но Дриниэн почти сразу же тихо проговорил:

– Немедленно повернитесь, Ваши Величества, – вот так, спиной к морю. И сделайте вид, что мы обсуждаем что-то несущественное.

– Но что случилось? – спросила Люси, подчинившись.

– Матросам совершенно ни к чему видеть все это, – объяснял Дриниэн. – Они еще, чего доброго, начнут влюбляться в морских женщин, или им понравится сама подводная страна, и они попрыгают за борт. Я слышал раньше, что подобные вещи случались в незнакомых морях. Встреча с этим Морским Народцем всегда сулит несчастье.

– Но мы неплохо знали их, – возразила Люси, – в добрые старые времена в Кер Перавел, когда мой брат Питер был Светлейшим Королем. Они поднялись на поверхность и пели на нашей коронации.

– Я думаю, что там была другая разновидность, Лу, – сказал Эдмунд. – Они могли жить как под водой, так и на воздухе. Мне кажется, что эти не могут. Судя по их виду, если бы они могли подняться на поверхность, они давно уже сделали бы это и атаковали бы нас. Они кажутся очень воинственно настроенными.

– В любом случае, – начал Дриниэн, но тут раздался шум с двух разных сторон. С одной стороны донесся плеск, с другой – голос вахтенного с мачты:

– Человек за бортом!

Тут же поднялась страшная суматоха. Кто-то из матросов кинулся на мачту зарифить парус, другие – вниз, к веслам: Ринс, несший вахту на корме, резко положил руль, чтобы повернуть корабль и вернуться к упавшему за борт человеку. Но к этому моменту все уже увидели, что это был,

строго говоря, не человек. Это был Рипичип.

– Черт бы побрал эту мышь! – воскликнул Дриниэн. – С ней на корабле больше проблем, чем со всеми остальными вместе взятыми. Если она может попасть в какую-нибудь переделку, она это обязательно сделает! Да ее надо заковать в кандалы, протащить под килем, бросить на необитаемом острове, усы ей надо отрезать! Видит ли кто-нибудь этого маленького негодяя?

Все это вовсе не означало, что на самом деле Дриниэн не любил Рипичипа. Напротив, он его очень любил и поэтому сильно испугался за него, а, испугавшись, пришел в плохое расположение духа – вот точно так же и ваши мамы гораздо больше, чем посторонний прохожий, сердятся на вас, если вы выбегаете на дорогу прямо перед машиной. Никто, конечно, не боялся, что Рипичип может утонуть: он прекрасно плавал, но те трое, кто знал, что происходит под водой, испугались длинных острых копий в руках у Морского Народца.

Через несколько минут «Рассветный Путник» повернул, и все увидели в воде темный шарик – Рипичипа. Он очень возбужденно что-то кричал, но, так как пасть его постоянно наполнялась водой, никто не мог понять, что он хочет сказать.

– Если мы не заткнем ему рот, он в два счета все разболтает, – воскликнул Дриниэн. Чтобы не допустить этого, он кинулся к борту и сам спустил канат, крикнув матросам:

– Ладно, все в порядке. Возвращайтесь по своим местам. Полагаю, я смогу поднять на борт мышь без посторонней помощи.

И как только Рипичип начал взбираться по канату – не очень-то проворно, так как намокшая шерстка тянула его вниз – Дриниэн перегнулся через борт и прошептал ему:

– Не говори об этом ни слова.

Но когда совершенно мокрая Мышь оказалась на палубе, выяснилось, что Морской Народец ее вовсе не интересуется.

– Пресная! – запищала она. – Пресная, пресная!

– Что ты тут болтаешь? – грубо оборвал его Дриниэн. – И совершенно не обязательно отряхиваться здесь так, чтобы все брызги летели прямо на меня.

– Я вам говорю, что вода пресная, – настойчиво повторила Мышь. – Пресная, не соленая.

Какое-то время никто не мог осознать всю важность этого заявления. Но тогда Рипичип снова повторил старое пророчество:

Где станет пресной волна, Не сомневайся, Рипичип, Там Востока край.

И, наконец, все поняли.

– Дай мне ведро, Райнелф, – попросил Дриниэн.

Ему передали ведро, он опустил его в воду и вытащил на палубу. Вода в ведре блестела, как стекло.

– Может быть, Ваше Величество первым захочет попробовать воду, – обратился Дриниэн к Каспиану.

Король поднял ведро обеими руками, поднес его к губам, вначале лишь пригубил, затем сделал глубокий глоток и поднял голову. Лицо его изменилось. Казалось, заблестели не только глаза, но и весь он сам.

– Да, – сказал он, – она пресная. Это действительно настоящая вода. Я, правда, не уверен, что не умру, отведав ее. Но если бы я даже заранее знал о такой смерти, то все равно выбрал бы именно ее.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Эдмунд.

– Она... она больше всего похожа на свет, – ответил Каспиан.

– Так и есть, – заметил Рипичип, – свет, который можно пить. Теперь мы, должно быть, уже очень близко от края света.

На мгновение наступила тишина, а затем Люси опустилась на колени и напилась из ведра.

– Я никогда не пробовала ничего вкуснее! – воскликнула она как-то удивленно. – Но, ох! – какая она сытная! Теперь мы сможем ничего не есть.

И, один за другим, по очереди, все напились из ведра. Долгое время все молчали. Они внезапно почувствовали в себе такую крепость и силу, что едва смогли это перенести. А затем они начали ощущать на себе и другое действие воды. Как я уже раньше говорил, с того момента, как они оставили остров Раманду, было слишком много света – солнце было слишком большим, хотя и не слишком жарким, море – слишком ярким, воздух – чересчур сияющим. Теперь света стало не меньше – наоборот, его стало еще больше, но они могли выносить его. Они могли видеть больше

света, чем когда-либо раньше. И палуба, и парус, и их собственные лица, и тела сияли все больше и больше. Блестела каждая веревка. А на следующее утро, когда взошло солнце, теперь в пять-шесть раз большее, чем обычно, они пристально смотрели прямо на его диск и могли различить даже перья птиц, вылетающих оттуда.

В этот день на борту почти не вели разговоров, пока где-то около обеда, обедать никто не хотел, им было вполне достаточно воды, Дриниэн не сказал:

– Я не могу понять, в чем дело. Нет ни дуновения ветерка. Парус висит мешком. Море гладкое, как зеркало. Но, тем не менее, мы плывем так быстро, как будто нас гонит шторм.

– Я тоже думал об этом, – ответил Каспиан. – Должно быть, мы попали в какое-то сильное течение.

– Хм, – заметил Эдмунд. – Это кажется не очень-то приятно, если у света действительно есть край, и мы приближаемся к нему.

– Ты имеешь в виду, – спросил Каспиан, – что мы можем, так сказать, просто перелиться через этот край вместе с водой?

– Да! Да! – воскликнул Рипичип, хлопая лапками. – Именно так я всегда это себе и представлял – мир, как большой круглый стол, и воды всех океанов бесконечно переливаются через этот край, а затем вниз, вниз, стремительное падение...

– Ну и что же, по-твоему, ждет нас внизу, а? – спросил Дриниэн.

– Может быть, страна Аслана, – ответила Мышь, глаза которой сияли. – Или, может быть, дна нет вообще. Может, спуск продолжается до бесконечности. Но, что бы нас там ни ждало, разве это не стоит того, чтобы хоть на одно мгновение заглянуть за край света?

– Но, погодите! – воскликнул Юстас, – это все чушь. Мир круглый – я имею в виду, круглый, как мяч, а не как стол.

– Да, наш мир, – заметил Эдмунд. – А этот?

– Вы хотите сказать, – удивился Каспиан, – что вы все трое пришли из круглого мира, круглого как шар? И вы ни разу не говорили мне об этом! Это нехорошо с вашей стороны. У нас есть сказки про круглые миры, и я всегда очень любил их.

Но я никогда не думал, что такой мир существует на самом деле. Я всегда очень хотел, чтобы он был, и я всегда ужасно хотел пожить там. О, я отдал бы все на свете... Интересно, почему вы можете попадать в наш мир, но мы не можем попасть в ваш? Если бы только у меня была такая возможность! Должно быть, очень здорово жить на земле, круглой как шар. Вы когда-нибудь бывали в тех местах, где люди ходят вниз головой?

Эдмунд покачал головой.

– Это все вовсе не так, – объяснил он. – Когда ты живешь в этом круглом мире, это совсем не так интересно, как тебе кажется сейчас.

16. НА САМОМ КРАЮ СВЕТА

Рипичип был, пожалуй, единственным на борту, за исключением Дриниэна и обоих Пэвенси, кто заметил Морской Народец. Когда он увидел, как Морской Король потрясает копьём, он сразу же нырнул в воду, так как принял это за вызов или угрозу и пожелал тут же на месте разобраться с ним. Восхищение от того, что он обнаружил пресную воду, отвлекло его внимание, и прежде, чем он вспомнил о Морском Народце, Люси с Дриниэном отвлекли его в сторону и предупредили, чтобы он никому не говорил о том, что видел.

Оказалось, что они зря беспокоились, потому что к этому времени «Рассветный Путник» плыл уже в той части моря, которая похожа, была необитаемой. Никто, кроме Люси, больше не видел морских жителей, да и ей удалось заметить их еще только один раз, и то в течение очень короткого времени. Утром следующего дня они плыли по мелководью. Где-то перед полуднем Люси увидела большую стайку рыб, снующих по дну в водорослях. Они все что-то жевали, не прекращая двигаться в одном и том же направлении.

– Совсем, как стадо овец, – подумала Люси.

Вдруг в центре этого стада она заметила маленькую Морскую Девочку, примерно того же возраста, что и она сама. Девочка казалась очень спокойной и самостоятельной. В руке она держала что-то вроде посоха. Люси была уверена, что эта девочка пасет морских овечек, то есть рыбок, и, значит, эта стайка – действительно стадо на пастбище. И рыбки, и девочка находились

совсем близко от поверхности воды. Когда девочка, скользящая по мелководью, и Люси, перегнувшаяся через борт корабля, оказались друг против друга, девочка взглянула наверх, прямо в лицо Люси. Они не могли заговорить друг с другом, через секунду девочка осталась позади, за кормой. Но Люси навсегда запомнила ее лицо. Оно не было испуганным или злым, как у многих морских жителей. Люси понравилась эта девочка, и она чувствовала, что тоже понравилась ей. За это мгновение они каким-то образом успели подружиться. Не похоже, что им удастся когда-нибудь встретиться снова в этом или каком-нибудь другом мире. Но если это все-таки произойдет, они кинутся друг другу в объятия.

После этой встречи «Рассветный Путник» в течение многих дней плавно скользил на восток по совершенно гладкому морю: волны не бились о борт корабля, стоял мертвый штиль. С каждым днем и часом свет становился все ярче, но все равно они могли глядеть на него. Никто не ел и не спал, но никому и не хотелось этого. Они поднимали ведра, полные удивительной морской воды, которая была крепче вина, но какая-то более мокрая, более жидкая, чем обычная вода, и молча пили ее глубокими глотками за здоровье друг друга. И двое или трое матросов, которые были довольно пожилыми в начале путешествия, с каждым днем теперь становились все моложе и моложе. На борту корабля всех переполняло радостное возбуждение, но не то возбуждение, которое заставляет вас болтать без умолку. Чем дальше они плыли, тем меньше говорили друг с другом, а уж если и разговаривали, то только шепотом. Тишина этого последнего моря зачаровывала их.

– Милорд, – обратился однажды Каспиан к Дриниэну, – что вы видите впереди?

– Сир, – ответил Дриниэн, – я вижу какую-то белизну. Она простирается по всему горизонту с севера на юг, насколько я могу охватить ее взором.

– Я вижу тоже самое, – сказал Каспиан, – и я не могу даже вообразить, что это такое.

– Если бы мы находились в более высоких широтах, Ваше Величество, я сказал бы, что это лед, – предположил Дриниэн. – Но здесь не может быть льда. Тем не менее, я думаю, что нам надо посадить гребцов на весла и удерживать корабль против течения. Чем бы эта штука ни оказалась, мы вовсе не хотим врезаться в нее на такой дикой скорости.

Они сделали так, как предложил Дриниэн, и продолжали продвигаться вперед все более и более медленно. Но загадка белизны не прояснялась, хотя они и приближались к ней. Если это была суша, то она, вероятно, была очень странной, так как казалась такой же гладкой, как и вода, и находилась вровень с ней. Когда они подошли к ней совсем близко, Дриниэн резко положил руль и развернул корабль боком к течению. Так они немного проплыли на юг, вдоль края этой белизны. При этом они случайно сделали очень важное открытие: ширина течения составляла не более сорока футов, море же вокруг было тихим, как озеро. Эти новости обрадовали команду, которая уже начинала думать, что обратное плавание, когда придется грести против течения до самого острова Раманду, будет весьма неприятным. Это также объясняло, почему маленькая пастушка так быстро отстала от корабля. Она находилась вне течения. Если бы это было не так, она двигалась бы на восток с такой же скоростью, что и корабль.

И все равно никто не мог понять, что это за белизна. Спустили шлюпку. Несколько человек отправились в ней на разведку. Те, что остались на «Рассветном Путнике», могли видеть, как шлюпка въехала прямо в эту белизну. Они слышали громкие и удивленные голоса сидевших в шлюпке, разносившиеся далеко над тихой водой. Затем наступила пауза, пока Райнелф на носу измерял глубину, а когда после этого шлюпка повернула назад, внутри нее оказалось довольно большое количество непонятного белого вещества. Вся команда с любопытством столпилась у борта.

– Лилии, Ваше Величество! – крикнул Райнелф, стоя на носу шлюпки.

– Как Вы сказали? – переспросил Каспиан.

– Цветущие лилии, Ваше Величество, – пояснил Райнелф. – Такие же, как дома в пруду.

– Вот, смотрите! – воскликнула Люси, сидевшая на корме шлюпки.

Мокрыми руками она подняла вверх охапку белых лепестков и широких плоских листьев.

– Какая там глубина, Райнелф? – спросил Дриниэн.

– Это-то самое интересное, Капитан, – ответил Райнелф. – Там еще глубоко, как минимум три с половиной сажени.

– Но это не могут быть настоящие лилии – то, что мы называем лилиями!

– воскликнул Юстас.

Может они и не были настоящими лилиями, но, во всяком случае, были очень похожи на

них. И, когда, после небольшого совещания, «Рассветный Путник» вошел обратно в течение и заскользил через Озеро Лилий или Серебряное Море (они попробовали использовать оба названия, но прижилось только Серебряное Море, и теперь оно так и обозначено на карте Каспиана), началась самая странная часть их путешествия. Очень скоро открытое море, которое они оставили позади, превратилось в узкую синюю полосу на западе. Со всех сторон их окружала белизна, чуть-чуть подкрашенная золотом, и лишь за кормой, после того, как корабль, проплывая, раздвигал лилии, оставалась открытая полоска воды, блестящая, как темно-зеленое стекло.

На вид это последнее море очень напоминало Арктику, и, если бы к этому времени их глаза не стали сильными, как глаза орла, они не смогли бы вынести блеск солнца на этой белизне – особенно ранним утром, когда солнце было ярче всего. И каждый вечер отсветы этой белизны продолжали день. Казалось, лилиям нет конца. День за днем ото всех этих миль и лье цветов исходил аромат, который Люси с трудом могла описать: он был сладким – да, но вовсе не всепоглощающим или одурманивающим, напротив, это был свежий, чистый, какой-то одинокий запах, который как будто проникал внутрь вашего мозга, и вы начинали чувствовать в себе силы взлететь на высокую гору или побороть слона. Люси с Каспианом говорили друг другу:

– Я чувствую, что не смогу выдержать это долго, но я не хочу, чтобы это прекращалось.

Они очень часто измеряли глубину, но лишь через несколько дней она стала уменьшаться. После этого становилось все мельче и мельче. Наконец, настал день, когда им пришлось выбираться из течения на веслах и с их же помощью продвигаться вперед со скоростью улитки. Вскоре стало ясно, что дальше на восток «Рассветный Путник» плыть не может. И впрямь, только искусство кормчего спасло их от того, чтобы сесть на мель.

– Спустите шлюпку! – вскричал Каспиан, – и позовите всех на палубу. Я должен поговорить с командой.

– Что он задумал? – прошептал Юстас Эдмунду. – У него какие-то странные глаза.

– Я думаю, что все мы, наверное, выглядим также, – ответил Эдмунд.

И они присоединились к Каспиану на корме. Вскоре внизу у лесенки столпилась вся команда, чтобы выслушать речь Короля.

– Друзья мои, – сказал Каспиан, – теперь мы исполнили то, зачем отправились в путешествие. Мы обнаружили всех лордов, и, так как сэр Рипичип поклялся никогда не возвращаться обратно, вы, несомненно, увидите, когда достигните Острова Раманду, что Лорды Ревилиен, Аргоз и Мавроморн пробудились ото сна. Вам, милорд Дриниэн, доверяю я этот корабль и приказываю на всех парусах плыть назад в Нарнию и ни в коем случае не высаживаться на Острове Мертвой Воды. И передайте моему регенту, Гному Трампкину, чтобы он раздал всем моим товарищам по кораблю те награды, которые я обещал им. Они их заслужили. И если я не вернусь, то воля моя такова, чтобы Регент, Доктор Корнелиус, Барсук Траффлхантер и Лорд Дриниэн выбрали нового Короля Нарнии с согласия...

– Но, Ваше Величество, – прервал его Дриниэн, – вы что, отрекаетесь от престола?

– Я отправляюсь с Рипичипом на Край Света, – заявил Каспиан.

Встревоженный ропот прокатился по рядам матросов.

– Мы возьмем шлюпку, – продолжал Каспиан. – вам она не понадобится в этих тихих морях, а на острове Раманду вы сможете сделать новую. А теперь...

– Каспиан, – вдруг строго сказал Эдмунд, – ты не можешь так поступить.

– Естественно, – присоединился к нему Рипичип, – это невозможно для Вашего Величества.

– Конечно, нет, – сказал Дриниэн.

– Не могу? – грозно вскричал Каспиан, сделавшись в это мгновение похожим на своего дядю Мираза.

– Простите, Ваше Величество, – послышался с палубы голос Райнелфа, – но, если бы кто-нибудь из нас вздумал такое сделать, это назвали бы дезертирством.

– Вы слишком много на себя берете, Райнелф! – предупредил Каспиан.

– Нет, Сир! Он совершенно прав! – воскликнул Дриниэн.

– Клянусь Гривой Аслана! – вскричал Каспиан. – Я-то думал, что вы здесь все мои подданные, а не учителя,

– Я не твой подданный, – сказал Эдмунд, – и я говорю тебе, что ты не можешь этого сделать.

– Ну вот, опять, – пробормотал Каспиан. – Что ты имеешь в виду?

– Если Вашему Величеству угодно, мы имеем в виду, что Вы не должны этого делать, – объ-

яснил Рипичип, поклонившись очень низко. – Вы являетесь Королем Нарнии. Если Вы не вернетесь, Вы предадите всех своих подданных, и в первую очередь – Трампкина. Вы не имеете права развлекаться приключениями, словно обычный человек. И если Ваше Величество не пожелает прислушаться к голосу рассудка, то верноподданныческий долг каждого на борту будет заключаться в том, чтобы помочь мне разоружить Вас, связать и так и держать, пока Вы не придете в чувство.

– Совершенно верно, – поддержал Эдмунд. – Так и поступили с Улиссом, когда тот хотел подплыть поближе к Сиренам.

Рука Каспиана уже опустилась на рукоять меча, когда Люси напомнила:

– Ты ведь обещал дочери Раманду, что вернешься.

Каспиан остановился.

– Ну, да. Это так. – сказал он. Он постоял минуту в нерешительности, а затем крикнул, обращаясь ко всем на корабле:

– Хорошо, пусть будет по-вашему! Путешествие окончено! Мы все возвращаемся обратно! Поднимите шлюпку!

– Мир! – воскликнул Рипичип, – мы возвращаемся, но не все. Я, как уже объяснял ранее...

– Тихо! – взорвался Каспиан. – Я получил урок, но я не позволю издеваться над собой. Неужели никто не заткнет пасть этой Мыши?

– Ваше Величество обещало, – напомнил Рипичип, – быть добрым сеньором для Говорящих Зверей Нарнии.

– Да, для Говорящих Зверей! – воскликнул Каспиан. – Но я ничего не обещал зверям, которые все время говорят без остановки.

И он в гневе спустился по лесенке и вошел в каюту, хлопнув за собой дверью.

Но, когда чуть позже остальные пришли к нему, они обнаружили, что настроение его изменилось. Он был бледен, и на глазах у него были слезы.

– Все бесполезно! – воскликнул он. – Я должен был вести себя прилично

– от моего чванства и гнева нет никакого толку. Аслан говорил со мной. Нет

– я не хочу сказать, что он на самом деле был здесь. Он бы даже не поместился в этой каюте. Но эта золотая львиная голова на стене вдруг ожила и обратилась ко мне. Его глаза были ужасны. Не то, чтобы он грубо обошелся со мной, – лишь немного строго вначале. Но это все равно было ужасно! И он сказал... он сказал... о, я не могу вынести этого. Самое худшее из того, что он мог сказать. Вы должны плыть дальше – Рип, Эдмунд с Люси и Юстас, а я должен повернуть назад. Один. И немедленно. Но зачем же тогда все?

– Каспиан, дорогой мой, – сказала Люси, – ты ведь знал, что рано или поздно мы должны будем вернуться в наш собственный мир.

– Да, – всхлипывая, ответил Каспиан, – но это произошло раньше, чем я ожидал.

– Когда ты вернешься на Остров Раманду, тебе будет лучше, – попыталась утешить его Люси.

Позже Каспиан немного повеселел, но для всех расставание было все-таки очень горестным и тяжелым, и я не буду останавливаться на этом.

Примерно в два часа шлюпка, нагруженная съестными припасами и водой, хотя они подозревали, что еда и питье им не понадобятся, взяв на борт плетеную лодочку Рипичипа, отошла от «Рассветного Путника», и дети двинулись через бесконечный ковер из лилий. На «Рассветном Путнике» подняли все флаги и вывесили на борт все щиты в честь их отплытия. Снизу, из лодки корабль казался таким высоким, большим и домашним. А повсюду вокруг них были одни лилии. Прежде, чем они потеряли корабль из виду, они увидели, как он развернулся и медленно пошел на веслах на запад. И, хотя Люси и пролила несколько слезинок, она не так сильно страдала от расставания, как можно было ожидать. Свет, тишина, пряный аромат Серебряного Моря, и даже непонятно, почему само одиночество – все это было слишком здорово, чтобы грустить.

Не было необходимости грести – течение непреклонно несло их на восток. Никто из них не спал и не ел. Всю ночь и весь следующий день они скользили прямо на восток, и когда на третий день вошло солнце – такое яркое, что мы с вами не могли бы вынести его сияния даже в темных очках, впереди они увидели чудо. Между ними и небом была как будто стена, серо-зеленая, дрожащая, мерцающая стена. Затем вошло солнце. Вначале они увидели его сквозь эту стену, она засияла всеми цветами радуги. Тогда они поняли, что на самом деле – это высокая волна, беско-

нечная волна, как край водопада, застывшая на одном месте. Казалось, что она выше тридцати футов. Течение быстро несло путешественников прямо к ней.

Вы можете предположить, что они подумали об опасности, ожидавшей их. Но нет. Они и не задумались об этом. Я полагаю, на их месте никто не смог бы думать об этом, ведь теперь они видели не только сквозь волну, но и сквозь солнце. Они не смогли бы даже просто взглянуть на это солнце, если бы вода Последнего Моря не укрепила их глаза. Однако, теперь они могли смотреть на восходящее солнце и ясно видеть то, что скрывалось за ним. На востоке, за солнечным диском, они заметили горную цепь. Эти горы были очень высоки: путешественники не видели их вершин, по крайней мере они ничего не могли сказать об этом. Никто из них не помнит, было ли небо в том направлении. И эти горы, должно быть, действительно находились за пределами мира. Ибо любые горы, высотой даже в четверть или даже в одну двадцатую от них, были бы покрыты снегом и льдом. Но, куда бы вы не бросили взгляд, на любой высоте эти горы оставались зелеными, теплыми, поросшими лесом, в котором виднелись водопады. Внезапно с востока налетел легкий ветер, накинувший шапку пены на гребень волны и взъерошивший тихие лилии вокруг лодки. Это дуновение длилось лишь секунду или около того, но дети никогда не смогут забыть то, что они ощутили в это мгновение. Ветерок донес до них аромат и звук, звук музыки. Эдмунд с Юстасом впоследствии отказывались говорить об этом, а Люси могла лишь вымолвить:

– Этот звук разрывал сердце.

– Почему? – спросил я, – разве он был настолько печальным?

– Печальным? Нет, – ответила Люси.

Никто из сидевших в лодке не сомневался, что они глядят за Край Света, в страну Аслана.

В этот момент лодка с треском села на мель. Теперь даже для нее стало слишком мелко.

– Отсюда, – сказал Рипичип, – я поплыву один.

Они даже не пытались помешать ему, так как теперь все, что происходило, казалось предначертанным судьбой или произошедшим когда-то раньше. Дети помогли Рипичипу спустить на воду маленькую лодочку. Затем он снял свою шпакку «Она мне больше не понадобится», – пояснил он и отшвырнул ее далеко в сторону в заросли лилий. Она втолкнулась в дно вертикально, так что рукоять ее осталась над поверхностью воды. Затем Рипичип попрощался с детьми, стараясь выглядеть печальным ради них: на самом же деле он дрожал от счастья. Люси в первый и последний раз в жизни взяла его на руки и погладила. А затем он торопливо уселся в свою лодочку, взял весло, и течение подхватило его и понесло прочь, превращая в черную точку на фоне лилий. Но на волне не росло никаких лилий – это был ровный, зеленый склон. Лодочку относил все быстрее и быстрее, и вдруг она взлетела на гребень волны. Лишь одно мгновение видели дети ее силуэт и Рипичипа на самой вершине. Затем они пропали из виду, и с тех пор больше никто на свете не встречал доблестного Рипичипа. Однако, мое мнение таково, что он добрался невредимым до страны Аслана и живет там и по сей день.

Как только встало солнце, очертания гор за пределами мира растворились в нем. Осталась только волна, да синее небо за ней.

Дети вышли из лодки и побрели по мелководью – не к волне, а на юг, оставляя волну слева от себя. Они не смогли бы объяснить вам, отчего они так сделали: это была судьба. На «Рассветном Путнике» они чувствовали и вели себя совсем, как взрослые. Но теперь они испытывали совершенно противоположное чувство и предпочли взяться за руки, пробираясь через лилии. Они не ощущали усталости. Вода была теплой. С каждым шагом становилось все мельче и мельче. Наконец они выбрались на сухой песок а потом и на траву. Во все стороны, куда ни глянь, почти ровень с Серебряным Морем простиралась огромная равнина, поросшая тонкой невысокой травой. Она была удивительно ровной: нигде не было даже кротовой норки.

И, конечно же, им казалось, что впереди небо встречается с землей, как всегда бывает на абсолютно ровном месте, где нет деревьев. Однако, чем дальше они шли, тем сильнее становилось чрезвычайно странное ощущение, что здесь и впрямь небо наконец встретится с землей, что оно лишь синяя стена, очень яркая, но вполне реальная, и сделана из какого-то твердого вещества. Больше всего это походило на стекло. Вскоре они были совершенно уверены в этом. Они подошли совсем близко.

Но между ними и краем неба на зеленой траве лежало что-то настолько белое, что даже их сильные глаза едва могли вынести эту ослепительную белизну. Они подошли ближе и увидели, что это Ягненок.

– Подойдите, позавтракайте, – произнес Ягненок. Голос его был сладок, как молоко.

Только тогда они заметили, что в траве горел костер, а на нем жарилась рыба. Они уселись на траву и съели рыбу, почувствовав голод в первый раз за много дней. Эта рыба показалась им вкуснее всего, что они когда-либо пробовали.

– Пожалуйста, Ягненок, скажите нам, – попросила Люси, – здесь ли лежит путь в страну Аслана?

– Не для вас, – ответил Ягненок. – Для вас дверь в страну Аслана открывается лишь из вашего мира.

– Как! – удивился Эдмунд. – Разве из нашего мира тоже есть путь в страну Аслана?

– В мою страну ведут дороги из всех миров, – ответил Ягненок, и, когда он сказал это, его белоснежная шерстка превратилась в рыже-золотую, он увеличился в размерах и оказался самым Асланом. Лев возвышался над детьми, грива его излучала сияние.

– О, Аслан! – воскликнула Люси, – ты расскажешь нам, как попасть в твою страну из нашего мира?

– Я постоянно буду вам рассказывать это, – ответил Аслан. – Но я не скажу вам, долог или короток этот путь: скажу лишь, что он лежит через реку. Но не бойтесь этого, потому что я – Великий Строитель Мостов. А теперь пойдемте: Я открою дверь в небе и отправлю вас в ваш собственный мир.

– Аслан, прошу тебя! – взмолилась Люси, – прежде, чем мы уйдем, не мог бы ты нам сказать, когда мы снова попадем в Нарнию? Пожалуйста, скажи нам это. И я очень прошу тебя, сделай так, чтобы это произошло скорее.

– Дорогая моя, – очень мягко ответил Аслан, – ты и твой брат никогда больше не вернетесь в Нарнию.

– Ах, Аслан! – хором вскричали в отчаянии Эдмунд и Люси.

– Дети, вы стали уже слишком взрослыми, – объяснил Аслан. – Вы должны теперь начинать приближаться к вашему собственному миру.

– Но, понимаешь, дело не в Нарнии, – всхлипывала Люси. – Дело в тебе. Ведь там мы не сможем встретиться с тобой. И как же мы будем жить, никогда не видя тебя?

– Но ты встретишь меня там, дорогая моя, – ответил Аслан.

– Разве... разве Вы есть и там, сэр? – спросил Эдмунд.

– Я есть повсюду, – ответил Аслан. – Но там я ношу другое имя. Вы должны узнать меня под этим именем. Именно для этого вам и позволили посетить Нарнию, чтобы, немножко узнав меня здесь, вам было бы легче узнать меня там.

– А Юстас тоже никогда больше не вернется сюда? – спросила Люси.

– Дитя мое, – промолвил Аслан, – зачем тебе знать о том? Пойдем, я открываю дверь в небе.

Затем все произошло в одно мгновение: синяя стена разошлась, как рвущаяся занавеска, откуда-то с неба полился ужасающий белый свет, дети почувствовали прикосновение гривы Аслана и поцелуй Льва на своем лбу, а затем они вдруг очутились в задней спальне в доме тети Альберты в Кембридже.

Остается добавить еще только две вещи. Во-первых, Каспиан и все его товарищи благополучно добрались до Острова Раманду. Трое Лордов пробудились ото сна. Каспиан женился на дочери Раманду, и в конце концов все приплыли в Нарнию, где она стала Великой Королевой, давшей род многим Великим Королям. Во-вторых, в нашем собственном мире вскоре все стали говорить о том, насколько Юстас изменился к лучшему: «Да его просто не узнать, это совершенно другой мальчик» Все – кроме тети Альберты, которая сказала, что он стал очень надоедливым и вульгарным, и что это, должно быть, дурное влияние этих Пэвенси.